

**ОЛЬГА
ДМИТРИЕВНА
ВОЛКОГОНОВА**

БЕРДЯЕВ

Ольга Волкогонова

Бердяев

«Волкогонова Ольга Дмитриевна»

Волкогоронова О. Д.

Бердяев / О. Д. Волкогоронова — «Волкогоронова Ольга Дмитриевна»,

ISBN 978-5-235-03361-0

«...Авторы биографических книг нередко находятся в состоянии глубокой влюбленности в свой „предмет“ – человека, о котором пишут. Сознаюсь, понурив голову: данная книга – другой случай. Может быть, это и к лучшему: комплиментарных текстов о Бердяеве, хватает в самых разных жанрах. Существует и другая, гораздо менее многочисленная категория биографических книг, авторы которых пытаются развенчать неоправданную славу или популярность того человека, чье имя „на слуху“. Такая задача мне тоже в голову не приходила. Может быть, кому-то в моем жизнеописании Бердяева не хватит „соли и перца“, но я изо всех сил старалась избежать крайностей и рассказать о Николае Александровиче объективно...»

ISBN 978-5-235-03361-0

© Волкогоронова О. Д.
© Волкогоронова Ольга Дмитриевна

Содержание

Часть 1. Становление	12
1. Детство: «аристократический мир»	12
2. Студенчество: «революционный, марксистский мир»	19
3. Ссылка: «мир освобожденной индивидуальности»	32
4. «Новое религиозное сознание»: мир философских исканий	49
Часть 2. «Эпоха обогащения душ»	56
5. Лидия Трушева – «друг жизни»	56
6. Петербургский Серебряный век	63
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Ольга Волкогонова

Бердяев

В судьбе нет случайностей; человек скорее создает, нежели встречает свою судьбу.

Л. Н. Толстой

Авторы биографических книг нередко находятся в состоянии глубокой влюбленности в свой «предмет» – человека, о котором пишут. Сознаюсь, понутив голову: данная книга – другой случай. Может быть, это и к лучшему: комплиментарных текстов о Бердяеве, хватает в самых разных жанрах. Существует и другая, гораздо менее многочисленная категория биографических книг, авторы которых пытаются развенчать неоправданную славу или популярность того человека, чье имя «на слуху». Такая задача мне тоже в голову не приходила. Может быть, кому-то в моем жизнеописании Бердяева не хватит «соли и перца», но я изо всех сил старалась избежать крайностей и рассказать о Николае Александровиче объективно (если это вообще возможно в писательском деле).

Мое отношение к творчеству Бердяева менялось: от восхищения в юношеские годы, когда студенты философского факультета могли читать его работы только «из-под полы» и бердяевские книжки (и то далеко не все!) хранились за толстыми стенами библиотечного спецхрана, куда попасть могли только обладатели специального «допуска», до разочарования во времена, когда можно стало читать все. В руки поплыли самые разные книжки, на полках перестало хватать места для того, что впервые было опубликовано после десятилетий цензуры. Стали широко издаваться и работы тех людей, что окружали Бердяева, кто думал, писал, жил в одно с ним время. Оказалось, что его гордое одиночество и непохожесть на остальных – миф, созданный, в том числе, и самим Николаем Александровичем. Упаси боже, я не думаю, что Бердяев занимался сознательным мифотворчеством о своей персоне, – конечно, нет. Но ему, как и каждому из нас, все происходящее в собственной душе и голове казалось чем-то принципиально особенным, не похожим на то, что происходит с другими. Он не раз писал о своей непонятости, отталкивании от других, одиночестве... Он и в самом деле был очень одинок, но дело было не столько в оригинальности мыслей и рассматриваемых им тем (как ему казалось), сколько в личностных качествах, полученном воспитании, характере. В какой-то момент я обнаружила, что почитаемый мною гордый аристократ Бердяев, как и любой другой мыслитель, не был свободен от сильных влияний со стороны других: когда многие увлекались марксизмом – Бердяев тоже вполне искренно им увлекался, если Лев Шестов зачитывался Ницше, – Бердяев тоже выписывал себе из Германии собрание сочинений немецкого бунтаря, русская интеллигенция открывала для себя Ибсена – и Николай Александрович публиковал статьи об Ибсене, когда Сергей Булгаков и другие стали переходить к идеализму и религии – Бердяев тоже пережил духовный переворот... И даже идея добытийственной свободы, центральная в философии зрелого Бердяева, явно выросла из средневековой мистики (чего он и сам, впрочем, никогда не скрывал). Разумеется, после такого открытия я высокомерно поставила на работах Бердяева печать вторичности и в Николае Александровиче разочаровалась. Но прошло время, и оказалось, что многие бердяевские мысли и идеи прочно застряли в моей голове, пришло понимание того, что без его фигуры невозможно нарисовать картину русской мысли прошлого века, что не только на него влияли, но и он влиял на других. Вот в таком спокойном состоянии ума я и взялась за это жизнеописание.

Мне повезло: Бердяев оставил после себя несколько философских автобиографий для словарей, но главное – замечательный рассказ о себе, «Самопознание». Многочисленные книги о Бердяеве (а их, поверьте, сотни!) традиционно опираются именно на этот текст. Но, на мой взгляд, здесь существует опасность: мемуары не всегда являются надежным источником. Автор

мемуаров создает свой образ в умах и сердцах читателей по законам искусства, «редактируя» (не злонамеренно, о нет! не отдавая в этом отчета) свою жизнь, выстраивая ее с позиции того момента, когда он сел писать эти самые мемуары. Любые мемуары – мифотворчество. То, что в молодости казалось исключительно важным, может потерять свое значение для пожилого мэтра, и наоборот, «проходное» увлечение, событие наполнится особым смыслом и ему будут посвящены многие страницы. К тому же, в «Самопознании» я нашла целый ряд неточностей и умолчаний, что неудивительно: жизнь у Николая Александровича была долгой, бурной, разной, всего и не упомнишь, да и оценки произошедших событий не могли не меняться в течение жизни. Поэтому я не хотела покорно следовать за «Самопознанием», рассматривая его в качестве «канона» для понимания Бердяева, получилось ли – не мне судить.

Что включать в книжку? Тоже непростой вопрос. Ряд авторов считают, что жизнеописание – прежде всего факты, события, происшествия, которые случились с героем. С этим трудно спорить, но и тут я должна повиниться: отнюдь не все известные мне случаи из бердяевской жизни нашли место в книжке. Писать или нет о том, что в 1908 году автомобиль с Бердяевым, его женой Лидией и свояченицей Евгенией Рапп столкнулся на улицах Парижа с омнибусом, после чего Лидия Юдифовна, женщина чувствительная и экзальтированная, пережила настоящий нервный срыв, хотя и не получила ни одной царапины? У Бердяева царапины и ушибы были, но стоит ли это упоминания? Я об этом писать не стала. Надо ли перечислять имена и фамилии тех священников, которые отпевали Бердяева, прежде чем он упокоился на кладмарском кладбище? Их было несколько; сохранились свидетельства о том, кто именно провожал Николая Александровича в последний путь. Но я и об этом писать не стала. Есть другие книги о Бердяеве, – где каждой «открытой» в архивах, воспоминаниях, мемуарах жизненной детали находится свое место. Наверное, одна из лучших книг такого склада написана о Бердяеве покойным Александром Цветковым¹. Такие книги чрезвычайно интересны для специалистов, они дают им новый материал для размышлений, но не всегда любопытны для обычных читателей, которые хотят получить целостную «картинку», образ того или иного деятеля. А для складывания такой картинки излишние детали могут быть вредны и утомительны, потому что синяки Николая Александровича ничего к его образу добавить не могут, как и фамилии священников на панихиде.

Другая – большая – часть книг о Бердяеве вообще про факты его жизни ничего не рассказывает, ограничиваясь небольшой биографической справкой в начале; в них речь идет о его философских взглядах. Разумеется, это самое главное – ведь Бердяев был философом, организатором академий, журналов, кружков, этим он и интересен; его знают благодаря его работам, а не чаепитиям на даче в Бабаках. Но такие книжки – тоже для специалистов, в них его личность вообще остается за скобками. Поэтому я и здесь пошла по компромиссному пути: конечно, я рассказала многое из того, что знаю, что мне кажется важным, о жизни Бердяева. Он любил животных, особенно собак. По-моему, такое качество – важная характеристика его личности, потому я и упомянула о ней. У него были платонические отношения с женой, Лидией Юдифовной, которая во второй половине своей жизни вообще соблюдала устав католической монахини, – тоже важно, причем не с точки зрения удовлетворения обывательского любопытства, а для объяснения отталкивания Николая Александровича от всего плотского, материального, для понимания его взглядов – в том числе, теоретических, философских. Но и сами философские рассуждения, каюсь, в книжке есть: бердяевская философия – его личный духовный опыт, положенный на бумагу. Николая Александровича нельзя понять, не имея представления о его взглядах и убеждениях; у него не было отстраненности от своих творений, он буквально запечатлел себя на страницах своих философских книг и статей. Все-таки основные события жизни

¹ Вадимов А. Жизнь Бердяева: Россия. – Oakland, Calif., Bercley Slavic Specialties, 1993 (автор воспользовался псевдонимом).

Николая Александровича проходили внутри его головы, а не снаружи. В каком-то смысле его работы «Философия свободы» и «Смысл творчества» – более важные рубежи в его жизни, чем даже высылка и эмиграция.

Но главный вопрос, который встал передо мною, был вопрос о широкой популярности Бердяева. И в России, и за пределами нашей страны вероятность услышать ответ: «Бердяев» на вопрос о русских мыслителях 20 столетия, крайне высока. Николая Александровича знают больше других его современников, его имя и творчество вышло далеко за пределы профессионального интереса специалистов-философов, у его творчества много поклонников. О философии Бердяева написаны сотни томов, тысячи статей, сборников, ему были посвящены многие симпозиумы и конференции. Для околофилософских кругов Западной Европы и Северной Америки Николай Бердяев – это и есть русская философия. Незадолго до своей смерти Лев Шестов писал о своем давнем друге: «Можно сказать, что в лице Н. Бердяева русская философская мысль впервые предстала перед судом Европы или, пожалуй, даже всего мира». В то же время, почти нигде на Западе его философию не изучают в университетах, вы найдете упоминания о ней только в учебниках, посвященных истории русской мысли, – получается, что она интересна только «этнографически», в контексте изучения России, но не сама по себе. С другими мыслителями-эмигрантами ситуация сложилась совершенно иная: или их типично русская философия «больной совести» оказалась чужда западным читателям, а их имена известны только в кругу соотечественников (такова была участь большинства), или (как это было, например, в случае с близким приятелем Бердяева – Львом Исаакиевичем Шестовым) они были замечены и оценены прежде всего своими западными коллегами-интеллектуалами, широкая же читательская публика о них не подозревает. Известность Бердяева другого рода: его не так много публиковали в специализированных философских западных журналах, его главные философские книги («О назначении человека», «Экзистенциальная диалектика», другие) после перевода на иностранные языки почти не переиздавались, трудно выделить в его работах те оригинальные концептуальные идеи, которые были бы подхвачены и развиты учениками (даже в кружке французского персонализма вокруг журнала *Esprit* наследование не было прямым), зато он был переведен на двадцать языков, книги его издавались относительно большими тиражами и во многих странах, он получал десятки приглашений в неделю из различных университетов и культурных центров с просьбой выступить, прочесть лекцию, поучаствовать в конференции, о его книгах много спорили не столько в научных, сколько в литературных и политических журналах. Да и написано им было удивительно много: он работал каждый день по несколько часов, и так – всю жизнь. Но как верно заметил Николай Полторацкий: «Его почитатели ценили в нем совсем не то, что он сам считал в своем творчестве главным»². Николай Александрович всю жизнь посвятил философии, ощущал себя мыслителем – одиноком, не похожим на других, с новыми, подчас парадоксальными ответами на сложные метафизические вопросы. А читатели зачастую проходили мимо собственно философского содержания его работ, не видели или не ценили его открытий, улавливали лишь второстепенное – оценки других подходов, суждения, связанные с политическими реалиями, красивые фразы (в работах Бердяева можно найти немало отточенных афоризмов). Известный философ Мераб Мамардашвили говорил: «У русского философа Николая Бердяева есть книжка «Самопознание. Опыт философской автобиографии». И вот странная вещь. После неоднократного чтения этой интересной, ярко написанной книги я обнаружил, что за спиной Бердяева нет устойчивой традиции осуществленных, доведенных до конца и выполненных актов мысли, а личной интуиции и гениальности у него, очевидно, не хватило на то, чтобы самому это осуществить без пред-

² Н. П. Полторацкий. Н. А. Бердяев: Философия эсхатологического анархизма. // Н. А. Бердяев: pro et contra. Антология. (Подгот. А. А. Ермичев). – СПб: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1994. С.559

шествующей традиции». Подобные оценки встречаются и у некоторых других философов, то есть людей, принадлежащих с Бердяевым к одному «цеху».

Почему же тогда фигура Бердяева стала самой узнаваемой на групповом портрете русской философии начала прошлого века? При ответе на этот вопрос оценки личности и творчества Бердяева давались и даются подчас полярные. Многие, очень многие видят в факте популярности и признания справедливое подтверждение незаурядного таланта и оригинальности мысли Николая Александровича. Отец Александр Мень так образно объяснил непохожесть Бердяева на современников: в бердяевское время было немало философов, историков, богословов, публицистов, но каждый, так сказать, сидел на своем шесте. А Бердяев свободно ходил по всем мирам, в этом проявлялся его «масштаб»³. Совершенно иначе видел Бердяева Иван Солоневич. Талантливый полемист, он обвинял Бердяева и других представителей того поколения русской интеллигенции (сам он был моложе) в вольной или невольной подготовке социалистической революции – пока они жили в России и в непонимании тоталитарной, варварской сущности советского режима – когда они оказались в эмиграции. «Бердяев начал свою общественную карьеру проповедью марксизма, потом стал буржуазным либералом, потом сбежал за границу, где перешел в ряды «черной реакции», потом сменил вехи и стал на советскую платформу... Все это можно объяснить и евангельской фразой: «вернется пес на блевотину свою». Верхи русской интеллигенции так и сделали: вернулись на свою же революционную блевотину...» – безапелляционно писал Солоневич. И даже еще резче: «Русская профессура оказалась глупее даже и германской. Германскую все-таки разбили враги, русскую расстреляло или выгнало вон ее же собственное детище – ее же выученики, питомцы и последователи. Германская профессура сидит все-таки дома и никто ее по подвалам не таскает, русская бежала на чужбину, или погибла на родине трудящихся всего мира... У проф. Люмана остался хоть его участок, если даже вила и разбита. У русского профессора Бердяева не осталось ничего, кроме органов усидчивости, которые он кое-как унес из пожара, зажженного им самим. Здесь провал полный, абсолютный, стопроцентный. Провал, после которого при малейшем запасе совести и совестливости надо бы надеть покаянное рубище, пойти в Каноссу и заняться там подметанием уборных. Но русская профессура рубища не надела, в Каноссу не пошла и уборных, к сожалению, не подметает. Она продолжает пророчествовать».

«Революционаризм» не устраивал и не устраивает многих, а коренится-то он в самой философской системе Бердяева. Философскую систему тоже многие не принимали, называли «бердяевщиной» (а иногда – и «белибердяевщиной»). Учение Бердяева всегда вызывало споры, у него были не только почитатели и последователи, но и резкие критики, особенно среди современных ему русских философов. И оснований для такой критики было достаточно: Бердяева справедливо упрекали в непоследовательности, многочисленных повторах, тенденциозности, противоречивости, бездоказательности. Андрей Белый, лично знавший Бердяева, довольно зло охарактеризовал эту «несистематичность» и изменчивость философской позиции Бердяева: «...Мировоззрение Бердяева мне виделось станцией, через которую лупят весь день поезда, подъезжающие с различных путей»⁴. Никита Струве, внук Петра Бернгардовича Струве, близкие отношения которого с Бердяевым закончились разрывом уже в эмиграции, дал свою оценку творчеству Николая Александровича уже в наши дни. Его оценка – оценка парижского профессора, директора издательства «УМСА-Press» (где Бердяев публиковал свои главные работы), главного редактора нескольких журналов (в том числе – «Вестника Русского христианского движения», а с РСХД Николай Александрович активно сотрудничал долгие годы), она спокойная, взвешенная, но все-таки немного обидная, пренебрежительная: «Бердяев принадлежит к «пророческому» типу философов. У него нет системы, его интуиции всегда пара-

³ См.: Александр Мень. Мировая духовная культура. (Сост. А. Белавин). – Изд-во «Нижегородская ярмарка», 1995.

⁴ А. Белый. Между двух революций. – М.: Худ. Литература, 1990. С. 414.

доксальны, он их не доказывает, не пытается примирить, а в стремительном, иногда повторно-утомительном, афористическом потоке выпаливает на бумагу». О противоречиях писали и те, кто очень высоко ценил творчество Николая Александровича. Например, Георгий Федотов: «Бердяев писал горячо, всегда в борьбе на нескольких фронтах, не страшась преувеличений и противоречий». Кто же прав? Возможно, единственно «правильной» оценки и не существует, а для того, чтобы выработать свое мнение о наследии Бердяева, надо почитать его книги.

Но вопрос о популярности Бердяева все равно остается, на него все равно надо отвечать. Легче всего найти ответ стоящему на точке зрения гениальности Бердяева: действительно, его книги не похожи на другие, он смог уловить то, что для других мыслителей осталось скрытым и незамеченным, чуткость его духа и «хождение по всем мирам» сделали его знаковой фигурой первой половины 20 столетия. Труднее найти ответ на вопрос о широкой популярности Бердяева тем, кто, даже признавая за ним философский талант, не видит абсолютно новых подходов в его философии. Кто-то видит причину в стиле его книг, в умении писать просто и ярко о сложном, – Сергей Левицкий, например, отмечал «блестящий литературный талант» Бердяева. Конечно, это дело вкуса и подготовки читателя. Но простыми для восприятия бердяевские работы назвать трудно: за его стремительной мыслью следить не просто, да и соответствующая подготовка требуется, чтобы справиться со всеми «меонами», «космической коммюнитарностью», «интегральным откровением» и «социальным трансцендированием». К тому же, Бердяев никогда не редактировал свои работы. Он писал быстро, много, это было его ежедневной потребностью, но не любил править и вычитывать уже написанное. Поэтому наряду с запоминающимися афористичными страницами в его работах много повторов, неясностей, длиннот. «Он мастер удачных, образных определений, но они часто тонут среди черновых набросков. Мы лишь предчувствуем блестящий писательский дар, запущенный как старый русский сад, заросший сорными травами», – верно написал об этой особенности бердяевских текстов Георгий Федотов. Но, конечно, доля истины в утверждении, что популярность Бердяева обуславливается его писательским даром, есть. Если даже «рядовому» читателю не хватит духа осилить бердяевскую книжку, то уж запоминающиеся афоризмы и определения врезаются в память прочно и надолго: «Смысл истории – в ее конце», «Культ святости надо дополнить культом гениальности», «Свобода есть свобода не только от господ, но и от рабов», – чеканные формулы Бердяева парадоксальны и отточены.

Есть и другой момент, на который указывали биографы Николая Александровича: при всем его отталкивании от массовидности, общности, практики, он был человеком активным и заметным. Ему были обязаны своим существованием журналы – «Вопросы жизни», «София», «Путь», он исполнял обязанности председателя Всероссийского Союза писателей в послереволюционной России, без него не могла бы появиться на свет Вольная академия духовной культуры в Москве и Религиозно-философская академия в Берлине и Париже, более десяти лет он тесно был связан с Русским студенческим христианским движением, он стал одним из организаторов и инициаторов межконфессиональных собраний в Париже, – чего только не было в его бурной жизни! Да и философия его была тесно связана с пережитым: с войнами, революцией, марксистским опытом, – то есть с темами, которые затрагивали не только высококолых профессионалов-философов, но и других читателей. Конечно, это тоже расширяло круг читателей Бердяева. Не случайно наиболее востребованными на Западе были и есть те его книги, которые связаны с его пониманием истории, русской культуры и русского марксизма.

Существует еще один аспект его популярности. Бердяев выразил в своих порой противоречивых и страстных работах дух времени, в котором ему довелось жить. Его духовная эволюция – характерна для русского интеллигента-интеллектуала рубежа веков; в его творчестве нашли отзвук наиболее заметные и яркие идеи того удивительно богатого на таланты времени; он стал точкой пересечения различных художественных, философских, политических влияний

Серебряного века русской культуры и периода послеоктябрьской эмиграции. «Одиночка» Бердяев – в каком-то смысле типичен, причем он оставил свой след и в марксистских кружках, и на «башне» Вячеслава Иванова, и в эмигрантских изданиях и организациях. Без фигуры Николая Александровича просто невозможно представить панораму той эпохи, когда «плавилась миры». Вы будете наткаться на упоминания о Бердяеве, на его письма, его характеристики, поступки всюду: станете ли интересоваться жизнью Марины Цветаевой или судьбой Зинаиды Гиппиус, захотите ли узнать о Льве Шестове или Сергее Булгакове, заинтересует ли вас Ромен Роллан или Жак Маритен. Я благодарна Николаю Александровичу: он дал мне возможность при написании книги окунуться в атмосферу той эпохи, ощутить себя среди удивительных людей того времени. Ремизовские шаржи и вечера Гафиза, парижский салон Мережковских и религиозно-философские общества, Лавка писателей и героическое служение матери Марии Скобцовой, – читать и думать об этом времени было настоящим счастьем. В книжке я постаралась познакомить читателей с людьми, которые окружали Бердяева, – думаю, настоящий портрет должен быть «групповым», потому что без этого нельзя понять пристрастия, склонности, настроения человека, да и круг общения говорит о личности гораздо больше, чем аттестаты и дипломы.

Книга не снабжена библиографией, – вовсе не из-за лени автора. Дело в том, что первая и наиболее полная библиография⁵ была составлена еще человеком, лично хорошо знавшим Николая Александровича – Тамарой Клепининой, вдовой погибшего в нацистских застенках отца Дмитрия Клепинина. Это – своего рода «классика» указателя бердяевских работ, с которой могут ознакомиться все желающие. Что касается работ о Бердяеве, – их слишком много: только в указателе Библиотеки конгресса США насчитывается более 300 таких книг, а на самом деле их гораздо больше. Выбирать из них кажущиеся наиболее интересными – субъективизм, который может не совпасть с субъективными же установками читателя и вызвать заслуженную критику. В пространстве всемирной интернет-паутины о Бердяеве тоже немало сайтов. Наверное, лучшим и наиболее полным можно назвать тот, что находится в библиотеке священника Якова Гавриловича Кротова⁶, где книги Бердяева и материалы о нем удивительно полны и собраны с несомненными любовью и вниманием.

Несмотря на известность Бердяева, ни в Москве, ни в Киеве, ни в Клямаре нет музея философа. Вернее, во французском Клямаре хотя бы что-то похожее на музей существует, – дом, где Бердяев прожил долгие годы, где написаны многие его работы, сохранен и его можно осмотреть: если заранее договориться о времени визита, дом для вас откроют и покажут подлинные вещи Николая Александровича. В Москве музей начинался: «бердяевед» Александр Цветков, умерший от тяжелой болезни в 28 лет, успел собрать множество материалов о жизни Николая Александровича. После его смерти про музей, как у нас водится, забыли. В Киеве, родном городе Бердяева, ситуация еще более нелепая: даже попытка открыть в честь Бердяева мемориальную доску на здании Киевского национального университета им. Тараса Шевченко не была поддержана (Николай Александрович не делил философию на русскую и украинскую, что не всем в годы становления украинской государственности нравилось). Вот так и получается: всемирного признания Бердяеву не хватило для того, чтобы в России и Украине память о нем была увековечена. Но главное все-таки – книги Бердяева. Как только в стране перестали действовать идеологические запреты, – Бердяев стремительно ворвался в нашу интеллектуальную жизнь. При всех недостатках (а у кого их нет?) Бердяев – самый читаемый русский философ, его творчество отразило целую «геологическую» эпоху русской культуры. Поэтому

⁵ Библиография, составленная Т. Ф. Клепининой вышла в Париже: Klepinine, Tamara. Bibliographie des oeuvres de Nicolas Berdiaev. – Paris, YMCA-Press, 1978.

⁶ http://www.krotov.info/library/02_b/berdyayev/_berd.htm

и появилась на свет эта книга. Крылатая фраза Фихте – «Каков человек, такова и его философия» – кажется мне удивительно верной, когда речь идет о Николае Александровиче Бердяеве.

Часть 1. Становление

1. Детство: «аристократический мир»

Очень люблю моих родителей, но у меня всегда было чувство, что я не от родителей родился, а пришел из какого-то другого мира.

Н. Бердяев

Киевский район Липки, что на Печерске, получил свое название из-за липовой рощи. Но 6(18) марта 1874 года, когда в семье Бердяевых родился младший сын Николай, липы уже вырублены, и о них напоминало только красивое название. От старых времен остался, правда, Кловский дворец, построенный на землях и на деньги Киево-Печерской лавры для государыни Елизаветы Петровны. По прямому назначению дворец не использовался, – венценосные особы постройку в стиле барокко не жаловали, предпочитая останавливаться в растреллиевском Мариинском дворце на высоком берегу Днепра. Но и Кловский дворец радовал глаз, а когда вокруг него посадили большую липовую рощу, район обрел свое лицо, а заодно и название, сохранившееся до наших дней. С 1833 года, после перепланировки, местность начали застраивать особняками, и она стала аристократическим районом Киева. В Липках находились генерал-губернаторский дом и его канцелярия, дом командующего войсками Киевского военного округа, первая Киевская гимназия (в том самом Кловском дворце), старые Присутственные места, банки. Место было красивым, вокруг домов зеленели ухоженные сады с цветниками. Уже на склоне лет, во Франции, Бердяев вспоминал Лавру и церкви Печерска, особняки и сады Липок, Никольский монастырь, Крещатик, Софию, Днепр, Царский сад и кладбище возле Аскольдовой могилы, где были похоронены предки философа... До конца жизни он считал Киев одним из самых красивых городов России (поскольку о разделении Украины и России на самостоятельные государства при его жизни и речи не было) и Европы.

Ребенком Николай был довольно поздним, и родители души в нем не чаяли. Крестниками мальчика стали светлейший князь Н. П. Лопухин-Демидов и графиня Е. В. Красинская. Обилие великосветских знакомств семьи было связано с ее родовыми корнями, в их жилах текла голубая кровь. Бердяевы – старинная татарская фамилия, восходящая еще к эпохе Московского княжества и связанная с татарским игом, она происходила от слова со значением «Он дал». Род Бердяевых был известен со второй половины XV века, внесен в 6-ю часть дворянских родословных книг Смоленской, Ярославской, Вологодской и Харьковской губерний. Родословные дворянские книги состояли из шести частей, и принадлежность к какой-либо из них могла сразу сказать знающему человеку кое-что о семейной генеалогии: в первую часть записывали «жалованное» дворянство, во вторую – военное, третья содержала фамилии получивших дворянство по чину, четвертая – иностранное дворянство, пятая – титулованное, а шестая, о которой и идет речь, содержала древние благородные дворянские рода, которые могли подтвердить свою принадлежность к этому сословию не менее ста лет «до момента издания Жалованной грамоты». Грамота устанавливала порядок ведения официальных родословных дворянских книг и датировалась 1785 годом. Бердяевы имели даже еще более древнюю историю. В Гербовнике за 1598 год о Бердяевых говорилось: «Фамилии Бердяевых многие служили Российскому Престолу дворянскими службами в числе детей боярских, стряпчими и в иных чинах и жалованы были от Государей... поместьями»⁷.

⁷ Дворянские роды, внесенные в общий Гербовник Всероссийской Империи. Часть 1 (до конца XVI столетия). – Спб.: 1890. С. 748.

Семья имела долгие военные традиции. Несколько поколений Бердяевых по мужской линии служили военными. Один из предков был стольником на воеводской должности у Петра Первого. Прадед имел чин генерал-аншефа, был генерал-губернатором Новороссии и вёл личную переписку с императором Павлом I. Дед, по преданию, будучи молодым поручиком-кавалергардом, отличился в бою с Наполеоном при Кульме в 1813 году: когда его командиры погибли, принял командование частью на себя, отчаянно атаковал французов, после чего те дрогнули и проиграли битву на этом участке. За участие в этом сражении предок Бердяева получил два креста – Георгиевский и специальный Кульмский крест, учрежденный прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III для отличившихся в битве. Позднее тот же дед стал атаманом Войска Донского. Отец Бердяева в молодости служил в Кавалергардском полку, но рано вышел в отставку и поселился в родовом имении Обухове на берегу Днепра, стал уездным предводителем дворянства, мировым судьей. Тем не менее, движимый патриотическими чувствами, во время Турецкой войны он вернулся на военную службу, а после отставки долгие годы проработал председателем правления Земельного банка Юго-Западного края. Однако в денежных делах особой сноровкой Александр Михайлович не отличался и «имел тенденцию к разорению», как впоследствии и его сын-философ. Родовое имение Бердяевых в Обухове было продано, из особняка в Липках семья через несколько лет переехала в более скромный дом, но к счастью, обеднению препятствовало наличие польского имения-майората, пожалованного деду Бердяева за военные заслуги, – Александр Михайлович не мог ни продать, ни заложить этого имения по существовавшим законам. Он сдавал его в аренду, и это не раз выручало семью.

Среди предков Николая Бердяева были, впрочем, не только генералы, но и монахини. Его бабушка, урожденная княжна Бахметьева, – та самая, что была замужем за храбрым поручиком, «побившем Наполеона» в Кульмском сражении, – была монахиней в миру: она приняла тайный постриг еще тогда, когда был жив ее муж. Выполняя все обязанности матери и хозяйки большого дома, она втайне исполняла строгий монашеский устав аскезы и воздержания. Муж лишился красавицы-жены и, хотя он и был православным человеком, это озлобило его против монастырей и монахов. Говорят, в старости, встречая на прогулке монахов, он замахивался на них палкой. Прабабушка со стороны матери, княгиня Кудашева, тоже приняла монашеский постриг – уже после смерти своего мужа. Бердяев возил с собою с квартиры на квартиру ее небольшой портрет в монашеском одеянии, писанный маслом, – ему нравилось ее строгое выражение лица.

Мать, Александра Сергеевна, урожденная княжна Кудашева, была чрезвычайно красивой женщиной, которая смогла сохранить привлекательность до преклонных лет. По матери она происходила из французского рода графов Шуазель-Гуффые, молодость ее прошла в Париже, в общении была женщиной светски-легкой. Алина, как ее звали дома, всю свою жизнь предпочитала писать письма по-французски, по-русски нередко делала ошибки, да и разговаривали дома чаще всего по-французски. Николай Александрович, вспоминая мать, уже на излете жизни отмечал ее доброту и писал о том, что она была больше француженкой, чем русской. Оба сына Алины Сергеевны и Александра Михайловича владели французским языком совершенно свободно, а поскольку семья и в Европу ездила нередко – «на воды», в Карлсбад, то и немецкий братья знали хорошо. Старший брат, Сергей, со временем стал и вовсе настоящим полиглотом – он писал стихи на украинском, русском и немецком языках, делал переводы с английского, итальянского, польского, испанского, чешского, болгарского, латыни. Способности к языкам у Николая были скромнее, но и он не был «безъязыким»: свободный французский и достаточный для чтения сложных философских книг и бытового объяснения немецкий облегчали его общение с иностранцами.

Представление о смешении кровей, культурных традиций, семейных ветвей и веточек будет неполным, если не упомянуть еще об одной «западной» линии в семье. Родственни-

ками Бердяева по матери были польско-литовские графы Браницкие, являвшиеся одновременно и родственниками царской семьи, – люди чрезвычайно богатые, имевшие недвижимость в Париже, Варшаве, Риме, Ницце. В их роскошном имении, названном «Александрия», окруженном прекрасным парком, на окраине Белой Церкви, Бердяевы бывали почти каждую осень. У маленького Николая была там даже своя лошадка-пони. По происхождению и своему положению в обществе Бердяевы были аристократами, людьми светскими, обладавшими связями и знакомствами в высшем свете, что помогло им потом «хлопотать» за участвовавшего в революционных беспорядках младшего сына. Достаточно сказать, что Сергей Кудашев, дед Бердяева, умерший еще до рождения Николая, был Киевским вице-губернатором. Уже в эмиграции Бердяев вспоминал: «Когда меня арестовали и делали обыск, то жандармы ходили на цыпочках и говорили шепотом, чтобы не разбудить отца. Жандармы и полиция знали, что отец на «ты» с губернатором, друг генерал-губернатора, имеет связи в Петербурге»⁸.

Родители мечтали увидеть Николая в военном мундире. Дети тех, чьи роды были внесены в пятую и шестую части родословных дворянских книг, могли быть зачислены в Пажеский корпус и Императорский Александровский лицей вне зависимости от того, какое положение в настоящий момент занимали их родители. По традиции Николай был зачислен в пажи с самого детства, но в Пажеский корпус так и не попал. Он воспитывался сначала дома. Вероятнее всего, о младенце заботилась кормилица, хотя достоверных сведений об этом не сохранилось. Николай был действительно довольно поздним ребенком: Алина Сергеевна и Александр Михайлович были женаты уже шестнадцать лет, когда он появился на свет. Маленьким мальчиком Николай попал под опеку няни, Анны Ивановны Катаменковой, бывшей крепостной бабушки, которая нянчила когда-то и его отца, и старшего брата Сергея. Няня умерла, когда Николаю было четырнадцать, он очень горевал, потому что все эти годы чувствовал любовь и заботу старой женщины, хотя уже и не находился формально под ее опекой. Потом пришел черед учителей и гувернеров, которые, в отличие от старенькой няньки, не оставили у своего воспитанника глубоких и благодарных воспоминаний. Мальчиком Николай был довольно замкнутым и вспыльчивым, играть с детьми не любил, друзей у него не было, – исключение составляла лишь кузина Наташа: в семье тети, Юлии Николаевны Гудим-Левкович, *Ни* (как звали Николая дома) бывал очень часто. Семьи дружили, дети часто проводили лето в великолепном родовом имении Гудим-Левковичей (собственное родовое имение Бердяевых в Обухове к тому моменту уже было продано). Дома же мальчик предпочитал читать.

Страсть к чтению была связана с рано возникшим у него чувством одиночества. Родители, будучи уже довольно пожилыми людьми, в воспитании Николая участвовали мало, ничего ему не запрещали, но и никак не направляли его духовного становления, никогда не были участниками его игр или открытий. Брат был старше его почти на пятнадцать лет. Книжки (а читать Николай научился очень рано) давали ему возможность жить не в сумрачном, холодном доме, где редко бывали гости и отношения между обитателями часто носили натянутый характер, а в выдуманном и ярком мире Жюль Верна или Фенимора Купера. Уже тогда возникли ростки будущего чувства отдаления от действительности, которое Бердяев испытывал всю свою жизнь. Книжки давали ему более реальное чувство жизни, чем замкнутый мир их невеселого дома. Николаю рано стали нравиться книжки из серии Павленкова о жизни замечательных людей, исторические романы и повествования. У его отца, Александра Михайловича, была большая историческая библиотека, которой сын пользовался. Не по возрасту рано Николай познакомился с сочинениями Толстого, – причем он зачитывался не только рассказами и повестями, но и «Войной и миром». Когда *Ни* еще играл в куклы, он прочитал этот роман яснополянского страца, поэтому любимую свою куклу-мальчика наряжал в военную форму и называл князем Андреем – в честь князя Болконского. («С «Войной и миром» связано для

⁸ Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). – М.: 1990. С.17.

меня чувство родины, может быть, единственное чувство родины»,⁹ – писал Бердяев уже в эмиграции).

Мальчик очень любил делать что-то своими руками: он увлекался столярным делом (пытался сколотить табуретку, стул, ну а рамки для фотографий производились им часто и успешно), с воодушевлением помогал рабочим во время ремонта «щекатурить» и красить стены, даже огородничеством занимался. Потом, правда, эти бытовые навыки куда-то делись: лично знавший его в Париже Дональд Лаури вспоминал, что в зрелом возрасте Бердяев не мог сам поменять перегоревшей лампочки или развести огонь в камине¹⁰. 9-летним мальчиком *Ни* научился ездить верхом (верховой езде его обучал специально приглашенный для этой цели казак), стрелять в цель. Но друзей у него почти не было: герои из книг значили для него больше, чем окружавшие его люди, он убежал из неприветливого дома в выдуманную реальность. Впрочем, один друг все же был – кот, которого *Ни* обожал.

В семье не было принято насилие по отношению к детям ни в каких формах, братьев не стесняли в их занятиях. Бердяев говорил, что родители его ни разу не наказали. Даже если это утверждение – преувеличение, оно все равно дает представление о той свободе, которую мальчик должен был воспринимать как что-то само собой разумеющееся, что сопровождало его всю жизнь. Возможно, индивидуализм Бердяева, о котором много писали и говорили и он сам, и знавшие его люди, во многом объясняется именно таким воспитанием.

Родители мальчика не отличалась крепким здоровьем, – у матери была больная печень, отец тоже все время принимал лекарства, постоянно от чего-то лечили и сыновей. Врачи (конечно, профессора!), поездки на воды, задернутые во время болезней шторы... *Ни* и сам в детстве тяжело переболел, – его состояние диагностировали как «ревматическую горячку». Это наложило свой отпечаток на характер Бердяева: до конца жизни он боялся чем-нибудь заболеть, был очень мнительным в этом вопросе. Он пил только кипяченую воду, не выходил на улицу без шарфа, панически боялся сквозняков. Жена Бердяева уже в 1935 году писала в своем дневнике: «*Ни* очень боится болезней. Это травма его детских лет, проведенных у постели всегда больной (печень) матери с ее тяжелыми припадками прохождения камней, когда она кричала всю ночь, а маленький *Ни* дрожал от страха, слушая эти крики»¹¹. Ей вторил сам Бердяев, отмечая в своем характере отголоски детского опыта: «В детстве мне была внушена мысль, что жизнь есть болезнь»¹². Кроме того, отец и брат Николая были людьми чрезвычайно нервными, вспыльчивыми. Сам он тоже находил у себя проявления этой «нервной наследственности», которая выражалась в «гневливости» и излишней эмоциональности. Можно вспомнить и тот факт, что Бердяев всю жизнь разговаривал во сне, а когда нервничал – то и кричал. Не мог он спать и в полной темноте, поэтому в его комнате всегда было какое-то освещение, – как правило, горящая лампадка перед иконой. Но, конечно, прежде всего, нервные расстройства были характерны для его брата, – человека психически не уравновешенного.

Старший брат, Сергей, имел большое влияние на Николая. Разница в 14 с лишним лет помешала им стать по-настоящему близкими, но семейная жизнь во многом определялась присутствием этого красивого и одаренного, но нервно больного и ощущавшего себя глубоко несчастным человека. Сергей был наилучшей иллюстрацией фразы, которую время от времени произносила Алина Сергеевна: «Во всех Бердяевых есть что-то ненормальное». У Сергея бывали нервные припадки, во время которых он мог даже потерять сознание. Атмосфера дома напоминала романы Достоевского: брат, будучи талантливым юношей, не мог найти должного применения своим дарованиям (в том числе, из-за собственной бесхарактерности и неспо-

⁹ Н. А. Бердяев. Самопознание. С. 82.

¹⁰ См.: Lowrie, Donald A. *Rebellious Prophet: A Life of Nicolai Berdyaev*. – Harper & brothers: New-York, 1960. P. 15–26.

¹¹ Бердяева Л. Ю. Профессия: жена философа. (Сост., авт. предисл. и коммент. Е. В. Бронникова). – М.: Молодая гвардия, 2002. С. 104.

¹² Н. А. Бердяев. Самопознание. С. 26.

способности упорно добиваться поставленной цели), часто конфликтовал с родителями. Сергей учился сначала в киевской Коллегии Павла Галагана, затем за рубежом. После возвращения из-за границы, получив диплом врача, он оставил медицинскую практику, вышел в отставку и полностью посвятил себя литературно-публицистической и журналистской деятельности. За революционную деятельность он был арестован, осужден и даже провел некоторое время в ссылке, – *Ни* тогда было всего десять. Сергей женился на Елене Григорьевне Гродзкой, и это окончательно испортило его отношения с родителями: речь шла о «неравном браке», с точки зрения старших Бердяевых, так как Елена была «не из их круга». Елена писала новеллы и рассказы о жизни евреев в черте оседлости, поэтому борьба с юдофобством и антисемитизмом стала одной из основных тем творчества и ее мужа. Говорят, Елена Григорьевна была умной и красивой женщиной, – недаром в возрасте 25 лет Николай некоторое время был увлечен женой брата, о чем узнали и другие члены семьи, – это стало темой для тяжелых разговоров Николая с матерью.

В 1890-1893 годах Сергей и его жена редактировали и издавали в Киеве еженедельный журнал «По морю и суше», который стал продолжением петербургского журнала, издававшегося Еленой Гродзкой до замужества. Издание не было коммерчески успешным, к тому же у Сергея и Елены не раз возникали трения с цензурой, и, в конце концов, журнал был продан и перенесен новым владельцем в Одессу, где несколько лет выполнял функции печатного органа для моряков. На Николая литературные занятия Сергея, его демократические взгляды, критическое отношение к буржуазному образу жизни и морали оказали чрезвычайно большое воздействие. Более того, Сергей впоследствии снабжал своего младшего брата-студента нелегальной литературой. Кроме того, Николай испытывал восхищение от того, что брат обладает способностями, которые ему самому не даны, – Сергей был полиглотом, писал стихи, увлекался математикой.

В тринадцать лет, согласно семейной традиции, Николай был определен во Владимирский Киевский кадетский корпус – сразу во второй класс. Около шести сотен воспитанников корпуса жили в нем на полном пансионе, носили специальную форму, а окончившие кадетский корпус могли без экзаменов поступать в высшие учебные заведения – не только военные, но и университеты. Впрочем, с точки зрения родителей Николая, после кадетского корпуса следовало поступать в Пажеский и делать военную карьеру. Получилось же совсем иначе. Казарменная жизнь с жесткой дисциплиной, несмотря на данное Бердяеву в виде исключения разрешение возвращаться по вечерам домой, была непросто испытанием для необычного юноши, не знавшего раньше насилия над собой ни в чем и уже в подростковом возрасте читавшем серьезные философские и исторические книги, романы Толстого и Достоевского. Он начал читать Гегеля и Шопенгауэра в четырнадцать, в семнадцать освоил «Логик» Милля, – таланты, которые вряд ли были востребованы в кадетском корпусе. Да и особого расположения к себе со стороны других кадетов он не почувствовал: разрешение не ночевать в корпусе, нелюбовь к совместным играм, великосветское присхождение, которым большинство кадетов похвастаться не могли, болезненность, – все это не способствовало его популярности. У него не появилось в корпусе друзей. Единственным его другом в это время был его тезка – Мукалов, с которым он познакомился еще до своей кадетской жизни. Судя по всему, он был старше *Ни*, ему благоволил и отец Бердяева (возможно, как потенциальному защитнику своего позднего сына), – он даже оплачивал какую-то часть его образования. Мукалов, который затем стал моряком советского коммерческого флота, остался другом Бердяева на долгие годы: уже находясь в ссылке, Николай Константинович Мукалов навещал Бердяева в Париже, а Бердяев ездил в Лондон, чтобы увидеться с ним.

Позднее Бердяев писал о времени военного обучения: «Я не любил корпуса, не любил военщины, все мне было не мило. Когда я поступил во второй класс кадетского корпуса и попал во время перемены между уроками в толпу товарищей кадетов, я почувствовал себя

совершенно несчастным и потерянным. Я никогда не любил общества мальчиков-сверстников и избегал возвращаться в их обществе... Общество мальчиков мне всегда казалось очень грубым, разговоры низменными и глупыми... Кадеты же мне показались особенно грубыми, неразвитыми, пошлыми... В коллективной атмосфере военного учебного заведения я был резким индивидуалистом, очень отъединенным от других»¹³. Успеваемостью он тоже не блистал: математика и диктанты давались с трудом, его годовые баллы были ниже средних по группе, а по Закону Божьему подросток как-то получил «единицу» по 12-балльной системе. Это стало небывалым случаем в корпусе! На лето Николаю частенько назначали «обязательные работы» по какому-то предмету, например, по алгебре. Отличными оценки были только по рисованию, которым Николай искренне увлекся. Родители вынуждены были нанять для своего сына домашнего репетитора, чтобы он не слишком сильно отставал в учебе от других кадетов. Позанимавшись с подопечным, репетитор первоначально хотел отказаться от уроков – как он объяснил родителям, из-за абсолютной неспособности мальчика к обучению. Но в это же самое время «неспособный» 14-летний Николай самостоятельно штудировал «Философию духа» Гегеля, увлекался Шопенгауэром, зачитывался Вольтером, а в семнадцать освоил «Критику чистого разума» Канта!

Практически все занятия, бывшие в почете среди кадетов, вызывали у Николая плохо скрываемое отвращение или скуку: он не любил гимнастику и физические упражнения, плохо танцевал и отчаянно скучал на балах, ненавидел маршировки, ему был абсолютно чужд коллективизм, возведенный в ранг бесспорной ценности в кадетской среде. Тем не менее, Бердяев провел в кадетском корпусе в общей сложности около пяти лет, каждый год с нетерпением ожидая летних «вакаций» – свободного времени, когда можно было читать без оглядки на установленный в корпусе распорядок дня, не думать о необходимости маршировок и ежедневных занятий. Когда по логике событий уже был близок его перевод для дальнейшего образования в Пажеский корпус в Петербург, Николай уговорил родителей разрешить ему оставить корпус. Он смог убедить родных, что военная стезя – не для него. Оглядываясь на свою жизнь уже из Парижа, Бердяев замечал: «у меня была антипатия к военным и всему военному, я всю жизнь приходил в плохое настроение, когда на улице встречал военного. Я с уважением относился к военным во время войны, но не любил их во время мира»¹⁴. Утверждение, по меньшей степени, противоречивое: уважать во время войны и не любить в мирной жизни, – довольно легкомысленная позиция. Но Бердяев не заботился об избегании противоречий, они всегда были его сутью.

Выйдя в 1891 году из кадетского корпуса, Бердяев начал наверстывать упущенное, так как на семейном совете было решено, что он самостоятельно подготовится к экзаменам на аттестат зрелости для поступления в университет. Задача была непростой: Бердяев, интеллектуально развитый не по годам, никогда не отличался, тем не менее, особыми успехами в учебе, ему с трудом давалось «регулярное» образование, он умел отдаваться лишь тому, что занимало его ум, но оставался совершенно неспособным к пассивной зубрежке и заучиванию того, что его не волновало. Особые трудности вызвало изучение латыни и древнегреческого, которые не входили в программу Кадетского корпуса. Поэтому к сдаче экзаменов экстерном он готовился не один год, а аттестат был получен им лишь со второй попытки. Большинство дисциплин он при этом смог сдать только на «три» (французский язык, сданный на «отлично», стал исключением), а средний балл аттестата у Николая получился лишь 3,5. Причем в это же время, как следствие пережитого нервного стресса, у Николая появился тик, не исчезнувший до конца жизни: его лицо передергивалось, голова отбрасывалась назад, рот непроизвольно раскрывался, язык вываливался, причем контролировать эти приступы Николай не мог. (Впро-

¹³ Н. А. Бердяев. Самопознание. (Опыт философской автобиографии). – М.: 1990. С. 20.

¹⁴ Там же. С. 22.

чем, все знавшие Бердяева отмечали его внешнюю привлекательность, а некоторые даже называли его красивым, – приобретенный тик не портил общего впечатления, когда знакомые Бердяева привыкали к этим произвольным судорогам. Говорят, именно поэтому Бердяев любил сигары: зажатые в углу рта, они делали тик не столь заметным.) Усилия Николая увенчались успехом: в 1894 году он поступил в Киевский университет имени св. Владимира, первоначально – на физико-математический факультет.

К этому времени уже сформировался серьезный интерес Бердяева к философии. Как он сам не раз подчеркивал и судя по воспоминаниям знавших его людей, мироощущение Бердяева было трагичным. Прежде всего, это выражалось в неприятии «неправды жизни», отталкивании от данности. Будучи уже пожилым человеком, Бердяев писал: «Мою любовь к метафизике, характерную для всего моего существования, можно объяснить моим коренным и изначальным отталкиванием от обыденности, от принуждающей меня эмпирической действительности. ... Я всегда верил в освобождающий характер философского познания»¹⁵. В молодости увлечение философскими вопросами было связано и с попыткой нравственного объяснения и оправдания конечности человеческого бытия, недаром Артур Шопенгауэр, пессимистическими работами которого Николай очень увлекался в юности, писал: «Едва ли люди стали бы философствовать, если бы не было смерти». Как многие люди в юности, Николай попытался найти свой ответ на вопросы: зачем я живу? в чем смысл моего существования? Но на вопрос о смысле жизни не существует простого ответа. Можно дать ответ примитивный, поверхностный, как говорил Ницше – «усыпляющий», «чтобы не прийти в себя», но простого ответа нет. Бердяев очень рано почувствовал это, он понял, что поиски смысла уже осмысленны («искание смысла уже дает смысл жизни, и я посвящу свою жизнь этому исканию»), и связывал он эти поиски с философией. Особое воздействие на его духовное формирование оказали работы Канта и Шопенгауэра. Тем не менее, факультет Бердяев выбрал естественный, обоснованно считая, что профессиональная философия и философия как образ мысли и образ жизни – вещи совершенно разные. Да и не было в Киевском университете в это время философского факультета (хотя вся история университета начиналась именно с него): в 1850 году философский факультет был разделен на историко-филологический и физико-математический, и «чистой» философии в университете не осталось.

¹⁵ Бердяев Н. А. Самопознание. С. 93.

2. Студенчество: «революционный, марксистский мир»

Но, конечно, в каждой порядочной русской биографии должны быть таганки и бутылки. Ими кончался университет и начиналась общественная деятельность.

М. Осоргин

Первый университетский год Бердяева был связан с занятиями естествознанием. Математика и физика давались ему с трудом, голова была занята совсем другим – кантианством. Поэтому по окончании первого курса он перевелся на самый большой в то время юридический факультет, – там читал лекции Георгий Иванович Челпанов, тоже увлеченный философией Канта. Николай посещал лекции и семинары этого известного философа, оставившего след в истории русской культуры и своими сочинениями, и преподаванием в Киевском и Московском университетах, и созданием в 1912 году первого в России и третьего в мире Психологического института в Москве. По субботам на квартире Челпанова собирались молодые люди для того, чтобы поговорить о различных философских вопросах. Участником этих бесед стал и Николай. Бердяев еще встретится с Челпановым, но не как ученик с учителем, а как коллега с коллегой – в 20-х годах уже советского века в Московском университете.

В юношестве Бердяевым был написан философский этюд, от которого до нас дошло только название – «Мораль долга и мораль сердечного влечения». Интерес к морали, к этической проблематике, пробудившийся у Бердяева чрезвычайно рано, очень типичен для отечественной философии. Роза Люксембург когда-то обоснованно назвала русскую литературу «учительной и мучительной». Видимо, эту характеристику можно отнести и к философии. Русская философия – учительная и мучительная одновременно, для нее характерна нравственная точка отсчета во всех теориях и построениях. Для русских мыслителей философское творчество приобретает характер нравственной проповеди. Ярким примером тут могут быть сочинения столь любимого Бердяевым Льва Толстого, который не только свою философию строил, пытаясь дать теоретическое обоснование моральным нормам, но и фабулу своих художественных произведений ставил в зависимость от «воспитательной» функции искусства. Если Анна Каренина изменила мужу, то, с точки зрения Толстого, она просто не могла счастливо прожить жизнь! Конечно, такая трактовка сочинений Толстого – упрощение. Но проанализируйте судьбы героев его романов, и вы поймете, что в этом упрощении есть момент истины. Примеры можно было бы множить и множить. Очевидно, что для русских мыслителей, если они и не писали специальных сочинений по этике (что, кстати, бывало нечасто), нравственная точка отсчета была основной даже при построении картины мира или учения о познании. Если для западноевропейской философии характерно отношение к этике как к своеобразной «надстройке» над онтологией, теорией познания, философией истории, как к выводу из этих областей философского знания, то русскими мыслителями этика положена в самое основание систем, они видят в ней некий фундамент своего философствования. Этическим интересом отчасти можно объяснить и увлечение Николая марксизмом.

Именно в университете у молодого Бердяева проявился интерес к книгам Карла Маркса. Обращению к марксизму способствовало не покидавшее Бердяева чувство, что мир и общество основаны на зле и несправедливости; для него было характерно «страстное желание не только познать истину и смысл, но и изменить мир согласно истине и смыслу»¹⁶. Позднее С. А. Левицкий, представитель следующего за Бердяевым поколения философов русского зарубежья, писал, что зачатие русского религиозного ренессанса начала века было «грехов-

¹⁶ Бердяев Н. А. Самопознание. С. 83.

ным» – оно было тесно связано с влиянием на русскую мысль двух «антихристов»: Маркса и Ницше. Через увлечение марксизмом прошли многие известные представители религиозной мысли рубежа веков. Их остроумно окрестили «кающимися марксистами». К таким «кающимися марксистам» принадлежал и Бердяев. Преклонение перед Марксом-мыслителем, в оригинальности которого он не усомнился и в конце своей жизни («Карл Маркс был гениальный и острый мыслитель классического типа»¹⁷, – писал Бердяев много лет спустя, в эмиграции), привело к вполне практическим последствиям: Бердяев стал марксистом не только в теории, он вступил в революционный студенческий кружок – Центральный кружок саморазвития учащихся, а затем и в Киевский Союз борьбы за освобождение рабочего класса. Это было своеобразным разрывом Бердяева с привычной окружающей средой, аристократическим окружением, проявлением его бунта против несвободы внешнего мира. «...Выход из мира аристократического в мир революционный – основной факт моей биографии, не только внешней, но и внутренней»¹⁸, – так оценил он это событие в своей жизни. Отец Бердяева, узнав об увлечении сына, иначе отнесся к происходящему: он иронично заметил, что Николай – «барин-сибарит» еще больший, чем он сам, потому не поверил в серьезность революционных устремлений Бердяева. Как показали дальнейшие события, Александр Михайлович недооценил решительности сына.

Марксистское «крещение» произошло под влиянием Давида Логвинского, с которым Бердяев сблизился на первом курсе университета, еще занимаясь естественными науками. «Это был единственный человек, с которым у меня установились дружеские отношения. Он был умственно очень одарен, многими головами выше других студентов. С ним возможно было общение на довольно высоком уровне»¹⁹, – вспоминал позднее Бердяев. Логвинский входил в социал-демократический кружок, участвовал в работе нелегальной типографии. В конце концов, Давид Яковлевич Логвинский был арестован и после длительного тюремного заключения сослан в Сибирь, где умер от туберкулеза. По просьбе Николая родители Бердяева пытались хлопотать об облегчении участи друга их сына через своих высокопоставленных знакомых, но это не помогло. Именно благодаря Логвинскому Николай вошел в марксистский кружок. Там он познакомился, например, с Анатолием Луначарским. Будущий первый нарком просвещения советской республики в то время учился не в университете, а в Киевской гимназии (в университет он поступил позже и не в Киеве, а в Цюрихе), но уже имел довольно солидный для его возраста (он был на год младше Бердяева) революционный «стаж»: с 1892 года Луначарский состоял в нелегальной организации. К этому же периоду относились и другие марксистские знакомства Бердяева. Революционная романтика наполнила дни Николая смыслом и осязаемой целью.

Впрочем, ортодоксальным марксистом Бердяев не был никогда. Он достаточно рано почувствовал, что и теоретический марксизм, и – тем более – революционная марксистская практика ограничивают свободу личности, стирают ее индивидуальность. Не приняв казарменного коллективизма и кадетского конформизма, «барин-сибарит» не принял и идейной группировки, «подбора по вере», жесткой партийной дисциплины, характерных для среды революционной интеллигенции, так как считал это посягательством на независимость мысли и творчества. Не случайно Николай интересовался народничеством как некоторой революционной альтернативой марксизму, в частности, читал книги Н. Я. Михайловского, – но позиция Михайловского, привлекавшая Бердяева утверждением примата личности над обществом, тем не менее, казалось ему слабой в теоретическом, философском плане. Сам Бердяев в

¹⁷ Бердяев Н. А. Марксизм и религия. // Христианство, атеизм и современность. № 9. – YMCA-Press: Paris-Warszawa, 1929. С. 3.

¹⁸ Бердяев Н. А. Самопознание. С. 37.

¹⁹ Там же. С. 108.

своем формировании прошел через немецкую философию (прежде всего, через Канта), и ему гораздо ближе было философское обоснование марксизма (выросшего, как известно, из немецкой философской традиции), чем народничества, опиравшегося на позитивизм. «В марксизме меня более всего пленил историософический размах, широта мировых перспектив»²⁰, – отмечал Бердяев позднее, то есть – та самая революционная романтика. Вот так получилось, что, будучи ярким индивидуалистом как в своих взглядах, так и в повседневной жизни, Бердяев все же примкнул к марксистскому движению.

Николай стал относительно известен в марксистской среде. Он выступал с докладами, читал лекции членам Киевского социал-демократического комитета, участвовал в написании листовок, привозил в сундуке с двойным дном из-за границы запрещенную литературу, распространял напечатанные на подпольном гектографе статьи. Его первая статья «А. Ф. Ланге и критическая философия в их отношении к социализму» появилась в 1899 году в немецком марксистском журнале «*Neue Zeit*» («Новое время»), причем после статьи возникла переписка с Карлом Каутским, заинтересовавшимся молодым автором. Марксизм соответствовал нравственным исканиям молодого Бердяева. «Хлеб для меня – материальный вопрос, хлеб для другого – духовный вопрос», – известный бердяевский афоризм хорошо объясняет его увлечение революционными идеями.

Осознание неправильного устройства мира вызвало в нем желание этот мир изменить. Критическая сторона марксизма, его «отрицательная правда» привлекали тогда, да и сегодня, многих: диагноз буржуазному обществу был поставлен Марксом гениально. Сложнее обстояло дело с позитивной программой, «положительной правдой» марксизма. С одной стороны, Бердяев был всегда социалистом по своим воззрениям: он считал несправедливым общество, основанное на частной собственности и эксплуатации. С другой стороны, марксистский вариант социализма, путь к которому лежал через диктатуру и насилие, через уравнивательность и коллективизм, его не устраивал. С самого начала Бердяев восхищался Марксом как гениальным мыслителем, но подвергал его теорию достаточно смелым интерпретациям, недаром свою позицию он относил к «критическому марксизму».

Популярность марксизма была велика. Связано это было, прежде всего, с теми процессами, которые происходили в русском обществе. Начало занятий Бердяева в университете совпало с коронаванием последнего русского царя Николая II. Его отец, Александр III, был консервативно настроен, но сделал для России чрезвычайно много: при нем начали строить железную дорогу через Сибирь – Великий сибирский путь, который нашим современникам более известен как Транссибирская магистраль, усилились российские армия и флот, была начата реформа образования, царь издал законы о взаимоотношениях рабочих и фабрикантов – владельцы фабрик и заводов по суду должны были отвечать за задержку зарплаты рабочим, ограничивались размеры штрафов, а штрафной капитал можно было использовать только на нужды самих рабочих и т. д. Царствование Александра III нельзя назвать безоблачным, но оно стало одним из самых спокойных. Впрочем, покушение на жизнь и этого царя готовилось террористической фракцией партии «Народная воля» (членом которой был старший брат Ленина) и чуть было не осуществилось в 1887 году.

При Николае II ситуация изменилась. Хотя им был принят прогрессивный для того времени закон о максимальной продолжительности дня (11 с половиной часов), были введены обязательные выходные – воскресенье и 14 праздничных дней в году, но в воздухе отчетливо ощущалось недовольство общества. Николай и его министр финансов – граф Сергей Юльевич Витте – провели реформы, которые вызывали у современников самые разные оценки. Витте, ставший министром незадолго до смерти Александра III, был человеком талантливым, энергичным, но и чрезвычайно честолюбивым, одни называли «великим реформатором» и «рус-

²⁰ Там же. С. 109.

ским Бисмарком», но многие оценивали его и негативно, называя «министром-клоуном». А прочнее всего к нему прилипло прозвище «Граф Полусахалинский»: Витте получил титул графа за то, что возглавлял русскую делегацию при заключении Портсмутского договора после проигранной войны 1905 года с Японией, по которому Россия потеряла почти половину Сахалина, – южная часть острова стала японской. Его деятельность до сих пор вызывает споры среди экономистов и историков. Кто-то реформами Витте восхищается, кто-то – резко критикует. С одной стороны, Витте считается «отцом» первой российской индустриализации, с другой – индустриализация эта была половинчатой и проводилась «сверху». Главным же предметом споров является денежная реформа 1897 года по введению в оборот золотого рубля. Витте был, говоря современным языком, «монетаристом». Многие из живущих в сегодняшней России помнят ситуацию, когда после долгих «деревянных» советских десятилетий рубль стал конвертируемым. Помнят и экономические последствия этого, – как положительные, так и отрицательные. Похожие процессы происходили и на рубеже 19 и 20 веков. С одной стороны, обеспеченная золотом валюта, разумеется, способствовала устойчивости рубля (российский рубль стал тогда одной из самых твердых мировых валют), притоку в страну иностранных капиталов, инвестициям в экономику. С другой – капитал не только ввозился, но вывозился, положение отечественных производителей было ослаблено (предшественник Витте на посту министра, И. А. Вышнеградский, был сторонником «покровительственной» политики по отношению к российскому производителю, но при Николае II таможенное налогообложение было соответственным образом изменено), внешний долг России вырос, а индустриализация проводилась, главным образом, за счет государственной казны. Некоторым объективным результатом реформ стал, с одной стороны, индустриальный рост страны, а с другой – экономический кризис и поражение России в войне против Японии, завершившиеся затем революционными событиями в стране.

На рубеже двух веков Россия бурлила. Деревня, несмотря на нищету и малоземелье крестьян, анахроничную трехпольную систему земледелия, общину с ее переделами и чересполосицей, тормозившими модернизацию крестьянского хозяйства, была относительно инертной (хотя буквально через несколько лет забурлит и российская деревня). В городах же зрело недовольство. Положение рабочих было незавидным: зарплаты оставались мизерными (например, на Морозовских текстильных фабриках платили около 20 рублей), а условия труда тяжелыми. Новая техника внедрялась в производство чрезвычайно медленно: чем покупать новый станок, хозяину было проще нанять еще рабочих из-за дешевизны рабочей силы. В то же время, специфика развития страны заключалась в том, что проводимая правительством индустриализация и особенности российского капитализма способствовали концентрации рабочей силы на крупных промышленных предприятиях. Это, в свою очередь, стало важным фактором для пробуждения классового сознания рабочих, начавших вести борьбу за улучшение своего тяжелого экономического положения и рано ставших выдвигать не только экономические, но и политические требования. Характерным явлением того времени стали стачки рабочих. Например, в 1895 году было зафиксировано 274 стачки, в которых участвовало более 61 тыс. рабочих²¹. В исторических архивах сохранились многочисленные свидетельства активности рабочих, их сплоченности: докладная записка рабочих Шемахинского завода министру земледелия и государственных имуществ о необходимости наделения неработающих на заводе мастеровых землей, прошения рабочих Нижнее-Исетского завода о нарушении управляющими условий найма, жалобы мастеровых Нязепетровского завода на притеснения со стороны заводоуправления, прошение мастеровых Нижне-Уфалейского завода об облегчении их тяжелого положения, вызванного недостатком работ и притеснениями заводоуправления, – перечень можно продол-

²¹ См.: Рабочее движение в России 1895 – февраль 1917 г Хроника. Составители В. П. Желтова (отв. секретарь), Б. Ф. Додонов, Н. А. Иванова, С. В. Калмыков, И. П. Пушкарева, И. А. Хайновск. Вып 1, 1895 год. – М.: 1992.

жать чрезвычайно долго. В результате, в 90-х годах и в начале 900-х годов Россия пережила мощный подъем рабочего движения. Для распространения марксизма в стране сложились объективные условия. Марксистские кружки и организации появлялись в российских городах как грибы после дождя. Неудивительно, что многие мыслители, писатели, ученые того времени пережили увлечение марксизмом. Не стал исключением и Николай Бердяев.

В 1897 году Бердяев был арестован на несколько дней как участник большой студенческой демонстрации. Демонстрацию окружили казаки, но стрельбы не было. Арестованы были практически все и сидели вместе в арестантских ротах. Через год, в ночь на 12 марта 1898 года, – Николай арестован во второй раз за организацию беспорядков. В квартире Бердяевых произвели обыск, изъяли нелегальную литературу. В этот раз Бердяев провел месяц в Лукьяновской тюрьме, находившейся на окраине Киева. Городские остряки называли ее Романовской дачей. Николай пережил в тюрьме настоящий духовный подъем и воодушевление, испытал редкое для него (как крайне индивидуалистически настроенного человека) чувство единения с другими арестантами, – их заключение представлялось ему в романтическом свете «общего дела». Справедливости ради надо сказать, что заключение не было тяжелым. Сначала Бердяева держали в большой камере, где арестованные (и, конечно же, Николай) выступали друг перед другом с докладами, а во время прогулок в тюремном дворе устраивались настоящие собрания и обсуждения самых разных вопросов. Затем Бердяева перевели в одиночную камеру, но это отнюдь не означало ухудшения условий его содержания, скорее, наоборот: дверь камеры держали открытой, и он мог ходить по коридорам и общаться со знакомыми даже на других этажах тюрьмы. В конце концов, вольному режиму пришел конец, Николая поместили в настоящую одиночку, сделав невозможным общение с товарищами. Впрочем, здесь тоже были свои положительные моменты: он мог читать. Но и такое заключение не было долгим, – из тюрьмы его смогли «выхлопотать» родственники, заплатив залог в пять тысяч рублей. Немалые деньги в то время.

Дело было громким, получившим всероссийский резонанс. В Лукьяновскую тюрьму приехал сам киевский генерал-губернатор Михаил Иванович Драгомиров. Он произнес целую речь перед арестованными, завершив ее словами о том, что, как ребенок не может родиться раньше, чем на девятом месяце, так и общество не может измениться раньше, чем созреют объективные предпосылки для этого. Мысль, не противоречащая марксистскому учению! По Марксу, история закономерна, общественные отношения соответствуют определенной степени развития производительных сил, и смена типов общества – общественно-экономических формаций – не может произойти раньше, чем позволят экономические факторы: производительные силы общества должны развиваться до такого уровня, чтобы существующие производственные отношения стали для них тормозом, сдерживающим моментом. Недаром марксистов называли в Европе «партией лунного затмения»: согласно их теоретическим выкладкам, получалось, что возможность перехода к следующему типу общественного устройства зависит не от желания людей, а от объективных причин, независимых от устремлений политических деятелей и партий. Неудивительно, что Драгомиров указал арестантам на слабое место в их взглядах: генерал-адъютант был интеллигентным человеком, в недавнем прошлом – профессором военной истории Академии генерального штаба (и начальником оной), автором обстоятельных «Очерков австро-прусской войны». Кстати, родители Бердяева были с Драгомировым в довольно близких отношениях.

Разбирательство тянулось почти два года, – ведь арестовано по этому делу было около 150 человек! Все это время Бердяев жил дома, но состоял под надзором полиции и по правилам не мог покидать Киев. Впрочем, когда он решил съездить в Петербург, ему удалось получить разрешение на короткую поездку в столицу. Из университета его исключили. Университетское образование оборвалось навсегда. Будущий профессор Московского универси-

тета, доктор теологии *Honoris causa* Кембриджского университета, мыслитель с прижизненной мировой известностью, никогда не имел обычного университетского диплома.

После выхода из тюрьмы Бердяев познакомился с Шестовым. Замечательный религиозный философ, известный не только в России, но и в мире мыслитель Лев Исаакиевич Шестов (Иегуда Лейб Шварцман) (1866-1938) тоже был киевлянином. Познакомились они так: 26-летний Бердяев и 34-летний Шестов встречали новый 1900 год в общей компании. Шестов, выпив лишнего, стал задирать и дразнить Бердяева. Когда хмель прошел, Шестов, сообразив, что Бердяев может быть обижен (так и было!), извинился и пригласил его к себе в гости в знак примирения. Бердяев пришел. Так началась эта дружба, продлившаяся без малого 40 лет, до самой смерти Шестова. В гостеприимном доме Шварцманов в Киеве (отец Шестова был богатым текстильным коммерсантом) довольно часто собирались тогда представители как местной интеллигенции, так и приезжие столичные литераторы и артисты, – устраивались музыкальные вечера, «собеседования». Захаживал на них и Николай Бердяев. Дом Шварцманов был не похож на те дома, где Бердяеву приходилось бывать ранее. Отец нового друга, Исаак Моисеевич, был ортодоксальным иудеем, вся семья была глубоко верующей. С этим была связана и настоящая тайна Шестова: когда он находился на лечении в Италии, то познакомился там с Анной Березовской, изучавшей в Риме медицину. Знакомство закончилось браком, о котором отец Шестова не знал до конца своей жизни, – избранница его сына была православной, что было немыслимым нарушением традиций для старшего Шварцмана. Даже когда у Шестова родились две дочери, глава семейства Шварцманов не узнал о внучках!

Жена и дочь Шестова жили в Швейцарии, где Лев Исаакиевич проводил времени больше, чем в родном городе. Но за те несколько месяцев, что Шестов и Бердяев общались в Киеве в 1900 году, они стали интересны друг другу, и интерес этот никогда больше не угасал. Они много и страстно спорили (Шестов напишет позднее: «никогда мы не были согласны»), но именно в этих спорах оба пытались ответить на «последние» вопросы человека, поиск ответов на которые и делает его мыслящим существом. Философская иррационалистическая позиция Шестова, уже опубликовавшего в то время работы о Шекспире, Ницше, Толстом, не имела ничего общего с марксистским радикализмом. Однако именно разговоры и споры с ним, а не с товарищами по подпольному кружку, называл Бердяев «поисками истины».

Бердяев зачитывался Ницше и Ибсеном (сочинения которого были очень популярны у интеллигентов рубежа веков, его пьесы шли в российских театрах), символистами и Достоевским. Особенно было велико воздействие Ницше. Увлечение творчеством этого философа, писавшего «на 6000 фунтов над уровнем человека», носило характер поистине эпидемический в России того времени. Страстные работы, «написанные кровью» (только так и надо писать! – был убежден Ницше), стали широко известными, популярными и во всей Европе. Отчасти это было парадоксальным, – ведь Ницше был эстетом, аристократом духа, он никогда не писал для массового читателя и презрительно к нему относился. Судьба же его идей была совсем иной: тексты Ницше стали изучать в гимназиях Германии, в рюкзаках немецких юношей, отправлявшихся на фронты Первой мировой, рядом с Библией и «Фаустом» лежали его книжки. Из Ницше (не без помощи его сестры, Э. Ферстер-Ницше, объявившей себя духовной «душеприказчицей» покойного брата) пытались сделать идеолога германизма...

Бердяев читал Ницше и раньше, но под влиянием Шестова (который в это время написал уже работу, сопоставлявшую творчество Ницше с позицией Толстого, и писал следующую – о Ницше и Достоевском) произошло своеобразное «переоткрытие» им немецкого мыслителя: Бердяев попросил своего знакомого (В. В. Водовозова) прислать ему из Берлина 8-томное собрание сочинений Ницше на немецком языке, которое он буквально проштудировал. Тогда же он перевел с немецкого на русский эссе Людвиг Штейна о Ницше. Бердяев, как и многие русские интеллигенты того времени, «пережил» и «переболел» Ницше (так он потом писал). Многие строки из заветного восьмитомника звучали в унисон его собственным размышле-

ниям. Он рано понял, что оправдание собственному существованию можно найти только в мысли, осмысливании. Те, кто не задумывается над смыслом своего бытия, говорил и Ницше, не поднялись над уровнем животного мира: «Пока человек ищет в жизни счастья, он еще не возвысился над кругозором животного; вся разница в том, что он с большим сознанием хочет того, чего животное ищет в слепом стремлении». От таких людей принципиально отличаются философы. (Ницше здесь имел в виду, разумеется, не профессиональную принадлежность, а умение и желание мыслить, которое может быть свойственно и солдату, но быть не присуще университетскому профессору философии.) Так вот, для философа «самоусыпление» людей невыносимо, он хочет найти в текучей жизни безусловное, главное. Для этого он должен возвыситься над своим временем, встать, как писал Ницше, «на сверхисторическую точку зрения», чтобы видеть не временное, случайное, а то, что имеет истинную, вечную ценность. Бердяева тоже манила сверхисторическая точка зрения, – он всегда жил и мыслил в отталкивании от окружавшей его действительности, всегда стремился не к преходящему, но к вечному. Идеи Ницше воспринимались Бердяевым как призывы к свободе и творчеству, бросающие вызов патриархальным устоям российского общества. «Заратустра проповедует творчество, а не счастье, – писал позже, в 1916 году, Бердяев в «Смысле творчества», – он зовет к подъему на горы, а не к блаженству на равнине... Ницше почуял, как никто еще и никогда на протяжении всей истории, творческое призвание человека... Он проклял добрых и справедливых за то, что они ненавидят творящих»²².

Ницше рассматривал жизнь как результат столкновения множества индивидуальных волей, конкурирующих друг с другом, сталкивающихся в борьбе. Эти воли проявляются как «воля к власти»: жизнь – борьба, а награда победителю в этой борьбе – власть. Выжить в борьбе – это значит осуществить свою волю к власти. Для Ницше воля к власти была критерием для оценки любого явления и события. «Что хорошо? – спрашивал Ницше. – Все, что повышает чувство власти, волю к власти, саму власть в человеке. Что дурно? Все, что происходит из слабости. Что счастье? Чувство нарастающей силы, власти, чувство, что преодолено новое препятствие... Пусть гибнут слабые и уродливые – такова первая заповедь нашего человеколюбия. Надо еще помогать им гибнуть. Что вреднее любого порока? Сострадать слабым и калекам». Как видите, из своей концепции воли к власти Ницше сделал радикальные выводы: мораль (особенно христианская), демократические идеи о равенстве, сострадание подрывают волю к власти, противоречат закону жизни, поэтому их надо отбросить. Человеческое общество всегда состояло и будет состоять из сильных и слабых, рабов и господ, никакого равенства быть не может. Бердяев встал перед дилеммой: согласиться с немецким бунтарем и признать вечность неравенства (это было так близко его индивидуалистической натуре!) или стоять на позиции марксизма, сделавшем равенство своим лозунгом. Процесс колебаний и критического переосмысления марксистской концепции был запущен...

Ницше стал автором концепции *Übermensch* (сверхчеловека). Как из обезьяны когда-то появился человек, так из современного человека появится новая раса людей – «хищный зверь, великолепная, ищущая добычи и победы белокурая bestia». Сверхчеловек живет «по ту сторону добра и зла», то есть разрушает рамки общественной морали. Вы же не будете осуждать тигра за то, что он съел на обед козулю? Но так же не применимы обычные моральные нормы и к сверхчеловеку. Подлинной справедливости все равно нигде и никогда не было, более того, все попытки осуществить справедливость всегда были жестоки. Поэтому Ницше заявлял, что разумнее признать справедливость функцией силы: кто силен, тот и устанавливает свой закон жизни. (Именно эта концепция Ницше дала основание использовать потом его идеи для идеологического оправдания нацизма, хотя сам Ницше нигде и никогда не связывал появление сверхчеловека с какими-либо национальными признаками, а к родной ему германской куль-

²² Бердяев Н. А. Смысл творчества // Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. С. 323.

туре относился более чем критично.) Но часто забывают еще об одном моменте этого учения: сверхчеловека Ницше представлял себе как того, «кому мышление и духовное обновление доставляет удовольствие». Учение о сверхчеловеке приобрело многих последователей, среди которых был, например, писатель Джек Лондон, в своих знаменитых северных рассказах, романе «Маленькая хозяйка большого дома» и других произведениях рисовавший образы именно таких сильных «сверхчеловеков».

В России, стране «больной совести», именно этот аспект творчества Ницше – связанный с учением о сверхчеловеке – стал наиболее обсуждаемым. Ницшевское понятие *Übermensch* вызвало целую полемику среди интеллектуалов. Лев Николаевич Толстой, например, увидел в учении о сверхчеловеке попытку замещения идеала нравственности идеалом красоты (и это было подвергнуто его гневной критике!), симптом приближающегося краха искусственной цивилизации, в которой мы живем. Владимир Сергеевич Соловьев усмотрел в ницшевской концепции опасность и «соблазн», но и прозрение истины: «вся ценность человека в том, что он больше чем человек, что он переход к чему-то другому, высшему»²³, к богочеловеческому. Совсем иначе – в позитивном ключе – прочитало Ницше следующее поколение русских мыслителей – символисты, деятели религиозного ренессанса. Кто только из крупных фигур рубежа веков ни писал о Ницше и его идеях, ни давал свое их «прочтение»! А. Белый и Вяч. Иванов, Д. С. Мережковский и Л. И. Шестов... Даже в марксистской среде была предпринята попытка проинтерпретировать сверхчеловека Ницше как «героя», ведущего за собой массы (А. Луначарский, М. Горький). Теоретик либерального народничества Н. К. Михайловский тоже увидел позитивный момент в учении Ницше о сверхчеловеке – в утверждении безусловной ценности волевой активности человека.

Надо сказать, что восприятие этой части учения германского мыслителя в нашей стране обладало некоторой спецификой: сверхчеловек воспринимался, в основном, не как антропологический тип (*homo super-sapiens*) и не в культурно-историческом плане (как совершеннейший человек), а как идеал творческого духа, как мистическая индивидуальность, символизирующая собой жизненную и творческую мощь²⁴. Бердяев, попавший под обаяние стиля и идей германского гения, сверхчеловека Ницше тоже воспринимал не столько как разрушителя культуры и веры, имморалиста, сколько как носителя индивидуалистических ценностей духа, духовного аристократа. Надо отметить, что увлечение Ницше российскими философами было, как правило, выборочным. Бердяев тоже прошел мимо многих моментов ницшевской философии (языческих, например), но он расслышал трагическую ноту в построениях Ницше, почувствовал одиночество человеческой души в мире, где «Бог умер». Понятый так сверхчеловек совсем не соответствовал уравнилельным настроениям марксистского окружения Бердяева.

Позднее, уже в эмиграции, Бердяев вспоминал, что «пережил период подъема и цветения, один из лучших в моей жизни»²⁵ в это время. Юношеское весеннее настроение, «опьянение мыслью», ощущение неисчерпанности творческих сил, популярность в своем кругу, влюбленность (в автобиографии Бердяев упомянул об «одной прекрасной женщине», но кто была эта прекрасная незнакомка, увы, неизвестно) – все это не могло не создавать определенного настроения. Но тогда же начался и внутренний кризис: в его душе происходила громадная работа, которая постепенно отдаляла его от марксизма.

В это время Бердяев пишет свою первую книгу «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском». Она выйдет в свет в Петербурге уже в 1901 году с большим предисловием Петра Бернгардовича Струве (1870-1944).

²³ Соловьев В. С. Словесность или истина? // Полн. собр. соч. – СПб.: Просвещение, 1914. Т. 10. С. 29.

²⁴ См.: Синеокая Ю. Н. Рубеж веков: русская судьба Сверхчеловека Ницше. // Фридрих Ницше и философия в России (сборник статей). – СПб.: Изд. Русского Христианского гуманитарного института, 1999.

²⁵ Бердяев Н. А. Самопознание. С. 115.

Со Струве Бердяев познакомился будучи под следствием, во время своей краткой поездки в Петербург. Сын пермского губернатора, Струве, отдав дань увлечению славянофильством, стал западником, а затем увлекся марксизмом, был одним из лидеров социалистического движения. Аресты, ссылки, подпольная деятельность, участие во II Интернационале. Именно он написал к I съезду РСДРП «Манифест Российской социал-демократической рабочей партии». Их многое объединяло с Бердяевым: дворянское происхождение, сильные семейные традиции (Струве был внуком известного астронома, основателя Пулковской обсерватории, в семье был своеобразный культ науки и интеллектуализма), первоначальный интерес к естествознанию, – Струве тоже поступил на естественный факультет Петербургского университета, а потом перевелся на юридический, искреннее увлечение марксизмом, проинтерпретированным с нравственной точки зрения, заметная роль в марксистском движении и постепенный отход от марксистских позиций. Струве, как и Бердяеву, импонировало, что марксизм противостоял традиционно широко представленным в отечественной литературе убеждениям о специфическом национальном характере и духе русского народа и его особенных исторических судьбах. Марксизм предложил предельный исторический схематизм – движение истории объяснялось как прогрессивная смена общественно-экономических формаций, и национальные особенности не могли изменить этой объективной, с точки зрения сторонников учения, логики развития. Сводя исторический процесс к смене экономических форм и рассматривая капитализм как неизбежную ступень этого развития, Струве утверждал, что эту фазу должна пережить и Россия. Одну из своих ранних работ Струве даже закончил призывом: «признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму!». Но прошло совсем немного времени, и размышления привели Струве к выводу, что в марксизме немало противоречий, что не все его положения теоретически и философски обоснованы. В результате, взгляды Струве эволюционировали: он не только отказался (и попытался это обосновать) от идеи о фатальной необходимости падения капитализма и перехода к социализму и коммунизму в силу «естественных» законов экономики, но и в философии начал двигаться к идеализму. Похожую духовную эволюцию от марксизма к идеализму переживал тогда и Бердяев, – это их сблизило.

Уже первая бердяевская книга содержала попытку осуществить своеобразный синтез марксистской философии (ее социальной критической части) и переработанной им немецкой классической философии (прежде всего, позиций Канта и Фихте), недаром его взгляды в данный период подчас называют «неокантианским марксизмом». Струве тоже увидел в книге попытку соединения социологических выводов марксизма с идеализмом в философии: «Важный шаг в деле критической перестройки марксизма на основе идеалистической философии делает книга Бердяева»²⁶. Бердяев критиковал субъективный метод Михайловского в социологии, считая, что он явно проигрывает в споре с марксистской картиной общества, но он критически оценил и многие положения марксизма – прежде всего, те, которые принижали значение личности в истории общества. До того, как книга вышла в свет, Бердяев выступил с публичным докладом, где излагал ее основные идеи. Доклад был настолько хорошо принят слушателями, что они устроили выступающему настоящую овацию (на теплый прием повлияло и то, что слушатели знали о высылке докладчика в ближайшем будущем).

Тональность книги была марксистской. Бердяев критиковал социологию Михайловского именно с марксистской точки зрения. Он даже защищал позицию, что классовая точка зрения (то есть точка зрения материалистического понимания истории – марксизма) не противоречит научности: истина, писал Бердяев, действительно, не может быть классовой – «она *логически* всегда возвышается над классами и одинаково обязательна *для всех*, но исторически, как известная теория, принимает классовый характер и может сделаться даже как бы монополией

²⁶ Струве П. Б. Предисловие к книге Н. А. Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии». // Н. А. Бердяев: Pro et contra. Антология. – СПб: 1994. С. 101.

какого-нибудь класса. Вот почему мы смело можем сказать, что исторический материализм... логически обязателен для всякого разумного существа, но психологически доступен только одному классу»²⁷ – пролетариату. Вполне по-марксистски Бердяев признает в своей первой книге и наличие общественного прогресса в истории, направленного социального развития. В этом вопросе особенно ярко видно отличие взглядов молодого Бердяева от позиции зрелого мыслителя.

Вопрос о том, существует ли прогресс в человеческой истории насчитывает не один век дискуссий. Можно ли считать современное общество более передовым, чем, скажем, древнегреческое? В конечном счете, ответ на этот вопрос зависит от того, какие критерии прогресса мы предложим. Если таким критерием сделать, например, грамотность или среднюю продолжительность жизни, то, очевидно, что наше общество выиграет спор. Если же в качестве критерия мы возьмем гармонию с природой, мораль или, например, развитие искусств, – ответ будет не столь очевиден и прост. Многие философы и историки, сторонники идеи прогресса, старались найти некий общезначимый критерий, благодаря которому можно было бы бесспорно показать поступательное развитие человечества. В качестве таких критериев французские просветители XVIII века предлагали, например, развитие человеческого разума, не поясняя, впрочем, как это развитие можно измерить и оценить, а также – какой разум имеется в виду: при сопоставлении разумных способностей Аристотеля, например, с умственным потенциалом современного «человека толпы» вряд ли выиграет последний. Марксисты за основу предлагали брать объективный момент – рост производительных сил, но и этот критерий не бесспорен: переход к новой организации общества почти всегда сопровождался в истории частичным разрушением производительных сил. К примеру, при складывании средневекового уклада хозяйства новое общество долгое время отставало от античного по производительности труда, технике, но, согласно прогрессивистской теории, средневековое общество было более передовым. Таким образом, марксистский подход опять не помогал решить задачу. Современные авторы иногда пишут о степени свободы человека как критерии прогресса, но и здесь есть свои «подводные камни»: как быть с переходом от первобытного строя к рабству? Прогрессивен ли был такой переход или нет? Да и современное общество – освобождает оно человека или закрепощает по сравнению с прошлыми веками? Над решением сложной задачи продолжают размышлять и сегодня, потому что априорная уверенность в том, что прогресс существует, закладывается в человеческие головы как нечто само собой разумеющееся.

Зрелый Бердяев совсем иначе посмотрел на проблему прогресса. Прогресс? Это когда настоящее всегда приносят в жертву будущему и история пишется с точки зрения превосходства последующего поколения над предшествующим? Когда все страдания, лишения, усилия прошлых поколений рассматриваются как удобрение, как средство для достижения в будущем совершенного идеального состояния человечества? Такая позиция была *морально* недопустима для Бердяева в конце жизни. Будущее не должно пожирать настоящее и прошедшее, человек не может быть средством для своего потомка, нельзя соединить безграничный оптимизм в отношении будущего с бесконечным пессимизмом в отношении прошлого. Да и доказательств у теорий прогресса нет никаких, одни нерешенные (и неразрешимые?) вопросы. Значит, теория прогресса ложна и безнравственна, – убеждал своих читателей Бердяев. «В истории нет прогресса счастья человеческого, – есть лишь трагическое, все большее и большее раскрытие внутренних начал бытия, раскрытие самых противоположных начал, как светлых, так и темных, как божественных, так и дьявольских, как начал добра, так и начал зла. В раскрытии этих противоречий и выявлении их и заключается величайший внутренний смысл историче-

²⁷ Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском. – СПб: 1901. С. 53.

ской судьбы человечества»²⁸, – таков был вывод философа. Его взглядам была присуща апокалипсическая окраска: «апокалипсис есть не только откровение о конце мира, о страшном суде. Апокалипсис есть также откровение о всегдашней близости конца внутри самой истории, внутри исторического еще времени, о суде над историей внутри самой истории, обличение неудачи истории. В нашем греховном, злом мире оказывается невозможным непрерывное, поступательное развитие. В нем всегда накапливается много зла, много ядов, в нем всегда происходят и процессы разложения»²⁹.

25-летний Бердяев-марксист видел проблему совсем иначе. «Все наше мировоззрение покоится на одной идее, – на идее прогресса»³⁰, – уверенно писал он. Но здесь же появились и принципиальные расхождения молодого Бердяева с догматическим марксизмом. Для ортодоксов марксистского учения очевидно, что даже нравственные оценки можно давать только с классовой точки зрения. Бердяев, для которого само участие в революционном движении имело личное нравственное обоснование, обладал в этом вопросе особой чуткостью. «Один общественный идеал выше и нравственно предпочтительнее другого, потому что за него стоит исторический процесс, потому что он прогрессивнее, он приспособленнее к требованиям социального развития; нравственность одного класса лучше и справедливее нравственности другого, потому что она жизнеспособнее, потому что ей принадлежит будущее», – излагал он марксистский подход, но соглашался с ним лишь отчасти: «все это совершенно верно и заслуги исторического материализма в этом отношении неоченимы... Из представленной нами аргументации узно, что данный идеал, например, идеал демократический, не только субъективно-желателен, но также объективно-необходим, что социальное развитие неизбежно приведет к его торжеству. Мне, конечно, очень важно это знать, но от этого нисколько не увеличивается этическая ценность моего идеала. Отсюда еще не следует, что он лучше, справедливее, нравственнее всякого другого идеала»³¹. Он рассматривает такой гипотетический случай: представим, что логика социального развития ведет к отвратительным для меня результатам, например, к новым, более утонченным формам эксплуатации. Согласиться с этим я не могу, даже понимая, что за этим идеалом – будущее и борьба моя против него обречена на поражение. Получается, что объективная необходимость, даже зафиксированная наукой, не может придавать бесспорной нравственной ценности всему, что ей соответствует.

Еще сильнее отличие бердяевской позиции от ортодоксального марксизма ощущалось в философских вопросах. Он попытался дать обоснование активности человека в истории, опираясь на кантовский категорический императив. Позднее он сам характеризовал свою позицию как «этизацию» марксизма. Бердяев показывал, что различие между худшим и лучшим, нравственным и безнравственным изначально, *a priori* дано человеческому сознанию (то есть нравственное чувство врождено человеку), поэтому люди вносят в исторический процесс идею цели и оценивают историческое движение с этих позиций – как прогресс или регресс. Он доказывал в книге, что, хотя социальный процесс закономерен и в этом смысле непреодолим, в саму эту закономерность входит активность человека, его волевые устремления. «Социальное развитие проникнуто принципом социально-психической, а не материально-механической причинности»³², – замечал Бердяев, и это уже звучало не совсем по-марксистски. Человек для него выступал самоцелью, он пытался сочетать социальные выводы с философским идеалистическим их обоснованием: «этический идеализм» сочетался с революционно-демократическими положениями.

²⁸ Философское мирозерцание Н. А. Бердяева. (Автоизложение). Публикация проф. А. П. Оболенского. // Записки Русской Академической группы в США. Том XXIX. – Нью-Йорк: 1998. С. 230–231.

²⁹ Н. А. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. С. 107.

³⁰ Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. С. 70.

³¹ Там же. С. 69.

³² Там же. С. 114.

Сама манера ведения теоретической дискуссии в книге все еще была марксистской. Конечно, в отличие от Ленина, Бердяев не опускался до уничижительных характеристик своего оппонента и обосновывал свое несогласие с ним в тех или иных пунктах. Тем не менее, вынесение оценок «свысока» – с позиций единственно возможной объективной истины, совпадающей с интересами прогресса, с интересами пролетариата, отнесение других позиций к прошлому этапу общественной мысли, когда эта истина была недоступна, столь характерные для работ марксистов того времени, буквально сквозит в строках книги. Он признавал значение работ Михайловского для пробуждения сознания, но рассматривал их как пройденный этап. Михайловский, которому тогда не было и шестидесяти, на эту манеру обиделся и ответил: «Изо всех видов смерти самым ужасным всегда казалось мне быть заживо погребенным, умереть в гробу, в заколоченном гвоздями гробу, под толстым слоем земли, и я часто просил своих друзей каким-нибудь, хотя бы самым жестоким способом убедиться, что я действительно умер. А! Все мы там будем, в заколоченном гвоздями гробу, под толстым слоем земли, но почувствовать себя заживо погребенным и хотя бы самое короткое время тщетно биться и задыхаться, и ни для кого не слышно кричать, и с отчаянием и злобою кусать себе руки и рвать ногтями лицо – какой ужас! В такую страшную минуту не утешисься лестною мыслью о былой роли превосходного будильника мысли или предтечи таких умов, как г. Бердяев, г. Струве и другие... А г. Бердяев предоставляет мне нечто в этом роде. Правда, он полагает, что мои писания «действуют и до сих пор возбуждающим образом на мысль», но вместе с тем заживо заколачивает меня в гроб, покрытый позолотой и блестящим покровом «исторического значения». Хороша эта позолота, роскошен этот покров, завидна вся эта помпа исторического значения, гарантирующая человеку «вечную память»... когда человек действительно умер; но я согласен и на гораздо более бедные похороны... когда действительно умру. Г. Бердяев говорит обо мне в разных местах своей книги как о человеке, который не способен или не может понять то-то или то-то не по недостатку умственных способностей (их он за, мной в известной мере признает), а просто потому, что он покойник, труп, равно свободный и от понимания, и от непонимания»³³. Надо сказать, что когда Михайловский действительно умер, Бердяев откликнулся на его смерть статьей, в которой связал с его именем и работами «целую эпоху в истории нашей интеллигенции»: думаю, в статье была признательность человека, который испытал на себе влияние идей Михайловского и, возможно, раскаивался в некоторых оценках и фразах из своей ранней книги, которые обидели заслуженного человека. Впрочем, в 1900 году Бердяев еще не видел в своей книге ничего обидного для Михайловского, в письме к отцу он писал: «Мне кажется, что моя критика Михайловского очень объективна, беспристрастна и корректна по тону»³⁴.

Позднее, уже в 1907 году, Лев Шестов справедливо отмечал, что, несмотря на критику взглядов Михайловского, бердяевская позиция в чем-то близка и родственна позиции мэтра либерального народничества: «Михайловский не знал немецкой философии и смешивал трансцендентное с трансцендентальным. Михайловский не любил метафизики. Это, конечно, так. Но ведь это, право, дело вкуса... И, пожалуй, слова «мы переросли его» менее всего подходят»³⁵. И Михайловского, и Бердяева роднил поиск не просто истины, а *правды*, стремление к изменению мира, понимание идеала не как отвлеченной конструкции, а как плана действий. В этом смысле, работы Михайловского были для Бердяева отправной точкой для формулирования собственной политической позиции.

³³ Н. А. Бердяев: Pro et contra. С. 105–106.

³⁴ Письмо Н. А. Бердяева отцу, Вологда, 24 июня 1900. // Письма молодого Бердяева. Публикация Д. Барас. – Память. Исторический сборник. Вып. 4. – Париж: YMCA-Press, 1981. С. 216.

³⁵ Шестов Л. И. Похвала глупости. По поводу книги Николая Бердяева. // Н. А. Бердяев: pro et contra. С. 209.

Книга Бердяева была замечена, о ней говорили, ее обсуждали. Ленину, прочитавшему ее, она чрезвычайно не понравилась. По сути, Бердяев предпринял попытку реформирования марксизма. С самого начала он чувствовал всю недостаточность материализма как философской системы, для него было очевидно теоретическое превосходство Канта и Гегеля над Фейербахом и Энгельсом и, начав с поисков для социального учения Маркса иной философской основы, он постепенно отошел от марксизма, хотя и сохранил сочувствие к марксистской социальной программе. Книга была своеобразной критикой марксизма в кантовском духе: добро, истина, красота не зависят ни от каких социальных условий, они априорны, не определяются практикой, а являются достоянием этического сознания. В то же время, Бердяев попытался обосновать идею исторического предназначения пролетариата и неизбежности социализма, опираясь именно на этические ценности. В этом смысле, данная работа Бердяева стала «памятником переходного периода»³⁶. Правда, к моменту выхода книги в свет Бердяев уже начал догадываться о невозможности «исправления» марксизма, вылитого, как совершенно верно сказал Ленин, «из одного куска стали», – ни прибавить, ни убавить.

К моменту, когда книга была закончена, разбирательство дела социал-демократического комитета было завершено. Жандармский генерал сказал Бердяеву, что из изъятых при обыске бумаг следует, что юноша стремился к низвержению государства, церкви, собственности и семьи. По Высочайшему повелению Бердяев был выслан на три года в ссылку под гласный надзор полиции – в Вологодскую губернию, которую тогда часто называли «подстоличной Сибирью». Туда же было сослано большинство социал-демократов, арестованных вместе с Бердяевым. Впрочем, некоторые из них попали и в настоящую Сибирь.

³⁶ Так назвал книгу Бердяева В. Зеньковский в своей «Истории русской философии». (См.: Зеньковский В. История русской философии. Том II. 2-е изд. – Paris, YMCA-Press, 1989. С. 299.)

3. Ссылка: «мир освобожденной индивидуальности»

*Кто смолоду не был социалистом, в старости будет мерзавцем.
Ж. Клемансо*

«Один из старых северных русских городов, где все уже по-русскому: и речь русская старого уклада, и собор златоверхий белокаменный, и тротуары деревянные, и, хотя ты тресни, толку нигде никакого не добиться»³⁷, – описывал Вологду А. М. Ремизов. Небольшой городок, ровесник Москвы, славящийся своими кружевами, маслом и кремлем XVI века стал достаточно типичным местом ссылки. Кого туда только ни ссылали! Вологда даже дважды была местом ссылки Сталина. Всего там побывало около 10 тысяч ссыльных (не считая транзитных этапов на Север) до революции 1917 года, и в количественном отношении Вологодская губерния уступала только Сибири. К началу 1901 года количество ссыльных в губернии достигло 3000 человек, значительная их часть оседала в городах: в самой Вологде их было 170, в Великом Устюге и того больше – 237³⁸. Ссылались, как правило, политически неблагонадежная интеллигенция, «концентрация» которой была чрезвычайно велика для провинциального тихого городка.

Можно было бы ожидать, что в окружении других ссыльных революционеров марксизм Бердяева окрепнет. Этого не произошло. Наоборот, именно в ссылке произошел его отход от марксистского движения. Возможно, это даже было неизбежно для такого индивидуалиста, как Бердяев: ссыльные жили замкнутой группой, вопросы поведения в тех или иных ситуациях решали, как правило, сообща, – дисциплина среди них была вполне «партийная». В этой связи характерен забавный эпизод, связанный с приездом Бердяева в Вологду. Среди ссыльных возник спор о том, надо ли подавать руку при встрече полицмейстеру. Вопрос этот хотели решить коллективно, чтобы держаться общей для всех линии поведения. Бердяев, которому сам предмет спора показался довольно глупым, настоял, тем не менее, на том, что манера здороваться – это сугубо личное дело и никаким общим предписаниям он следовать не будет. Дело было не в том, что Бердяеву очень хотелось или, наоборот, не хотелось пожать руку полицмейстеру, просто он считал себя свободной личностью, не нуждающейся в опеке коллектива и способной принимать решения самостоятельно. Для российских же революционеров того времени (а возможно, – всех времен и народов) была характерна буквально военная дисциплина, за что Бердяев не раз обвинял их в «авторитарности».

9 мая 1900 года Бердяев и еще одна ссыльная семья – Павел Лукич и Вера Григорьевна Тучапские (оба были членами Киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса») – прибыли на бревенчатый вологодский вокзал. Вначале Бердяев остановился в гостинице «Золотой якорь» – лучшей в городе. Четырехэтажная гостиница сохранилась в Вологде до нашего времени, хотя сегодня отсутствие в номерах душа и туалета («удобства на этаже») вряд ли компенсируются для постояльцев исторической атмосферой. Гостиничная жизнь была по карману отнюдь не всем ссыльным, но Бердяев мог ее себе позволить. В письмах родителям он, успокаивая их, описывал свой быт, хвалил гостиничную кухню, просил прислать ему некоторые книги из домашней библиотеки. Книги ему прислали, а также и любимое кресло, чтобы Николаю было удобнее работать. Сын писал о том, что ведет спокойную, размеренную жизнь, зарабатывает переводами, пишет статьи. В одном из его писем отцу есть удивительное для современного читателя место. Уговаривая родителей не беспокоиться о нем, Николай писал:

³⁷ Куда мы идем? Настоящее и будущее русской интеллигенции, литературы, театра и искусств. Сборник статей и ответов. – М.: Заря, 1910. С. 109–111.

³⁸ Осьминский Т. И., Озеринин М. В., Брусенский И. И. Очерки по истории края. – Вологда: 1960. С.215.

«Нервно и физически чувствую себя хорошо, так как веду очень правильный образ жизни, очень спокойный, вытираюсь каждое утро свежей водой и принимаю мышьяк»³⁹. Сегодня мышьяк воспринимается, прежде всего, как токсичное вещество, он фигурирует во множестве детективных романов как орудие преступления, с ним работают только с соблюдением правил предосторожности. А в то время малые дозы этого яда часто использовали для лечения малокровия. Видимо, именно поэтому принимал мышьяк и Бердяев. Сто с лишним лет спустя трудно сказать, как это повлияло на его здоровье, но вряд ли попадание мышьяка в организм способствовало его укреплению...

Несмотря на частые успокаивающие письма, родители все рано волновались: Александр Михайлович не выдержал и приехал на несколько дней в Вологду, чтобы своими глазами увидеть новую жизнь сына. Хотя увиденное успокоило его, хлопотать о переводе сына на юг родители все же не перестали. Их старания не были напрасными: благодаря заступничеству своего крестного отца, светлейшего князя Н. П. Лопухина-Демидова, ссыльный Бердяев спустя уже пару месяцев получил разрешение перебраться в какой-либо неуниверситетский город на юге России по своему выбору. Николай отказался от заманчивого предложения: он считал для себя морально недопустимым пользоваться преимуществами своего происхождения и связями, которых не было у других ссыльных. К тому же, как он вспоминал позднее, ему даже понравилась Вологда. Были, видимо, у 26-летнего Николая и другие причины, на которые он намекал в письме отцу: «у меня есть своя личная жизнь и могут быть чисто личные основания, по которым я хочу быть теперь в Вологде, это может быть необходимо для моего личного счастья»⁴⁰.

Некоторое время спустя Бердяев переехал в дом Гусевой на улице Калашной (переименованной сейчас в улицу Гоголя). Это был красивый особняк с резными балконами на фасаде, к сожалению, сгоревший в 1993 году (хотя и имел статус памятника архитектуры республиканского значения). Его дом вскоре стал своеобразным культурным центром для других ссыльных. Большинство ссыльных довольствовались дешевыми съемными комнатами, поэтому комфортное и просторное жилье Николая, которое выгодно отличалось от их обиталищ, представлялось более удобным для совместных встреч. Вологодским губернатором был в то время дальний родственник Бердяева, что отчасти ставило его в привилегированное положение, хотя сам Бердяев не хотел пользоваться какими-либо льготами по сравнению с другими ссыльными. Те не менее, иногда это происходило даже помимо его воли. Широко известен случай, о котором вспоминал и сам Бердяев в своей автобиографии: однажды он побил палкой чиновника Губернского правления за то, что тот попробовал завести уличное знакомство с его приятельницей, причем Бердяев кричал ему при этом: «Завтра вы будете уволены!» Сам Бердяев приводил потом этот случай как комическую иллюстрацию того, как в нем может разыграть кавалергардская кровь аристократических предков. Но наказания за такой вопиющий проступок не последовало, – думаю, сказались связи бердяевской семьи с генерал-губернатором.

В ссылке Бердяев купил велосипед и часто совершал на нем прогулки – к Спасо-Прилуцкому монастырю или в деревню Фрязиново, летом катался на лодке, ловил рыбу. Он любил читать книги в городском саду, стал завсегдатаем публичной городской библиотеки, не избегал женского общества. Сам он позднее писал, что «был особенно дружен с ссыльной В. Д., очень умной и образованной женщиной, настоящим философом»⁴¹. За этими инициалами скрывалась Вера Дениш, народница, член организации «Народное право», которая попала в Вологду уже после ссылки в Сольвычегодске и Великом Устюге. Но главным содержанием вологодского

³⁹ Письмо Н. А. Бердяева отцу, Вологда, 24 июня 1900. //Письма молодого Бердяева. Публикация Д. Барас. – Память. Исторический сборник. Вып. 4. – Париж: YMCA-Press, 1981. С.213.

⁴⁰ Письмо Н. А. Бердяева отцу, Вологда, 30 июня 1900. //Письма молодого Бердяева. Публикация Д. Барас. – Память. Исторический сборник. Вып. 4. – Москва-Париж: YMCA-Press, 1981. С. 214.

⁴¹ Бердяев Н. А. Самопознание. С. 120.

времени для Бердяева стали, конечно, не велосипедные прогулки, а выработка нового философского мирозерцания.

Именно во время вологодской ссылки первая книга Бердяева увидела свет. Вышла и его статья «Борьба за идеализм» в журнале «Мир Божий». Эти работы вызвали немало споров среди кружка вологодских ссыльных. Бердяев показывал в них, что само по себе экономическое развитие не может привести к созданию того идеала, который наполняет человеческую жизнь смыслом. Он использовал в статье аллегорический образ башни из драмы любимого им Ибсена «Строитель Сольнес»: человеческий мир возможен лишь при наличии великой идеи построения жилищ с высокой башней наверху. Чтобы преодолеть «роковую раздвоенность» между абсолютной ценностью человеческой личности и относительной исторической обстановкой надо, по его мнению, сознательно соединить «теоретически обоснованный идеализм» с «прогрессивными социальными стремлениями»⁴².

Николай Александрович несколько раз выступал перед своими товарищами «с рефератами». Среди ссыльных были обычны горячие дискуссии на философские, социологические и литературные темы, обсуждения и диспуты. «В 1900 году в Вологду хлынула большая волна ссыльных, – можно прочесть в воспоминаниях коренного вологжанина и марксиста И. Е. Ермолаева. – Началась эпоха докладов или, как это тогда чаще называлось, рефератов... Публика собиралась на эти доклады по 50-60 человек».⁴³ В Вологде в это время отбывали срок своей ссылки многие яркие и известные люди: А. А. Богданов – философ, экономист и врач, изобретатель «тектологии», организовавший позднее, в 1926 году, первый Институт переливания крови и погибший, проводя на себе опыт; упоминавшийся уже А. В. Луначарский; известный в будущем эсер-террорист и писатель, автор ненаписанного еще тогда «Коня бледного» Б. В. Савинков; философ, социолог и правовед Б. А. Кистяковский, приехавший в Вологду вместе с женой; писатель А. М. Ремизов, имевший в то время репутацию «наследника Ф. М. Достоевского», и – о чем сегодня мало кто помнит – активный революционер, проведенный в ссылках около 6 лет своей жизни; известный в будущем советский историк и пушкинист П. Е. Щеголев; писатель и член боевой организации эсеров И. П. Каляев и другие ссыльнопоселенцы. В своих мемуарах Ремизов писал: «Все книги, выходившие в России, в первую голову посылались в Вологду, и не в книжный магазин Тарутина, а к тому же Щеголеву. И было известно все, что творится на белом свете: из Арзамаса писал Горький, из Полтавы – Короленко, из Петербурга – Д. В. Filosoфoв, он высылал «Мир искусства», А. А. Шахматов, П. Б. Струве, Д. Е. Жуковский и из Москвы – В. Я. Брюсов, Ю. К. Балтрушайтис и Леонид Андреев. Между Парижем, Цюрихом, Женевой и Вологдой был подлинно «прямой провод»⁴⁴. Щеголев, например, который работал тогда над биографией Гоголя, нуждался в постоянном доступе к архивным документам, что было проблемой (ему нельзя было покидать Вологду). Говорят, друзья присылали ему копии архивных документов целыми тюками и ящиками, за что Щеголев заслужил прозвище «Архивный Фонд». В Вологде ссыльные устраивали не только обсуждения теоретических рефератов, но литературные и музыкальные вечера, лекции, – интеллектуальная жизнь кипела! Это дало основание А. М. Ремизову назвать Вологду «Северными Афинами». Название прижилось, оно обыгрывалось ссыльными в повседневной жизни: например, городские Веденеевские бани назывались античными термами, простыни, обернутые вокруг тел парильщиков, выполняли роль хитонов, а в перерывах между заходами в парилку велись литературно-философские дебаты. После бани обычно шли на берег реки, – там совершалось «торжественное омовение». Причем в холодную погоду купались только самые смелые – Павел

⁴² Бердяев Н.А. Борьба за идеализм // Мир Божий. 1901. Июнь. С. 21.

⁴³ Ермолаев И. Е. Мои воспоминания. – Вологда: изд. Север, 1923, кн. ¾. С. 4.

⁴⁴ Ремизов А. Иверень. Загогулины моей памяти // ЦГАЛИ. Ф. 420. Оп. 5. Ед. хр. 17. Л. 101.

Щеголев, который обладал богатырским телосложением и занимался спортом, и болезненный Николай Бердяев.

Среди ссыльных существовало и «тайное» литературно-философское общество, организованное Ремизовым. Оно было продолжением того общества, которое Алексей Михайлович организовал до Вологды в своей пензенской ссылке. В Вологде он преобразовал общество в «Ассоциацию», название которой скрывалось за неразгаданной современными исследователями аббревиатурой – С. С. А. Ассоциация эта носила шуточный характер. Например, ею выдавались «подорожия»: накануне отъезда те, чей срок ссылки истекал, устраивали прощальный вечер. Для этого вечера Ремизов заготавливал каждому напутствие, своеобразный «некролог» – «подорожие», который имел вид старинного свитка и писался с закорючками и завитками, сопровождался рисунками и карикатурами (Ремизов прекрасно рисовал). Зачитывал свитки обычно Щеголев, обладавший артистическим даром. Позднее, в 1908 году, из С.С.А. родилась ремизовская Обезьянья Великая и Вольная Палата, просуществовавшая не одно десятилетие. Во главе *Обезвелволпала* стоял обезьяний царь Асыка, а сам Ремизов был при Асыке «забеглым политическим комиссаром» и «канцеляристом» и потому выдавал от лица царя своим друзьям и знакомым особые обезьяньи грамоты, титулы, ордена, зарисовывая их фантастическими закавыками и снабжая их «собственно-хвостными» подписями Асыки. Шутка, легкая мистификация со временем стала обществом единомышленников – ведь кавалером Обезвелволпала мог стать не каждый, обезьяньи грамоты вручались друзьям, родственникам душам. Известный философ Иван Александрович Ильин писал, что «обезьяний миф» – это и литературный кружок, и сатира на нигилизм революционной интеллигенции, и игра взрослых людей в воображаемое и нисколько не осуществляющееся обновление мира в сторону «природы», «естественности» и «свободы»⁴⁵. В орбиту этой игры были вовлечены в разное время десятки известных людей: Горький, Цветаева, Ахматова, Блок, Гумилев, Бунин, Зайцев, Шмелев, Шестов, Святополк-Мирский, Струве⁴⁶. Был «кавалером обезьяньего знака» и Николай Бердяев.

Бердяев не только многое почерпнул из общения с этими неординарными людьми, он прошел во время своей ссылки настоящую школу полемической борьбы. Ленин, внимательно следивший за полемическими схватками в вологодской ссылке, писал: «Из Вологды (где сидят Бердяев и Богданов) сообщают, что ссыльные там усердно спорят о философии, и Бердяев, как наиболее «знающий», побеждает, по-видимому, их». Богданов подтверждал это в 1927 году в своем ответе на запрос Института Ленина о его вологодской ссылке: «Я приехал туда в начале 1901 года и нашел там несколько десятков ссыльных, в числе их группу киевлян с Бердяевым, как теоретиком, во главе (В. Г. Крыжановская⁴⁷, П. Л. Тучапский, Б. Э. Шен, позже Н. К. Мукалов⁴⁸ и др.). ... Затем я сделал ряд докладов об историческом материализме... Бердяев обычно оппонировал; он был тогда хороший оратор (лучше нас), но по научным знаниям стоял не высоко, а в философии хорошо знал лишь неокантианские школы (лучше нас), отнюдь не позитивные (попадал в неловкое положение по поводу Авенариуса и Маха)... В 1902 году приехал Луначарский и стал сразу резко полемически выступать против Бердяева, которого уже тогда превосходил как оратор. К Бердяеву же присоединился союзник, гораздо более ученый,

⁴⁵ Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелев. – Мюнхен: 1959. С. 103.

⁴⁶ См.: Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2001. 384 с.

⁴⁷ По мужу – Тучапская В. Г.

⁴⁸ Друг детства, Николай Константинович Мукалов, хлопотать о котором Бердяев не раз просил своих родителей в письмах из ссылки, тоже был сослан на 3 года в Вологодскую губернию, в город Яренск. Благодаря заботам семьи Бердяевых он был переведен в Вологду в 1901 году и работал там по специальности – штурманом на пароходе.

но мало талантливый, Богдан А. Кистяковский. Полемика перешла и в журналы...»⁴⁹ Оценка Богданова, хоть и даваемая в определенной идеологической атмосфере, а потому не совсем объективная, все же ценна тем, что подтверждает наличие различных «лагерей» среди ссыльных и горячие споры между ними.

При обсуждении «рефератов» Бердяева критиковали за отход от марксистских позиций. Особенно резко возражал Бердяеву А. В. Луначарский (он попал в Вологодскую ссылку чуть позже, в 1902 году), продолжая те страстные споры, которые начались у него с Бердяевым еще в Киеве. Луначарский спустя много лет вспоминал: «До моего приезда Николай Бердяев стал было занимать нечто вроде доминирующего положения, его рефераты пользовались большим успехом. Наша социал-демократическая публика поощряла меня выступить с рядом диспутов против Бердяева, противопоставляя его идеализму, в то время докатившемуся до признания не только христианства, но почти православия, марксистскую философию...»⁵⁰. Похожее «задание» дал Луначарскому и Ленин в своем письме, но вот кто «победил» – судить по воспоминаниям Анатолия Васильевича вряд ли можно, он был склонен переоценивать свои достижения.

Спор велся не только между Бердяевым и Луначарским, он выходил далеко за рамки личных позиций. Происходило постепенное размежевание Бердяева с революционной интеллигенцией. Это проявлялось во всем, даже в поведении, в быту. Среди вологодских ссыльных по пристрастиям и характеру стихийно выделились две группы: «аристократия» и «демократия». К «аристократии» принадлежали Ремизов, Савинков, Щеголев, Вера Тучапская (которую Бердяев в своих парижских воспоминаниях почему-то называет только инициалами, – возможно, боясь скомпрометировать даму в глазах советских властей?) и, конечно, сам Бердяев. «Демократию» составили Луначарский, Богданов, А. Ванновский, другие. К «аристократии» примкнул и датчанин А. Маделунг. Фирма его отца экспортировала вологодское масло в Европу, и молодой человек был послан туда для прохождения коммерческой практики. Получилось иначе: Маделунг сблизился со ссыльными, заразился их литературными увлечениями и захотел стать русским писателем! (Это при том, что русский язык он знал хорошо, но не блестяще). Маделунг даже написал фантастический рассказ, который после стилистической правки Ремизова был опубликован в одном из наиболее передовых российских литературных журналов – в «Весах». Когда родители спохватились и вытребовали отпрыска домой, в Датское королевство, было уже поздно: коммерсантом Маделунг не стал, зато стал датским (но не русским, как ему рисовалось в мечтах) писателем, написавшем о своей вологодской жизни целый роман. Кстати, позднее некоторых своих вологодских знакомых (Ремизова, Савинкова) Маделунг переводил на родной язык, со многими из них переписывался.

«Аристократия» была более независима в своих суждениях от коллектива, более индивидуалистична и свободна в своей жизни, имела связи с местным обществом, главным образом земским, отчасти с театром»⁵¹, – вспоминал позже Бердяев. По сути, условное деление проходило по той степени личной свободы, которую ощущал человек. Для Бердяева (впрочем, как и для Савинкова, например) любое внешнее ограничение его свободы было абсолютно неприемлемым. В стане же «демократии» господствовала партийная дисциплина. Возглавляли «демократию» Луначарский и Богданов. Надо сказать, что они даже время ссылки использовали для партийной работы и распространения марксизма. С их приездом местное социал-демократическое движение активизировалось: «в городе появились «первые социал-демократические ячейки среди учащейся молодежи, приказчиков, фельдшер»⁵², молодежь приглашала на собрания политических ссыльных (на одном из таких собраний, например, разбира-

⁴⁹ РЦХИДНИ, Ф. 259. Оп. 1, Д. 4. ЛЛ. 1–4. Автограф.

⁵⁰ См: Луначарский А. В. Неизданные материалы. – М.: 1970. СС.603-618.

⁵¹ Там же. С. 118.

⁵² Луначарский А. В. Из воспоминаний. – Вологда: Изд. «Север», 1923, кн. 2, с.1.

лась работа Ленина «Что делать?»), был организован политический кружок, в рамках которого Богданов и Луначарский читали настоящие лекции. Богданов предложил выпустить для населения несколько политических брошюр. Издать их взялась редакция газеты «Искра»; Ленин от имени редакции ответил: «Мы очень рады Вашему предложению – издавать брошюры. В брошюрах именно есть известный недостаток, и издавать мы могли бы легко в любом количестве»⁵³. Вот здесь и проходила граница (хотя «демократы» и «аристократы» вместе обсуждали книги и доклады, ходили друг к другу к гости, устраивали «посиделки»): одни издавали брошюры и создавали марксистские нелегальные ячейки, а другие – спорили о литературе и рассуждали о самооценности личности...

Бердяев еще оставался близок к марксизму в социальных вопросах, но он был чрезвычайно далек от партийно-организационных забот социал-демократов. Его споры с Богдановым и Луначарским во время обсуждения «рефератов» были бурными и острыми (Бердяев даже подозревал, что Луначарский не раз лично обижался на него после таких прений). Обвинения в адрес Бердяева выдвигались, прежде всего, в отходе от материализма, переходе к идеализму. Но Николай Александрович и не отрицал этого, более того, он никогда не считал себя материалистом! Для ссыльных социал-демократов, воспринимавших марксизм целиком – во всех его ипостасях – попытка соединить социальные выводы марксизма с идеалистической философией казалась невозможным кощунством или... признаком болезни. В глазах вологодской «демократии», нетерпимо реагировавшей на любые отступления от принятого революционного и материалистического кредо, Бердяев стал то ли еретиком, то ли сумасшедшим. Богданов, например, совершенно серьезно тестировал его на вменяемость, так как пристрастие к идеализму в его глазах было явным признаком психического заболевания. Искренний и добрый человек, но правоверный марксист, врач по специальности, Александр Александрович Богданов просто не мог себе представить, что нормальный человек способен интересоваться идеалистической философией, метафизикой, и считал это признаком начинающегося душевного расстройства. Бердяеву и самому давно уже было душно среди революционеров: «Были среди ссыльных хорошие, симпатичные люди, все были людьми верующими в свою идею. Но дышать было трудно в их обществе. Было страшное сужение сознания... То, что интересовало меня, не интересовало большую часть ссыльных»⁵⁴, – писал он об этом времени.

Бердяев в молодости был красив. Вот каким его увидела немного позже, в 1906 году Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал (жена Вячеслава Иванова): «красавец, кудрявый брюнет с алмазами – горящими талантом и мыслью глазами»⁵⁵. Ей вторил Ф. А. Степун: «Он не только красив, но и на редкость декоративен. Минутами, когда его благородная голова перестает подергиваться (Бердяев страдает нервным тиком) и успокоенное лицо отходит в тишину и даль духовного созерцания, он невольно напоминает колористически страстные и все же духовно утонченные портреты Тициана. В горячих глазах Николая Александровича с золотой иронической искрой, в его темных, волнистых, почти что до плеч волосах, во всей природе его нарядности есть нечто романтическое. По внешности он скорее европейский аристократ, чем русский барин. Его предков легче представить себе рыцарями, гордо выезжающими из ворот средневекового замка, чем боярами, согбенно переступающими порог низких палат. У Бердяева прекрасные руки, он любит перчатки – быть может, в память того бранного значения, которое брошенная перчатка имела в феодальные времена»⁵⁶. Обладая такой внешностью, Бердяев, разумеется, пользовался успехом у женщин, и в свои 26 лет даже в ссылке он переживал

⁵³ Ленин В. И. Полное собр. соч., т.46. С.175

⁵⁴ Н. А. Бердяев. Самопознание. С. 118.

⁵⁵ Цит. по: Бронникова Е. В. *Guarda e passa*. (О Лидии Бердяевой и ее рукописном наследии). // Бердяева Л. Ю. Профессия: жена философа. Сост., авт. Предисл. И коммент. Е. В. Бронникова. – М.: Мол. гвардия, 2002. С. 13.

⁵⁶ Ф. А. Степун. Бывшее и несбывшееся. // Бердяев Н. А. *pro et contra*. С. 36.

некоторые романтические истории (по некоторым свидетельствам, – только платонические)⁵⁷. В частности, известно, что к нему из Петербурга приезжала молоденькая девушка – Наталья Кульженко, студентка Императорского Драматического Училища, будущая актриса. Каковы были их отношения – сказать сегодня сложно, но переписка между ними велась. В полицейских донесениях упоминается о некоей молоденькой «барыньке», с которой Бердяева видели на вокзале. Удивляет и то, что некоторых знакомых женщин (Тучапскую, Дениш) Николай Александрович не называл в своих воспоминаниях полными именами, указывал лишь инициалы, что тоже оставляет простор для интерпретации. Но никаких достоверных фактов об этой стороне вологодской жизни Бердяева, к сожалению, не сохранилось.

Тем временем Бердяеву разрешили двухнедельную поездку к родным в Киев (к сыльному аристократу все-таки было особое отношение), – его 67-летний отец был болен, и по просьбе родственников Николаю разрешили его навестить. За то короткое время, что он провёл в родном городе, Бердяев встретился с разными людьми, но о двух встречах известно достоверно. Во-первых, он нанес визит В. В. Водозову (тому самому, что прислал ему из Германии Ницше), в квартире которого проходило довольно многочисленное конспиративное собрание. Это стало известно охране, донесение филера о сборе «20 человек интеллигентов» попало в личное дело Николая Александровича. Поэтому последующие прошения родных Бердяева о помиловании уже не имели никакого отклика. А вторая чрезвычайно важная встреча – знакомство с Сергеем Николаевичем Булгаковым (1871-1944), близкие отношения с которым продлятся долгие годы. Заочное знакомство (через Струве) состоялось на год раньше, завязалась пусть и не активная, но переписка. В Киеве же они тогда впервые встретились лично.

Булгаков принадлежал совсем к другому кругу, чем Бердяев. У него тоже была долгая семейная история, но в совсем ином роде. Отец Булгакова – протоиерей Николай Васильевич Булгаков – был кладбищенским священником в Ливнах Орловской губернии, да и предыдущие пять поколений его предков тоже были священниками. Сергей Николаевич (который тоже станет отцом Сергием в 1918 году) унаследовал «левитскую» кровь шести поколений. Поэтому церковная вера, служение были привычной частью жизни Булгакова с самого детства. Сергей Николаевич учился сначала в Ливенском духовном училище, а в 1885-1888 годах – в Орловской духовной семинарии. Казалось, что будущий путь Булгакова предопределен. Но в семинарии юноша пережил религиозный кризис, закончившийся, по его словам, «утратой религиозной веры на долгие, долгие годы». Елецкая гимназия, юридический факультет Московского университета, изучение политэкономии, знакомство с марксистской литературой... Путь типичный и чем-то напоминающий бердяевский. Правда, в отличие от Николая Александровича, Булгаков университетский диплом получил и даже был оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию. В 1896 году он издал свою первую книгу – «О рынках при капиталистическом производстве», написанную с совершенно марксистских позиций, а через два года, находясь в научной командировке в Германии, лично познакомился с крупнейшими представителями европейской социал-демократии – К. Каутским, А. Бебелем, В. Адлером и др. Если говорить о марксистских авторитетах, с которыми общался Сергей Николаевич, то надо вспомнить и его переписку с Г. В. Плехановым – ведущим теоретиком марксизма в России.

Однако судьбу Булгакова определили встречи другого масштаба, – он лично общался с Л. Н. Толстым. Беседы с «яснополянским старцем», чтение книг Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьева привели к тому, что он, как и Бердяев, перешел от марксизма к идеализму. Поэтому, когда в 1901 году Булгаков получил место в Киеве, – он читал курс политэкономии в Киевском политехническом институте, где он был избран ординарным профессором, и в Киевском университете в должности приват-доцента, – он искал уже иные, немарксистские

⁵⁷ См.: Lowrie, Donald A. *Rebellious Prophet: A Life of Nicolai Berdyaev*. – Harper & brothers: New-York, 1960. P. 62.

основания для своих идеалов. В отличие от Бердяева, для Булгакова это был возврат к тому, что с детства составляло фундамент его жизни – к вере, у Бердяева же, не получившего такого воспитания в семье, путь к вере занял большее время. Сам он вспоминал киевскую встречу так: «Большую близость я чувствовал с С. Булгаковым, с которым переплетались наши пути во внешних проявлениях. У С. Булгакова тогда уже был решительный поворот к христианству и православию. Я же стоял еще на почве свободной духовности. Разговоры с С. Булгаковым в Киеве на религиозные темы имели для меня значение»⁵⁸.

Для меня несомненно, что встреча с Булгаковым оказала огромное воздействие на Бердяева. Во многом именно благодаря беседам и переписке с Сергеем Николаевичем Бердяев переходит не просто к идеализму, а к религиозному идеализму. Если сам Булгаков, переболев марксизмом, возвращался на свою «духовную родину» – к христианской вере, которая была для него понятна и естественна благодаря всему укладу жизни в детстве и юности, то у Бердяева не было такого церковного опыта. «Я не помню в своем детстве традиционных православных верований. Я не отпадал от традиционной веры и не возвращался к ней. У меня нет религиозных воспоминаний, остающихся на всю жизнь, и это имеет огромное значение для моего религиозного типа. В моем детстве отсутствовала православная религиозная среда, которая бы меня питала. Я вижу два первых двигателя в своей внутренней жизни: искание смысла и искание вечности. Искание смысла было первичнее искания Бога, искание вечности первичнее искания спасения»⁵⁹, – писал о себе Бердяев. «Искание смысла» постепенно привело Бердяева к «исканию Бога», в том числе, и благодаря общению с Булгаковым.

Вологодские диспуты с марксистами после возвращения из Киева стали еще более жаркими. Бердяев все дальше уходил от марксизма, его собственная позиция уже не могла быть описана не только как правоверный марксизма, но даже как марксизм «критический». Похожую эволюцию от марксизма к идеализму переживали не только он и Булгаков, но и некоторые другие представители революционной интеллигенции, в том числе, знакомые Бердяева – Петр Струве, например. В результате своеобразным итогом как философских споров с ортодоксами от марксизма, так и осмысления собственной позиции стал сборник «Проблемы идеализма», вышедший в 1902 году. Это был первый сборник в череде последующих коллективных изданий зарождающегося религиозно-философского течения. Самым известным «продолжением» данного сборника станут, конечно, «Вехи»; причем авторы-участники этих двух сборников будут частично совпадать (Бердяев, Булгаков, Струве, Кистяковский, Франк). Но, думаю, неверно считать «Проблемы идеализма» своего рода введением, прологом к «Вехам». Это не так. Авторы сборников, их взгляды не могли не измениться довольно серьезно за семь лет, которые разделяли эти издания.

Редактором сборника стал приват-доцент Московского университета Павел Иванович Новгородцев. Несмотря на свою относительную молодость (ему было 36 лет), он был признанным лидером школы «естественного права» в России, выдвинувшей идею возрождения «нравственного идеализма в философии права» и поворота на этой основе общественного сознания в сторону идеалистических и религиозных ценностей. Кроме того, он был известен своими либеральными взглядами. Недаром спустя несколько лет в объемистом деле, заведенном в Департаменте полиции и озаглавленном «О профессорах, придерживающихся левого направления», найдутся секретные «справки» (доносы) на Новгородцева. Среди 12 авторов сборника были как пережившие философскую эволюцию марксисты, пришедшие от марксизма к идеализму (Бердяев, Булгаков, Струве, Семен Львович Франк), так и либерально настроенные представители академической философии – сам Новгородцев, Лев Михайлович Лопатин,

⁵⁸ Бердяев Н. А. Самопознание. С. 124–125.

⁵⁹ Бердяев Н. А. Самопознание. С. 78.

князя Евгений Николаевич и Сергей Николаевич Трубецкие, Сергей Алексеевич Аскольдов (Алексеев).

В предисловии к сборнику П. И. Новгородцев сформулировал задачу авторов, принадлежащих к различным теоретическим направлениям и разным философским поколениям: «отстоять необходимое разнообразие запросов и задач человеческого духа»⁶⁰. По его мнению, осуществить это можно только одним путем – заменить «догматизм», свойственный позитивизму, критическим подходом идеализма. Новгородцев подчеркивал при этом «живую связь» отстаиваемого авторами сборника идеализма с русской идеалистической философской традицией, прежде всего, опирающейся на идеи умершего в 1900 году Владимира Соловьева. Почему Новгородцев писал о позитивизме, а не о марксизме? Дело в том, в позитивизме авторы видели наиболее развитую форму материализма. Более того, философскую основу ортодоксального марксизма, по мнению участников сборника, можно рассматривать как позитивистскую: с позитивизмом О. Конта марксизм роднила, прежде всего, претензия на научность философии. Например, Булгаков ясно давал такую расширительную трактовку позитивизма, под которую совершенно спокойно подходил марксизм: позитивизмом он называл «все течения мысли, отрицающие метафизику и самостоятельные права религиозной веры»⁶¹. Думаю, есть и еще одно объяснение, почему острие критики было направлено на позитивизм, а не напрямую – на марксизм: не все авторы сборника (в том числе, и Бердяев) полностью отошли от марксизма в социальных вопросах. Для них не пришло еще время сведения счетов со своей философской юностью.

Авторы сборника пытались показать связь освободительного движения и идеализма: они считали, что только идеализм может стать основой для выдвижения социальных идеалов. Прежде всего, это связано с признанием идеализмом свободной воли индивида, абсолютной ценности личности как конечной цели социального развития. Такой подход был невозможен для «позитивизма» (в том самом расширительном значении, которое использовали авторы). Например, Булгаков считал, что основной порок позитивизма – в стремлении рассматривать все происходящее в мире через механическую причинность; он отвергал это «безотрадное и мертвящее», «вызывающее леденящий ужас воззрение» согласно которому жизнь человека оказывается «абсолютно лишенной всякого внутреннего смысла»⁶². Ему вторил Струве: он видел источник «догматизма», свойственного как позитивизму, так и всему материализму, также в «категории причинности, к которой сводятся долженствование и свобода»⁶³. Получалось, что авторы повторяли тот самый упрек, который бросил марксизму генерал Драгомиров, говоря с арестованными социал-демократами: механическая причинность подразумевает, что исторический процесс не зависит от воли человека и революционеры становятся «партией лунного затмения». Признание же свободной воли, волевого выбора личности – в том числе, в выдвижении общественных идеалов, борьбе за их осуществление – без противоречий сочеталось с идеалистической философией. По сути, авторы ставили задачу синтеза марксистского социального идеала с идеализмом. Джон Голсуорси пронизательно и с юмором заметил, что идеализм возрастает прямо пропорционально расстоянию до проблемы. Возможно, этот афоризм подходит и к данному случаю: идеал справедливого общества был крайне далек от российской реальности, представление о том, что может естественным образом «вырасти», развиваться из этой наличной реальности вызывало множество споров. Решение вечной философской проблемы о соотношении должного и сущего стало смещаться в сторону должного...

⁶⁰ Проблемы идеализма. Сборник статей под ред. П. И. Новгородцева. – М.: Издание Московского психологического общества, 1902. С. VII.

⁶¹ Проблемы идеализма. С. 6.

⁶² Там же. С. 7.

⁶³ Там же. С. 32.

В вологодской ссылке Бердяев написал статью «Этическая проблема в свете философского идеализма» для данного сборника. В статье заметно дальнейшее изменение его взглядов. В ней можно найти отголоски разговоров и переписки Бердяева с Булгаковым, со Струве. Тогда же начинается и общение с Семеном Людвиговичем Франком (1877 – 1950) – человеком, духовно близким Бердяеву на протяжении многих лет. У них было много общего: Франк тоже был юристом по образованию – он закончил юридический факультет Московского университета, тоже прошел через увлечение марксизмом и был участником социал-демократических кружков, тоже начал критически осмысливать марксизм (в том числе, под влиянием общения с Новгородцевым и дружбы со Струве), тоже был арестован за организацию студенческих беспорядков в 1999 году... Правда, вместо Вологды Франк уехал в Германию: в Москве оставаться ему было нельзя, и он использовал это время для изучения философии в университетах Гейдельберга и Мюнхена. Во время пребывания в Германии вышла и его первая книжка – «Теория ценности Маркса и её значение: Критический этюд», где он критиковал марксистскую политэкономия за недостаточную обоснованность выводов и бездоказательность некоторых положений, но сохранил все же «дружественный нейтралитет» к идеалам марксизма. Такая позиция перекликалась с позицией первой книги Бердяева о Михайловском, в которой он дополнял марксизм кантианством, но не отказывался от него полностью. Кстати, сближению Николая Александровича и Семёна Людвиговича помогло и увлечение работами Ницше, свойственное обоим.

Статья Бердяева для «Проблем идеализма» очень способствовала его дурной репутации у марксистов. В этой работе он показывал, что этика не может быть сведена к исследованию условий, имеющих нормы, тенденций, практической морали (то есть реально существующего – «сущего»), она всегда имеет дело с идеалом, с представлениями о добре и зле, не укоренёнными в действительности (то есть – с «должным»). Он рассматривал вечную философскую проблему должного и сущего с разных сторон, показывая, что этика возможна только при обращении к идеальному, должному, а сама категория должного автономна, независима от реальности. Поэтому этика не может быть позитивистски объяснена и проинтерпретирована: ведь идеал не присутствует в опыте, не может быть познан эмпирически, он – должное, он не существует реально. Бердяев понимал должное как априорный принцип, который присущ сознанию каждого человека независимо от его опыта. В этом вопросе Николай Александрович примыкал к Канту. В кантовской трактовке идеал, с одной стороны, служит эталоном, мерилем оценки поступков, с другой – остаётся принципиально не достижимым, трансцендентным по своей природе.

В статье Бердяев изложил и свое представление об этической позиции Ницше: он показывал, что «иммориализм» Ницше не является таковым, так как отвергает не должное, а сущее, – Ницше спорит с существующими нормами, с существующей моралью, отвергает эту несимпатичную ему этическую реальность, протестует против нее во имя идеала. Поэтому этика Ницше действительно находится «по ту сторону добра и зла» (по выражению самого Ницше), но по ту сторону *исторического* добра и зла, а не добра и зла *вообще*; тем самым вполне укладывается в классическую этическую схему противопоставления должного и сущего. Таким образом, Бердяев противоречил марксизму, рассматривавшему мораль (как и всю общественную надстройку) в зависимости от экономического развития общества (его базиса). Неокантианский подход Бердяева к этике был сопряжен с его попыткой найти иные философские основания для социального идеала марксизма, – для такого человека, как он, столь сконцентрированного не проблеме социальной справедливости, это было чрезвычайно важным. Для Бердяева нравственный идеал – не от мира сего, он независим от реальности, вневременен, это «автономное законодательство нашего сознания». При такой постановке вопроса появляется возможность не только метафизического обоснования этического идеала, но и религиозного.

Надо сказать, что какое-то «скрещивание» кантианской этики и марксистской возможны. Дело в том, что марксизм, в отличие от кантианства, рассматривает все этические системы, моральные нормы, нравственные принципы как исторические, вырастающие из определенной исторической ситуации, экономической жизни («контекстуализм»). Но пролетарская мораль, с точки зрения марксистов, – иная. С одной стороны, она тоже контекстуальна, исторична, так как выражает интересы конкретного класса. С другой стороны – она универсальна, потому что пролетариат может достичь своих интересов, только освободив *всех* трудящихся, начав новую бесклассовую историю, поэтому в его точке зрения – абсолютная истина и правда. В этом смысле представление о добре в пролетарской этике столь же абсолютно и неизменно, как и категорический императив (априорный, автономный нравственный закон) у Канта. Но такая позиция вовсе не приветствовалась русскими марксистами, утверждавшими экономический детерминизм и «научный» подход. Бердяев встал перед выбором: отбросить контекстуальное обоснование морали, которое его не удовлетворяло (и, значит, отбросить марксистскую точку зрения!), или отказаться от своих представлений о том, что мораль опирается на «должное», на идеал, а не на действительность. Бердяев предпочел первое.

Спорил Бердяев с марксизмом и в другой части: он показывал родство марксистского понимания этики концепциям гедонизма и утилитаризма. С его точки зрения, обоснование поведения человека только стремлением к удовольствиям (как в гедонизме) не может стать основанием этики: «Мы прекрасно знаем, что удовольствие есть плюс, а страдание – минус, знаем также, что счастье – есть мечта человека, но все это имеет очень мало отношения к этике. Удовольствие может быть безобразным и безнравственным, счастье может быть постыдным, страдание же нравственно ценным и доблестным. Цель, которую ищет этика – не есть эмпирическое счастье людей, а их идеальное нравственное совершенство». Когда Януш Корчак добровольно отправился с детьми, которых он лечил, в Трехлинку, зная, что и его, и их ждет газовая камера, вряд ли он руководствовался стремлением к счастью, но назвать его поступок не соответствующим нравственным нормам невозможно. Порой как раз способность отказаться от своего счастья, удовольствия, спокойствия и есть признак человеческого достоинства, способности следовать моральным нормам вопреки собственной выгоде.

Попытка построить этику на стремлении ко всеобщему счастью тоже, по мнению Бердяева, несостоятельна: он рассматривал такой подход («общественный утилитаризм») как частный случай гедонизма. Так же думал и Булгаков, прямо отмечавший, что марксизм отстаивает «самую грубую этическую точку зрения», а потому не может «удовлетворить развитое этическое сознание»⁶⁴. «Если на индивидуальном счастье нельзя построить этики, то всеобщее счастье является уж совершенно фиктивным понятием. Каким образом можно перейти от индивидуального счастья человека к всеобщему счастью человечества, во имя чего человека можно подчинить общему благу и рассматривать его как средство? Почему альтруистический утилитаризм ставит счастье другого человека выше моего собственного счастья, если окончательным критерием является все то же счастье, почему мои поступки квалифицируются, как нравственные, только когда я служу чужому счастью? На эти вопросы нет ответа, тут получается порочный круг. Можно показать, каким образом исторический человек приспособляется к служению общему благу, ...но я спрашиваю не об этом, я спрашиваю об этическом оправдании. Для этики важно показать, почему такой-то принцип – есть должное, а не то, почему он оказывается необходимым. Нет никакого этического оправдания для перехода от счастья одного человека к счастью другого и счастью всех. Когда я служу собственному удовольствию и счастью, то это не имеет никакой нравственной цены, но служить удовольствию и счастью Петра и Ивана и даже всех Петров и Иванов на свете – тоже не имеет никакой нравственной цены, потому что мое удовольствие и счастье и удовольствие и счастье Ивана совершенно

⁶⁴ Там же. С. 22.

равноценны и совершенно одинаково находятся вне области этики, так как не имеют ничего общего с нравственными целями жизни»⁶⁵. Получалось, что Бердяев отказывал в нравственном оправдании, в том числе, и многочисленным героям из революционных «святцев», которые жертвовали свои судьбы (а иногда – и жизни) «за народ», если их поступки диктовались установкой на «служение народу», а не борьбой за *этически* оправданный идеал (за «должное»).

Бердяев возвратился в этой статье и к проблеме прогресса. Он попытался рассмотреть его не с эволюционистских позиций (как объективно обусловленное развитие, закономерный переход от одной стадии к другой), а с точки зрения этики – как нравственное развитие, самоцелью которого является человеческая личность (при условии признания равноценности всех людей). Бердяев показывал, что нравственное противоречие между должным и сущим, между человеческим «я», стремящимся к идеальному совершенству, и эмпирической действительностью может разрешаться двумя путями: путем индивидуального и путем универсального развития (прогресса культуры). Эти два пути, в конце концов, сходятся: «индивидуальная жажда совершенства, осуществления духовного «я», что и составляет сущность нравственной проблемы, утоляется беспредельным индивидуальным развитием, упирающимся в духовное бессмертие, и беспредельным универсальным развитием, т. е. прогрессом культуры»⁶⁶. Таким образом, общественное развитие рассматривалось Бердяевым как средство, «орудие» нравственного совершенствования человека: человеческая личность развивается в процессе взаимодействия с другими людьми, с общественной средой. «Поэтому мы требуем экономического развития и приветствуем более совершенные формы производства», – из этой констатации Бердяева вытекало, что марксистские требования не отбрасывались им, но рассматривались не как цель, а как условие прогрессивного развития. Целью же являлся человек, личность. Признав самоценность человеческой личности нельзя оправдывать эксплуатацию, несправедливость, нарушение прав человека, – революционная программа переустройства общества вполне укладывалась в бердяевский идеализм.

Все тексты сборника объединяла мысль об абсолютной ценности личности, ее «естественных и неотчуждаемых прав». В определенном смысле, такой подход означал обращение (судя по статьям Бердяева и Булгакова – вполне сознательное) к гуманистической традиции, берущей свое начало еще в эпоху Возрождения. Не только Бердяев в своей работе, но и Булгаков в статье «Основные проблемы теории прогресса», Новгородцев в «Нравственном идеализме в философии права», Франк в работе «Фр. Ницше и этика «любви к дальнему»» доказывали «этический примат личности» вплоть до отказа от привычного интеллигентского кодекса «жертвенности за народ». Сборник обосновывал идеал целостной и всесторонне развитой личности – не средства, а цели исторического прогресса.

Книга, несмотря на то, что не отличалась живостью и простотой изложения, что заметно даже из приведенных выше цитат (довольно известный философ-позитивист того времени, писавший и публицистические работы, П. С. Юшкевич, заметил, что книга написана «варварски-схоластическим языком»), стала бестселлером. Некоторые историки русской культуры называют выход сборника главным событием 1902 года⁶⁷. Через 100 лет сборник был переиздан еще раз – с обширными комментариями, предисловиями, пояснениями⁶⁸, причем издание в таком виде было предпринято для того, чтобы аутентично – насколько это возможно – реконструировать взгляды участников сборника (многие из которых стали признанными мэтрами русской философии), понять их позицию, увидеть поворотный пункт в их духовной эволюции. Философская основа сборника была идеалистической, отчасти, – религиозно-идеалисти-

⁶⁵ Там же. С.

⁶⁶ Проблемы идеализма. С.

⁶⁷ См.: Йованович М. Русский модернизм сто лет назад (По следам хроники литературных и художественных событий 1902 года). // Русская мысль», Париж, N 4400, 14 марта 2002 г.

⁶⁸ Проблемы идеализма. Антология. – М.: Модест Колеров, Три квадрата, 2002. – 896 с.

ческой, но еще отнюдь не канонически христианской. Этот подход авторов статей обратил на себя внимание деятелей «нового религиозного сознания» – прежде всего, Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус, сборник был положительно оценен в их журнале «Новый путь» (а Бердяев и Булгаков вскоре получили приглашение стать соавторами этого издания).

Статья способствовала изоляции Бердяева в кругу ссыльных марксистов. «Меня начали считать изменником марксизму, несмотря на то, что политически я мало изменился»⁶⁹, – вспоминал он позднее. Действительно, Бердяев еще не порвал с марксистской социальной теорией, – думаю, считать «Проблемы идеализма» знаком такого разрыва неправомерно. Речь шла о другом: о поиске новых философских оснований для критического пафоса марксизма. Путь «пересоздания жизни» Бердяев по-прежнему видел в коренном преобразовании общественного строя России, но считал возможным такое преобразование только в результате изменения сознания общества на путях религиозной метафизики и индивидуалистической этики. От жестких схем исторического материализма он перешел к признанию вечных, вневременных ценностей, к идее всеобщего нравственного закона, признанию человека как высшей цели. Конечно, такая позиция оказалась неприемлемой для марксистских ортодоксов. Луначарский, Богданов, другие марксисты выступили со статьями, в которых критиковали позицию авторов «Проблем идеализма».

Луначарский сделал предметом своей критики сразу несколько статей Бердяева, – не только «Этическую проблему в свете философского идеализма», но и статью «К философии трагедии. Морис Метерлинк», опубликованную Николаем Александровичем в 1902 году в сборнике «Литературное дело». В этой работе Бердяев проиллюстрировал свое понимание трагизма жизни, вечного разрыва должного и сущего примерами из пьес Метерлинка: в них идеальная любовь разрушалась от соприкосновения с грубой действительностью. Луначарский увидел в статьях последовательное проведение идеалистической позиции, так как идеал (не только совершенной любви, но и общественный, социальный) выводился не из реальных отношений, а из вечных идей, присущих человеческому сознанию. Он назвал попытку Бердяева «обвенчать» марксизм и идеализм «белой магией», его статья так и называлась – «Трагизм жизни и белая магия». Статья Луначарского была написана живо и увлекательно (в отличие от критикуемого сборника), но теоретический анализ и разбор позиций оппонентов подчас подменялся в ней хлесткими фразами и запоминающимися образами (такая манера вообще была характерна для марксистской критики). «... Бердяеву ужасно хочется в одно и то же время уверить нас в безысходном трагизме жизни и в своей вере в прогресс и способности человеческого рода к бесконечному совершенствованию»⁷⁰, – замечал Луначарский. Он рассуждал так: если признавать бесконечность поступательного развития, то надо признать, что «трагизм жизни» не вечен, – когда-нибудь царство свободы будет достигнуто. Бердяев же показывал *принципиальную* недостижимость идеала в истории, вечный разрыв между должным и сущим.

Некоторые исследователи эволюции русских мыслителей начала прошлого века от марксизма к идеализму пишут о родстве их позиции с позицией жившего тогда же известного деятеля германской социал-демократии Э. Бернштейна (1850-1932), чье имя в глазах многих марксистских ортодоксов стало синонимом «ревизионизма», предательства революционного духа марксизма. Позицию Бернштейна лучше всего выражает его ставшая крылатой фраза: «Движение – все, цель – ничто». То есть, по мнению Бернштейна, нет и не может быть совершенного общества, движение вперед вечно. Более того, Бернштейн предпочитал видеть такое бесконечное развитие эволюционным, а не революционным, он писал, что диктатура пролетариата – «признак низкой культуры», политический атавизм, защищал реформизм и демократические механизмы устройства общества. (Демократия, писал он, – «высшая школа ком-

⁶⁹ Бердяев Н. А. Самопознание. С. 123.

⁷⁰ Луначарский А. В. Трагизм жизни и белая магия. // Бердяев: pro et contra. С. 120.

промисса. Она уничтожает господство класса, даже если она пока не в состоянии упразднить классы вообще».) Действительно, во взглядах некоторых авторов сборника и Бернштейна можно найти точки пересечения.

Луначарский, разумеется, совсем иначе видел будущее. Он писал о том, что настоящие революционеры уже сегодня строят «гранитный мост» в светлое будущее, а авторы сборника пытаются помешать «строительству», высказывая свои сомнения в том, что его можно будет довести до конца. Луначарский совершенно верно уловил пафос сборника: «Бердяеву и прочим магам хочется дискредитировать марксизм и доказать, что социальная борьба чужда пониманию идеальных целей»⁷¹, – таков был его диагноз. Интересно, что для обоснования революционно-марксистской точки зрения Луначарский обращался к тем же «авторитетам», что и Бердяев: он писал о понимании трагизма жизни в сочинениях Ницше, он сравнивал слепые силы природы, которым противодействует обладающий сознанием человек, с ибсеновским горбуном (Г. Ибсеном зачитывались не только Бердяев с Шестовым, но и Луначарский), он цитировал символистов и Метерлинка, – духовная «почва» у Бердяева и Луначарского во многом была общей, хотя плоды получились совсем разными.

Луначарский обвинял Бердяева в том, что поняв трагизм человеческого существования в несовершенном и дурно устроенном мире, он пытается облегчить страдания человека «спиритуалистическим пластырем», сам же Луначарский уповал на посюстороннюю борьбу: «Марксизм и вытекающая из него революционная деятельность не утешают, это – знамя, оружие, это – боевая музыка. Выбывших из строя надо лечить, но у нас нет лекарств для больных жизнью... Оставьте этих больных! У них есть свои лазареты, и, право, они недурно там себя чувствуют. Но если из лазарета выйдет тот или другой больной, задрапированный в мантию учителя, и начнет приглашать под его кровлю бойцов, если он станет предлагать нам под разными соусами свои больничные микстуры и выдавать побасенки своей мистико-метафизической сиделки за самую истинную истину – посмеемся над ним и отправим его обратно. Бердяев тоже принадлежит лазарету. Посмотрите, какую большую бутылку спиритуалистического бальзама притащил он с собою. Бердяев тоже один из жаждущих дурмана и грезы, и он не обманет нас тем, что тщетно старается приладить марксистское седло к тощему хребту своей идеалистической коровы»⁷², – остроумно и бойко, но, тем не менее, не вступая в теоретический спор по существу, писал Луначарский.

Критика А. Богданова была не такой остроумной и яркой, как у Луначарского, но зато Богданов честно попытался рассмотреть теоретические основания своих оппонентов. Из всего сборника Богданов выбрал две статьи – Бердяева и Булгакова и именно их сделал предметом анализа в своей статье «Новое средневековье». Причем он сразу оговорился, что «объективная ложь» высказываемых идей не отрицает «субъективной правдивости», то есть искренности высказывающих ее авторов. По воспоминаниям современников, Александр Александрович Богданов (настоящая его фамилия – Малиновский) был добрым и мягким человеком, заботливо относящимся к своим друзьям, готовым всегда прийти в случае надобности на помощь, – он лично знал и Бердяева, и Булгакова и явно не хотел переносить критику «на личности». Богданов пытался показать, что соединение этики в кантовском, абсолютном понимании и революционных требований вовсе не само собой разумеется, это – субъективное желание и стремление авторов (в частности, Бердяева). Бердяев считал, что в результате осознания личностью своих естественных прав, свободы и самоценности человек уже не сможет терпеть по отношению к себе внешнего произвола и насилия. Таким образом, абсолютная мораль, по его мнению, напрямую вела к необходимости переустройства общества. Богданов возражал: Бердяев пишет не об эмпирическом, реальном человеке, а об абсолютном «я», которое «может

⁷¹ Там же. С. 122.

⁷² Луначарский А. В. Трагизм жизни и белая магия. // Бердяев: pro et contra. С. 133.

заниматься «внутренним самоопределением» и «признанием за собою абсолютной ценности» при каком угодно «внешнем гнете»⁷³. В этом была доля правды: Бердяев, следуя за Кантом, говорил о двойственной природе человека, который принадлежит как эмпирическому – текущему и изменчивому – миру вокруг нас, где господствует необходимость (как феномен), так и абсолютному миру, где есть место свободе (как ноумен). Абсолютная мораль, опирающаяся на априорные, вечные, независимые от личного опыта принципы, действительно, при таком понимании человека присуща именно абсолютному (ноуменальному), а не эмпирическому (феноменальному) «я». То есть Богданов заметил реальный логический «скачок», необоснованность в суждениях Бердяева (в последующих работах Николая Александровича этого «скачка» уже не будет), но, к сожалению, после этого тонкого теоретического замечания сразу перешел к вполне марксистским примерам с капиталистами, рабочими, прибавочной стоимостью и т. п. Хотя, как известно, даже удачные примеры не могут доказать истинности или ложности теоретической позиции.

Не согласен был Богданов и с бердяевской трактовкой идеала как регулятивной идеи – то есть того, к чему можно бесконечно приближаться, как к линии горизонта, но никогда нельзя воплотить в действительность полностью. Он мыслил более конкретными категориями и образами, стремился к вполне (по его мнению) осуществимым в реальности идеалам, и поэтому представление о бесконечности прогресса вызвало у него нарекания. Так же, как и мысль Бердяева о существовании «духовной аристократии», которую Николай Александрович, конечно же, понимал не в социологическом плане – как какую-то социальную группу, а как выражение неравенства людей в их способностях, нравственных устремлениях, целях. Богданов же эту идею упростил, проинтерпретировал социологически и представил как «социальные категории феодального мышления»⁷⁴: мол, товарищеское отношение к людям, коллективизм противоречат такому делению людей, хотя, конечно, способности и сила ума у всех разные. То есть в этом вопросе как раз Богданов исходил из «должного» – из своих демократических убеждений и представлений о товарищеской морали. И если реальность не совпадает с этими убеждениями и представлениями (ведь «встречаются обыкновенно люди, весьма неравные по силе ума и воли, по психическому развитию и запасу опыта, это неравенство ясно для всех как факт»⁷⁵), – тем хуже для реальности! (Так спустя несколько десятилетий была отброшена генетика как лженаука, потому что она противоречила «должному» марксистскому пониманию человека). Богданов объяснял Бердяеву, что на самом-то деле «духовная аристократия» выражает то, что накоплено и сделано рядовыми, обыкновенными людьми, массами. Опять-таки вполне по-марксистски личность объявлялась своего рода «ярлыком» исторического события, которое подготовлялось деятельностью народа, безликих «масс».

Показательно, что «Проблемы идеализма», несмотря на трудный язык и отсутствие живости в изложении мыслей, вызвали много неравнодушных откликов. Богданов и другие представители «правоверного» марксизма из вологодской группы выпустили в ответ свой сборник – «Очерки реалистического мировоззрения»⁷⁶. Лев Толстой как-то сказал: большею частью бывает, что споришь горячо только оттого, что никак не можешь понять, что именно хочет доказать противник. Читая марксистскую критику «Проблем идеализма», убеждаешься в его правоте...

⁷³ Богданов А. А. Новое средневековье. // Бердяев: pro et contra. С. 145.

⁷⁴ Там же. С. 151.

⁷⁵ Там же. С. 151.

⁷⁶ «Очерки реалистического мировоззрения. Сборник статей по философии, общественной науке и жизни». – СПб.: изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1904. В сборнике, кроме А. А. Богданова, написавшего предисловие и две статьи (одна под псевдонимом Н. Корсак), приняли участие В. Базаров, С. Суворов, А. Луначарский, А. Финн-Енотаевский, П. Маслов, П. Румянцев, В. Фриче и др.

В результате выхода сборника Бердяев оказался в изоляции: социал-демократы относились к нему достаточно враждебно из-за «идеализма» и «метафизических исканий», либералы же сторонились, так как видели в нем представителя крайне левого течения, марксиста. Зато сборник еще больше сблизил Бердяева с Булгаковым, Струве, Франком, его имя стало известным представителям уже не социал-демократической, а совсем иной интеллигенции в Москве и Петербурге. Но внутренне с марксизмом полного разрыва у Бердяева еще не произошло.

Последний ссыльный год Бердяеву разрешили провести в Житомире. Основанием для этого стало заключение консилиума врачей о состоянии его здоровья. В деле «О бывшем студенте Киевского университета Н. А. Бердяеве» сохранилось несколько медицинских записей. Первая – от июня 1900 года: «г. Бердяев, 26 лет от роду, роста среднего, телосложением умеренным, малокровен. Жалуетса на головные боли, нервные подергивания в лице и шее, бессонницу, мышечный ревматизм, особенно в нижних конечностях... за время пребывания в гор. Вологде он не заметил какого-либо ухудшения в состоянии своего здоровья... настоящее освидетельствование не дало достаточных оснований для того, чтобы признать необходимым для Бердяева переселение в более теплый климат». Но через полтора года, в феврале 1902 года, заключение врачей было иным: «...страдает хроническим суставным ревматизмом, часто обостряющимся, хроническим катарром зева и гортани. Нервная система г. Бердяева также расшатана, что сказывается в сердцебиении... Вследствие своего болезненного состояния пребывание больного в суровом северном климате вредно отражается на его здоровье, и для скорейшего выздоровления ему необходим более сухой и теплый южный климат»⁷⁷. Действительно ли самочувствие Бердяева было столь неважным или сказались непрекращающиеся хлопоты родных – сказать сейчас, спустя сто с лишним лет, трудно, но благодаря этому освидетельствованию Бердяев оказался на Украине.

Житомир, в отличие от Вологды, был вполне современным губернским городом. В столице огромной Волынской губернии имелся водопровод, электростанция, кинотеатр, через Житомир проходили поезда, по улицам города ходили трамваи, да и население было в два с лишним раза больше, чем в Вологде – тогда там проживало около 75 тысяч человек. В то же время в Житомире чувствовалось и дыхание истории: судя по историческим свидетельствам, город впервые упоминался в летописях в 1392 году. На Замковой площади возвышался величественный католический кафедральный собор святой Софии как воспоминание о польском прошлом (собор этот сохранился до наших дней), а по соседству – уже как памятник присоединению Волыни к Российской империи после второго раздела Польши – построенный через столетие православный Свято-Преображенский кафедральный собор. Преображенский собор поражал количеством верующих, которых он мог вместить под свои купола (даже сегодня он считается самым крупным на Украине храмом) и колоколами, – говорят, что его колокольный звон по праздникам был слышен за 20 километров от города. В Житомире была хорошая публичная библиотека, один из старейших в стране театров (сцена которого помнила многих отечественных и зарубежных корифеев), гимназии, духовная семинария, но университета, конечно, не было – одним из условий ссылки было поселение в неуниверситетском городе (слово «студент» тогда воспринималось властями почти как синоним слова «революционер»). Надо сказать, у Веры Григорьевны Тучапской, с которой Бердяев довольно тесно общался в Вологде, в Житомире были знакомые, – она получала из Житомира письма (об этом, в частности, свидетельствует хранящееся в архиве письмо Ремизова, написанное ей в 1902 году)⁷⁸. Вера Григорьевна заочно представила Бердяева своему житомирскому корреспонденту, чтобы ему было легче привыкнуть к новой среде.

⁷⁷ ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. Оп. 96. Д. 736. Лл. 19–19 об., 74.

⁷⁸ См.: РГАЛИ. Фонд 420. Описание 1, ед. хр. 79. Автограф.

Бердяев сыграл необычную для него роль «наставника» в Житомире – по отношению к 17-летнему Семену Либерману. В это время в Житомире под гласным надзором полиции отбывал ссылку один из руководителей Бунда⁷⁹ – совсем молодой человек 22-х лет Михаил Исаакович Либер (Гольдман). Бердяев, которого всегда интересовал «еврейский вопрос» (во многом благодаря брату, сделавшему борьбу с антисемитизмом делом жизни), поддерживал с Либером знакомство. Тот представил Николаю Александровичу нескладного юношу в очках, который, начитавшись Белинского и Чернышевского, будучи зараженным, по выражению Набокова, «крайними формами гражданственности», хотел прожить жизнь, не похожую на жизнь своих родителей, «порвать с затхлостью гетто» и «служить народу». Он приехал к дяде в Житомир для того, чтобы сдать экзамен на аттестат зрелости, получить образование, «выйти в люди», и тут познакомился с Либером, которого ему рекомендовали как репетитора для подготовки к экзамену по русскому языку. Под руководством Либера ученик не только писал сочинения о Некрасове и Шелгунове, но и читал нелегальные издания, напечатанные на папиросной бумаге⁸⁰. Ученик он был способный, но идеи Бунда казались ему национально суженными, – он хотел «служить народу», а не *своему* народу. Поэтому, после чтения Плеханова и других книг, полученных от Либера, он начал считать себя марксистом. Вот тогда Либер и познакомил его с Бердяевым. Они встречались довольно часто, беседовали, обсуждали прочитанное. Благодаря Бердяеву Семен познакомился со статьями Струве, с «критическим» марксизмом. Встреча с Либером и Бердяевым помогли оформиться тому неопределенному еще чувству социальной несправедливости, которое уже имелось в душе Либермана. Семен Исаевич Либерман стал социал-демократом, принявшим участие в событиях 1905 года (он был тогда руководителем нелегальной ячейки РСДРП в Одессе) и в последующих революциях. Но уже тогда он склонялся к идее народоправства (став поэтому в последующем последователем Плеханова, а не Ленина, меньшевиком, а не большевиком). Либерман и Бердяев не раз встречались и после отъезда Николая Александровича из Житомира, их связывали приятельские отношения.

О житомирском периоде ссылки Николая Александровича известно немного: он обосновался в гостинице «Орион» (жизнь в отеле снимала многие бытовые проблемы), общался с другими ссыльными, ездил на побывку в Киев, – Рождество и 1903 год ему удалось встретиться в кругу семьи. А в конце марта 1903 года срок его ссылки истек, он мог ехать домой, не забывая, однако, что проживание в обеих столицах в течение пяти лет ему не разрешается. Тогда же, в 1903 году, в личной жизни Бердяева произошло какое-то тяжелое событие, связанное с женщиной. Событие это стало известно родным Николая Александровича (как в свое время, четыре года назад, стало известно родителям об увлечении Николая женой брата, что, естественно, вызвало настоящий скандал в семье). Сохранилось письмо Бердяева к матери из Житомира, в котором он объяснял свой поступок нравственной обязанностью искупить вину: «Это несчастье в моей жизни, дорогая мама, я заслужил это несчастье, должен пережить его и хочу устроить свою жизнь так, чтобы оно как можно меньше сказалось на ней... Для семейной жизни я совершенно не гожусь, по натуре я типичный холостяк, слишком занят философией и слишком люблю свободу, так что я в конце концов мало теряю»⁸¹. Что произошло с ним весной 1903 года – остается только гадать...

⁷⁹ Бунд – Всеобщий еврейский рабочий союз в Беларуси, Литве, Польше и России. Это была марксистская левая партия антисионистской ориентации, которая входила как относительно самостоятельное объединение в РСДРП (Российскую социал-демократическую рабочую партию) и ратовала за культурную автономию восточно-европейского еврейства, развитие культуры на языке идиш, нерелигиозное объединение евреев и т. п.

⁸⁰ См.: Либерман С. И. Построение России Ленина. – New-York: 1945.

⁸¹ Цит. по: Вадимов А. Жизнь Бердяева: Россия. – Oakland, Calif., Berkley Slavic Specialities: 1993. P. 58.

4. «Новое религиозное сознание»: мир философских исканий

Странная, с нашей теперешней точки зрения, была эта ушедшая эпоха. Она кажется далекой, как античные времена... Мы проживали время в «пиришественном» состоянии духа, в нескончаемых разговорах все об одних и тех же высочайших... материях. Место разговоров менялось..., а разговор продолжался все тот же – о судьбе мира искусства, о конечных задачах культуры...

Л. Сабанеев

Вернувшись в Киев из вологодской ссылки, Бердяев особенно сближается с Сергеем Булгаковым. К этому времени Булгаков уже полностью изжил былой атеизм: большое значение для него имело увлечение работами великого русского философа-идеалиста Вл. Соловьева и личный опыт религиозного семейного воспитания. Поиски истины у Булгакова все более и более смещались в сторону «христианского социализма», религиозного понимания общественной жизни, христианского мирозерцания. Пережив в 1901-1906 годах глубокий духовный перелом, Булгаков вернулся к христианству уже тридцатилетним зрелым человеком. Изданный им в 1903 году сборник статей «От марксизма к идеализму» дал название тем процессам, которые происходили в духовной жизни многих интеллигентов, увлекшихся в молодости марксизмом. Одним из них был и Николай Бердяев. Недаром весной 1903 года он в кратком резюме своих философских взглядов для готовящегося к изданию словаря русских писателей и ученых написал, что окончательно переходит в своих взглядах на позиции метафизического идеализма и отвергает марксизм как цельное мировоззрение, принимая из марксизма, тем не менее, ряд «реалистических социальных идей». Для Бердяева, в детстве и юности которого практически полностью отсутствовала православная религиозная среда, знакомство с Булгаковым послужило толчком, направившим его искания в определенном направлении. Благодаря Булгакову Бердяев серьезно задумался о христианстве и христианской философии.

В то же время, метафизические искания не только не мешали, но, напротив, подчас воплощались в его активной общественной позиции. Например, в 1903 году среди 34 представителей отечественной науки, литературы и искусства Бердяев обратился с воззванием «К русскому обществу», в котором содержался протест против смертной казни. Воззвание подписали В. И. Вернадский, В. Г. Короленко, А. И. Куприн, И. Е. Репин, В. И. Немирович-Данченко и другие. В это же время Бердяев примкнул к Союзу Освобождения, – тайной политической организации, которая выдвигала требования введения всеобщего избирательного права и проведения демократической аграрной реформы (вплоть до принудительного отчуждения помещичьих земель). Внешне все выглядело вполне невинно: Бердяев вместе со своим приятелем Кистяковским отправился в летнюю поездку в германский Гейдельберг, где в это время читал лекции неокантианец Виндельбанд. Но одновременно с летним семестром в Гейдельбергском университете, Бердяев принял участие в тайных совещаниях по подготовке создания Союза, которые проходили в Швейцарии. Предполагалось, что в Союз будут входить все левые элементы российского общества, в том числе и те, кто уже принадлежал к каким-то политическим партиям, например, социал-демократов или социалистов-революционеров. Правда, если эсеры отнеслись к созданию такой организации доброжелательно, то социал-демократы с самого начала к Союзу отнеслись крайне отрицательно и постановили в него не вступать.

Организация создавалась вокруг издававшегося за границей журнала «Освобождение», активную роль в котором играл другой близкий знакомый Бердяева – Петр Струве. В ее основании приняли участие многие известные люди – крупный земский деятель и в будущем

кадет Н. Н. Львов, историк русской мысли, будущий министр Временного правительства князь Д. И. Шаховской, крупнейший русский ученый XX века В. И. Вернадский, знакомые нам уже П. Б. Струве, П. И. Новгородцев, С. Л. Франк, С. Н. Булгаков, Б. А. Кистяковский и другие. На съезде было решено основывать в различных населенных пунктах местные союзы Освобождения, чтобы потом их слить в одно большое общество. Спустя год Союз организовал по всей России так называемую «банкетную кампанию»: в городах устраивались под различными предложениями банкеты, на которых собиралось по несколько сот человек, произносились речи и выносились резолюции, содержащие требование конституции на основе всеобщей, прямой и тайной подачи голосов. Надо сказать, что Бердяев, поддерживая идею союза левых сил, тем не менее, постепенно отдалился от деятельности Союза Освобождения, – как он сам вспоминал, он чувствовал себя чужим в среде земских деятелей. Когда на основе Союза возникла кадетская партия, Бердяев в нее уже не вошел: он считал ее партией буржуазной (ужасное, ругательное слово для русского интеллигента!)

В сентябре 1904 году Николай Александрович принял участие во втором международном философском конгрессе в Женеве. На него произвела впечатление публичная лекция Анри Бергсона, крупнейшего французского мыслителя 20 столетия, прочитанная участникам конгресса. Он познакомился там со знаменитым русским композитором А. Н. Скрябиным, чрезвычайно интересовавшимся философией. Случилась там и «марксистская встреча»: Бердяев вспоминал о беседах, которые у него состоялись с мэтром русского марксизма – Георгием Валентиновичем Плехановым. «Я тогда встречался с Г. В. Плехановым, который был плохим философом и материалистом, но интересовался философскими вопросами. Мы ходили с ним по Женевскому бульвару и философствовали. Я пытался убедить его в том, что рационализм и особенно рационализм материалистов наивен, он основан на догматическом предположении о рациональности бытия и уж на особенно непонятном предположении о рациональности бытия материального. ...Вряд ли Плеханов, по недостатку философской культуры, вполне понял то, что я говорил»⁸². Но главное Георгий Валентинович все же понял: он сказал Бердяеву, что при таких философских взглядах, как у него, невозможно быть марксистом. И был прав! Бердяева уже ждали совсем другие люди, другая среда, другой мир – тот, что в литературе часто называют русским религиозным ренессансом. Но термин этот появился позже, уже в эмиграции, тогда же, в самом начале века, говорили о «новом религиозном сознании».

Ноябрь 1901 года. Знаменитые Религиозно-философские собрания, инициаторами которых была чета Мережковских, стали местом встречи светской интеллигенции и духовенства. Тема – роль христианства в обществе, задачи христианства, религия и культура, возможность дальнейшей эволюции христианства и т. п. По афористичному определению самого Мережковского, речь шла о «единстве двух бездн» – «бездны духа» и «бездны плоти». Причем подобный синтез подразумевался не только в рамках единичного, индивидуального человеческого бытия. Организаторы собраний предельно широко трактовали противопоставление духа и плоти. Дух – Церковь, плоть – общество, дух – культура, плоть – народ, дух – религия, плоть – земная жизнь: такие «пары» легко множить и дальше. В конечном счете, участники собраний пытались осуществить модернизацию христианства. Недаром это течение получило название течения «нового религиозного сознания». Кто стоял у его истоков? Конечно, упомянутая уже мною чета Мережковских, то есть Зинаида Николаевна Гиппиус (1869-1945) и ее муж, Дмитрий Сергеевич Мережковский (1866-1941). Эти имена трудно разделить. Связав свои жизни в начале 1889 года, они не расставались ни на один день более полувека, – даже писем их друг к другу не сохранилось: они всегда были вместе, и нужды в переписке не возникало. Это был необычный брак, – духовный союз единомышленников, отвергших плотское начало как нечто, приземляющее любовь, ведущее к «бытию», а не к «со-бытию». Г. В. Адамович в своей статье,

⁸² Бердяев Н. А. Самопознание. С. 92–93.

посвященной Гиппиус, писал об этом так: «ей, да и ему, Мережковскому, нужен был дух в чистом виде, без плоти, без всего того, что в жизни может отяжелить дух при попытке взлета»⁸³.

Трудно сказать, кто в этом союзе был ведомым, а кто – лидером. С точки зрения общественного признания, ведущая роль принадлежала, без сомнения, Мережковскому, – десятки томов, многие из которых были переведены на другие европейские языки, выдвижение на Нобелевскую премию (которую, в конечном счете, вполне заслуженно получил не Мережковский, а Бунин, чей литературный талант несравнимо выше), роль одного из «духовных отцов» русского религиозного ренессанса начала века, зачинателя символизма в русской литературе. В то же время, многие, хорошо знавшие Мережковских люди, писали и говорили об огромном влиянии Зинаиды Николаевны на Мережковского. Вячеслав Иванов, например, был уверен, что «З.Н. гораздо талантливее Мережковского... Многие идеи, характерные для Мережковского, зародились в уме З.Н., Д.С. принадлежит только их развитие и разъяснение»⁸⁴. Поэт В. А. Злобин, много лет проживший вместе с Мережковскими в качестве литературного секретаря, в своей книге воспоминаний тоже подчеркивал, что руководящая, «мужская» роль в семье принадлежала Гиппиус⁸⁵. Так же считали Андрей Белый, Д. В. Философов, А. В. Карташев, другие. Сама Гиппиус несколько иначе оценивала свою идейную близость с мужем: «... случалось мне как бы опережать какую-нибудь идею Д.С. Я ее высказывала раньше, чем она же должна была встретиться на его пути. В большинстве случаев он ее тотчас же подхватывал (так как она, в сущности, была его же), и у него она уже делалась сразу *махровее*, принимала как бы тело, а моя роль вот этим высказыванием ограничивалась, я тогда следовала за ним»⁸⁶. Так или иначе, союз этих людей стал источником оригинальной религиозно-философской концепции.

У истоков Религиозно-философских собраний стояли также Дмитрий Владимирович Философов (1872-1940), близкий друг и соратник Мережковских, сотрудничавший в журнале «Мир искусств», «Новый путь» и других; чиновник Синода и автор доклада «Русская Церковь перед великой задачей», задавшего тон собраниям, Валентин Александрович Тернавцев (1866 – 1940); Виктор Сергеевич Миролюбов (1860 – 1939) – редактор демократического журнала «Для всех». Одним из основателей течения нового религиозного сознания был и замечательный русский писатель Василий Васильевич Розанов (1822–1861) – скорее явление нежели человек, как сказала о нем Зинаида Гиппиус. Бердяев же отмечал розановский «изумительный литературный дар». Сын ветлужского священника, Розанов прошел необычный и отчасти трагический религиозный путь. Православие для него было родной стихией с детства, но на рубеже веков в его творчестве появились новые темы: вопросы пола, попытка критики исторического христианства через призму Ветхого Завета, противопоставление радостного «вифлеемского» христианства – страдальческому «голгофскому». Именно в этот период он сблизился с Мережковскими, стал высказывать модернистские религиозные идеи. Его друг, П. П. Перцов писал о Розанове: ««новаторство» доставалось ему недаром. Долгое время он боялся этой своей «судьбы»: он – такой «бытовик», человек крепкий сложившимися формами жизни, верный «дедовским» традициям; человек, любивший Страхова, славянофилов, консервативные типы жизни, а больше всего любивший ее спокойную, неизменную творческую мощь, ее глубокое русло, полное неиссякаемых сил... Ему ли оторваться от этого русла, стать в какую-то «оппозицию», когда он так не любил все «оппозиционное», весь пошлый шаблон всяческих «протестов»?..»⁸⁷ Тем не менее, не любивший всяческие протесты монархист Розанов оказался заодно с «мистическим революционером» Мережковским, когда организовывались

⁸³ Г. Адамович. Зинаида Гиппиус. // Дальние берега. Портреты писателей эмиграции. Мемуары. – М.: Республика, 1994. С. 126.

⁸⁴ Дневник С. П. Каблукова. Запись от 17 мая 1909 г. – ГПБ. Ф.322. Ед. хр. 4. Л. 162-163.

⁸⁵ См.: В. Злобин. Тяжелая душа. – Вашингтон: 1970.

⁸⁶ З. Н. Гиппиус. Дмитрий Мережковский. // Гиппиус З. Н. Живые лица. Воспоминания. – Тбилиси: Мерани, 1991. С. 184.

⁸⁷ Перцов П. П. Воспоминания о В. В. Розанове. // Ж. «Новый мир», 1998, № 10. С.

Религиозно-философские собрания. На одном из собраний В. В. Розанов назвал современное ему христианство каменным, неживым и противопоставил ему живое Евангелие. Хотя умер Розанов как и положено православному человеку, исповедавшись и причастившись, но это не помешало ему, выступая на собраниях, упрекать историческое христианство в том, что оно не сумело устроить земную жизнь людей и нарушало ветхозаветную заповедь – «плодитесь и размножайтесь» – своим аскетическим идеалом воздержания.

Религиозно-философские собрания «нащупали» слабое место исторического христианства: его пренебрежение земной, плотской жизнью человека. «Неразрешимое противоречие земного и небесного, плотского и духовного, Отчего и Сыновьяго – таков предел христианства»⁸⁸, – утверждал Мережковский. Он даже называл христианство «религией смерти» за проповедуемый тезис о необходимости умерщвления плоти. Получалось, что мир-космос, мир-общество, человек, сотворенный во плоти, со всей своей повседневной жизнью не входили в область исторического христианства; между духом и плотью образовывалась непреодолимая пропасть, окружающий мир воспринимался как безвозвратно падший. Мыслителей «нового религиозного сознания» это не устраивало: плоть так же священна, как и дух! Пути для «освящения плоти» предлагались самые различные – вплоть до введения нового церковного таинства первой брачной ночи. Разумеется, вскоре (в апреле 1903 года) собрания были прекращены по настоянию церковной цензуры. Но Религиозно-философские собрания, проходившие в Петербурге, стали заметным явлением в жизни всего российского общества. Уже упоминавшийся выше Перцов так описывал Религиозно-философские собрания: «Да, эти заседания памяты. Обширный зал был всегда битком набит народом. «Широкая публика» уже интересовалась этими темами. Провинциалы, молодежь, дамы – все как водится. Но главный интерес собраний был, конечно, в «очной ставке» представителей церкви – не только в рясах, но и в клубуках – с представителями интеллигенции, встрече двух лагерей, не встречавшихся по крайней мере с времен Петра (а до Петра какая была у нас «интеллигенция»?). Протопресвитер и царский духовник Янышев – и поэт-философ Н. М. Минский; рьяный архимандрит Антонин, глава духовной цензуры, который сжег бы, кажется (по его речам судя), на костре всякого инакомыслящего, ... – и рядом с ним рьяный «декадент», ницшеанец и «неохристианин» Д. С. Мережковский, об исключительном пророческом таланте которого не дают никакого понятия его сравнительно тусклые книги; бледный в черных своих облачениях, под черным куколом епископ Феофан – и изящно-парадоксальная в своей боттичеллиевской наружности поэтесса Гиппиус... Да, это были совсем особенные собрания и совсем особая обстановка»⁸⁹. Многие деятели тех Собраний еще до их начала получили широкую известность в литературном и художественном мире (Мережковский, Розанов, Гиппиус, В. Я. Брюсов, А. Н. Бенуа, Л. С. Бакст, С. П. Дягилев, другие), среди участников было немало духовных лиц (будущий патриарх Сергей (Страгородский), обновленческий деятель Антонин (Грановский), богослов протоиерей С. А. Соллертинский, духовник императора протопресвитер И. Л. Янышев, другие). Собрания не были похожи на замкнутый кружок философов, обсуждающих отвлеченные вопросы. Многие доклады касались актуальных проблем того времени, вызывали широкий отклик. В виду интереса к собраниям, было принято решение о публикации их стенограмм. Стенограммы начали печататься (с многочисленными цензурными изъятиями) в журнале «Новый путь» – начиная с № 1 за 1903 год. Правда, немного погодя после запрещения собраний (всего их было 22) последовал и запрет печатать их протоколы. Ненадолго собрания спасло «честное слово» Янышева Николаю II, что на собраниях нет ничего преступного, но это была лишь краткая отсрочка.

⁸⁸ Мережковский Д. С. Пророк русской революции. (К юбилею Достоевского). // Мережковский Д. С. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. – М.: Советский писатель, 1991. С. 345.

⁸⁹ Перцов П. П. Воспоминания о В. В. Розанове. // Ж. «Новый мир», 1998, № 10. С.

Тем не менее, начало было положено: мысль о необходимости «обновления» христианства обрела многих сторонников среди светской интеллигенции. Даже в марксистской среде появились «богоискатели» и «богостроители». «Богостроительству» отдали дань и знакомые Бердяева по ссылке – Богданов и Луначарский. (Резкую отповедь богостроителям дал в своих статьях Ленин). Отец Василий Зеньковский в своем замечательном труде «История русской философии» писал: «Для русской жизни в XX веке характерно не только революционное движение в социально-политической области... не менее характерно революционное или реформистское движение и в религиозно-философской области. Это движение развивается под знаком „нового религиозного сознания“ и строит свою программу в *сознательном противопоставлении себя историческому христианству*, – оно ждет новых откровений, создает (под влиянием Вл. Соловьева) утопию «религиозной общественности»⁹⁰.

Самыми последовательными «неохристианами» были, наверное, Мережковские: они не раз писали о грядущей религии «Третьего Завета». Если Ветхий Завет был религией Отца, Новый Завет – религией Сына, то Третий Завет должен был стать, по их мнению, религией Святого духа, своеобразным синтезом «правды о земле» (язычества) и «правды о небе» (христианства). «В первом царстве Отца, Ветхом Завете, открылась власть Божья, как истина; во втором царстве Сына, Новом Завете, открывается истина, как любовь; в третьем и последнем царстве Духа, в грядущем Завете, откроется любовь, как свобода»⁹¹, – верили Мережковские. В своей знаменитой исторической трилогии «Христос и Антихрист» Мережковский пытался обосновать именно эту идею, показывая, что в истории человеческой культуры уже предпринимались попытки синтеза «земной» и «небесной» правд, но они не были удачными в силу незрелости человеческого общества. Мережковский писал о мистическом тождестве «правды плоти», нашедшей свое полное выражение в язычестве, и «правды духа», воплотившейся в аскетически понимаемом христианстве. Именно в будущем соединении этих двух правд – «полнота религиозной истины». Мережковские и Философов даже пытались создать «ячейку» церкви Третьего Завета. Если идея «нового религиозного сознания» получила довольно широкое распространение, то к плану о создании обновленной церкви большинство знакомых Мережковских относились скептически. Андрей Белый, например, иронично относил этот план в разряд «литературных бомб», взрывающихся только на страницах журналов, но отнюдь не в реальности, а Дмитрия Сергеевича называл «протопопиком нового сознания» и «головным резонором»⁹².

Розанов, которого часто называли «русским Фрейдом», добавлял в «новое религиозное сознание» свою нотку: вопросы пола. Бердяев написал о Розанове в 1907 году: «Весь Розанов есть реакция на христианскую отраву пола, есть восстановление первоначальной святости пола»⁹³. Пол для Василия Васильевича был «мистической точкой» притяжения человека. Думаю, вовлеченность в эту тему объяснялась личной историей Розанова: в студенческие годы он женился на Аполлинии Сусловой (бывшей в 60-е годы возлюбленной Ф. М. Достоевского) – женщине намного старше его, поразившей провинциального юношу своими передовыми взглядами, связями с литературным «бомондом», отблеском любви к ней великого писателя. Когда после окончания Московского университета Розанов оказался в положении провинциального школьного учителя, Сулова его, разумеется, оставила и с ним ни в Брянск, ни в Елец не поехала. Тем не менее, спустя несколько лет, когда Розанов встретил женщину своей судьбы – Варвару Дмитриевну Бутягину, вдову учителя Елецкой гимназии, женщину

⁹⁰ Зеньковский В. История русской философии. Т. II. – Париж: YMCA-Press, 1989. С. 293.

⁹¹ Мережковский Д. С. Грядущий Хам. // Мережковский Д. С. Грядущий Хам. Чехов и Горький. – М.: изд. Пирожкова, 1906. С. 28.

⁹² Белый А. Между двух революций. Воспоминания. В 3-х кн. Кн.3. – М.: Худож. лит., 1990. С. 57, 66.

⁹³ Бердяев Н. А. Метафизика пола и любви. // Бердяев Н. А. Эрос и личность. Философия пола и любви. – М.: Изд. «Прометей», 1989. С. 21.

глубоко верующую, из семьи священника (и потому чрезвычайно серьезно относящуюся к церковному освящению брака), Сулова развод ему дать отказалась. В результате много лет Розановы жили в совершенно двусмысленном положении, а их пятеро детей по существовавшим в ту пору церковно-государственным законам считались «незаконнорожденными» и даже не имели права носить ни фамилию, ни отчество отца. Розанов поднял настоящее восстание против официальной точки зрения церкви и «общественного мнения» в защиту семьи, он искал абсолютное, то есть религиозное ее обоснование: «Я давно про себя решил, – излагал свою позицию Розанов, – что «домашний очаг», «свой дом», «своя семья» есть единственно святое место на земле, единственно чистое, безгрешное место: выше Церкви, где была инквизиция, выше храмов – ибо и в храмах проливалась кровь»⁹⁴. Пол понимался им как сокровенное начало семейной жизни, потому в своих сочинениях он показывал связь Бога и пола в древних религиях и культурах, считая, что историческое христианство нарушило изначально заложенную Богом гармонию проповедью аскезы, воздержания, умерщвления плоти. Тема пола у Розанова просто неиссякаема, она привела его к культуре плодovitости и воспроизводства, апологии фаллоса, человеческого семени: он даже православных священников любил за то, что у них много детей. Соответственно, он обвинял христианство в ослаблении человеческой сексуальности, десакрализации половой любви и считал, что будущее религии – в воспевании пола и жизни.

Эта философия пола удивительно совпадала по своей тональности с христианским модернизмом других деятелей нового религиозного сознания, среди которых было немало «декадентов». Розанов постепенно сблизился с ними, хотя сначала даже немного побаивался этого круга, считая, что на «понедельниках» у Дягилева или во время «собраний» на квартире Мережковских должно происходить что-нибудь несусветное, не вписывающееся в его простой и немного даже архаичный быт. Впервые он шел к Дягилеву с опаской, даже люстра в форме дракона показалась ему признаком «декадентства», но именно под этой люстрой он потом нашел много благодарных слушателей, поддерживающих его идеи. Розановские темы оказали колоссальное воздействие не только на индивидуальные теоретические позиции Мережковского, Гиппиус, Бакста, но на облик всего русского религиозного ренессанса начала века. Не избежал влияния розановской философии и Бердяев, – это заметно в ряде его работ. Утверждения Николая Александровича, что «религиозный вопрос ныне тесно связан с проблемой пола и любви»⁹⁵, прямо продолжают темы Розанова.

Этот же круг людей «нового религиозного сознания» заметил и ранние работы Бердяева, особенно его статью в «Проблемах идеализма». Молодым киевским автором заинтересовались в «Новом пути». «Толстый» ежемесячный журнал, возникший как продолжение Религиозно-философских собраний, был детищем Мережковских. В поэтическом разделе они часто печатали свои стихотворения (и работы других символистов – К. Бальмонта, В. Брюсова, А. Блока, Ф. Сологуба), в прозаическом были опубликованы рассказы Зинаиды Гиппиус и выдержки из романа «Петр и Алексей» Мережковского (но и сочинения Ремизова, Б. Зайцева, С. Сергеева-Ценского), в философском – доклады Мережковского на Религиозно-философских собраниях (но и работы Вяч. Иванова, П. Флоренского). Свой раздел в журнале был и у Розанова, – он назывался «В своем углу», отличался исповедальной окраской: Розанов выдерживал интимную тональность в общении со своими читателями. В целом, журнальную политику определяли Мережковские. Это был своего рода диктат, из-за которого В. Я. Брюсов отказался быть секретарем журнала еще до его рождения, а П. П. Перцов, согласившийся занять этот пост, довольно быстро от него отказался. Секретарем стал Д. В. Философов, у которого расхождений с Мережковскими практически не было в силу их исключительной близости

⁹⁴ Розанов В. В. Когда начальство ушло. – СПб.: 1910. С. 278.

⁹⁵ Бердяев Н. А. Метафизика пола и любви. // Бердяев Н. А. Эрос и личность. С. 18.

(он был одним из членов знаменитого «троебратства»: Гиппиус, Мережковский, Философов), но журнал стал испытывать трудности в финансировании. Произошло это во многом из-за запрета Победоносцева публиковать протоколы Религиозно-философских собраний, – после прекращения публикаций интерес к журналу резко упал. Необходима была новая концепция журнала, но Философов не мог ее предложить. Тогда у Мережковских и нового секретаря журнала – Георгия Ивановича Чулкова – возникла идея привлечения к сотрудничеству в «Новом пути» «идеалистов» – Булгакова, Бердяева, Новгородцева, Франка. Отчасти способствовало этому и личное знакомство Булгакова и Розанова: Булгаков был учеником Розанова в Елецкой гимназии, они переписывались. Переговоры с Булгаковым и Бердяевым вел Чулков: он тоже был в прошлом революционером, побывал в сибирской ссылке, ревниво следил за политическим направлением журнала. Для переговоров Чулков (по поручению Мережковских) выехал в Крым, в Кореиз, где в это время находился Булгаков. Переговоры шли нелегко: «В то время Бердяев и Булгаков, хотя и разочаровались в марксизме, ревниво еще отстаивали социалистические идеи. Неясность в этом отношении позиции «Нового пути» смущала их»⁹⁶, – писал потом Георгий Иванович. Тем не менее, соглашение было достигнуто. Возможно, на положительный ответ со стороны Бердяева повлиял тот факт, что ему очень понравилась замечательная книга (наверное, лучшая) Д. С. Мережковского «Толстой и Достоевский».

В результате жизнь Бердяева резко поменялась: 30 сентября 1904 года он просит власти разрешить ему переезд в Петербург (хотя после ссылки в течение пяти лет ему нельзя было проживать в обеих столицах), обосновывая это приглашением работать в журнале. Такое разрешение он получает. Заканчивается первый, «киевский» период его жизни и творчества. Марксизм остается позади, новыми идейными «союзниками» становятся представители «нового религиозного сознания». В «Самопознании» Николай Александрович так писал об этом: «Произошла встреча «идеалистов», пришедших из марксизма, с представителями «нового религиозного сознания», издававшими «Новый путь», то есть, прежде всего, с Мережковскими. План нового журнала был выработан С. Н. Булгаковым и мной. Решено было воспользоваться существующим уже журналом «Новый путь», введя в него новые элементы и преобразовав его. И в группе «Нового пути», и в группе «идеалистов» (наименование неточное) были религиозные искания, но в «Новом пути» ориентация была главным образом литературная, у нас же главным образом философская и общественная. Сильной стороной старого «Нового пути» было печатание протоколов Религиозно-философских собраний. Литературная часть обновленного журнала была дана группой старого «Нового пути», философская и политическая часть нами. Произошло соглашение людей разного прошлого и разного типа, которое оказалось непрочным»⁹⁷.

До своего отъезда в столицу Бердяев выступал несколько раз с докладами в Киеве, ездил в Петербург по делам, встречался с друзьями. Но, возможно, главная встреча в его судьбе произошла 19 февраля 1904 года. Его, Шестова и Булгакова пригласили на банкет в Литературно-художественное общество по случаю годовщины реформы освобождения крестьян, где они выступили с небольшими речами. После выступлений Булгаков подвел к Бердяеву Лидию Юдифовну Трушеву-Рапп и ее младшую сестру, Евгению. С этого момента жизни Николая Александровича и Лидии Юдифовны были связаны друг с другом более 40 лет. Но об этом – в следующей главе.

⁹⁶ Чулков Г. И. «Новый путь». // Чулков Г. И. Годы странствий. Из книги воспоминаний. – М.: изд. «Федерация», 1930. С. 59.

⁹⁷ Бердяев Н. А. Самопознание. С. 130.

Часть 2. «Эпоха обогащения душ»

5. Лидия Трушева – «друг жизни»

...любовь больше того, кто любит.

И. Бродский

Жизнь Лидии Трушевой началась в Харькове. А вот по поводу даты ее рождения существуют некоторые разногласия. Сам день рождения не вызывает сомнения – это 20 августа. С годами все не так ясно. Если в советском паспорте Л. Ю. Бердяевой, выданном ей в 1922 году, был указан 1874 год рождения; то через два года в Германии ей выдали удостоверение личности, где значился уже 1873 год. А в ее личном деле, хранившемся в Департаменте полиции, рождение датировалось 1871 годом. Судя по всему, именно эта цифра отражала реальное положение дел, – Лидия Юдифовна была немного старше Бердяева.

В семье Трушевых был достаток, так как отец, Юдиф Степанович, был преуспевающим юристом и состоятельным человеком. Он даже имел звание почетного гражданина города Харькова. Трое детей – Лидия, ее брат Александр и младшая сестра Евгения – получили принятое тогда у состоятельных семей образование. Девочек учили иностранным языкам с самого раннего детства – сначала бонна-немка, затем француженка; потом Лидия обучалась в пансионе при 8-классной частной женской гимназии Р. Я. Григорьевича (одной из лучших в городе), которую и закончила в 1888 году. У Трушевых был свой дом в Харькове, на лето семья выезжала на дачу Бабаки в Люботине Валковского уезда Харьковской губернии. «Богатой» жизни пришел конец, когда Лидии было 17 лет, – умер отец. Собственный дом был продан, хотя Бабаки благодаря усилиям матери удалось сохранить, – это место стало потом родным и для Бердяева. Мать Лидии, Ирина Васильевна, использовала все средства, чтобы дети не почувствовали материальных лишений. Она даже смогла найти деньги на то, чтобы отправить Лидию в 1891 году в Швейцарию, где в пансионе под Лозанной ее дочь изучала французский язык.

Достаточно широко известна история письма 19-летней Лидии к Л. Н. Толстому. Сестры Трушевы находились под влиянием народнических идей служения народу, но не знали, куда они могут приложить свои силы, «по какой дороге пойти, чтобы выйти на истинный путь»⁹⁸. Старшая, Лидия, собиралась пойти на фельдшерские курсы, но перед принятием этого решения набралась смелости и 21 сентября 1890 года написала Льву Николаевичу. Лидия, как и Бердяев, преклонялась перед гением Толстого. (Любовь к его произведениям останется с ними на всю жизнь: уже в эмиграции они будут вслух читать по вечерам друг другу «Войну и мир»). В своем письме она просила совета: «научите же меня, как жить для души, если чувствуешь ее присутствие, не дайте заглохнуть лучшим побуждениям человеческим»⁹⁹. Как это ни удивительно, Толстой, который получал ежедневно сотни писем со всего света, ответил Лидии, – чем-то старика тронуло письмо молоденькой девушки. Он отговаривал ее поступать на фельдшерские курсы, не советовал «вообще искать средств делать добро. – Прежде всего надо искать средств перестать делать зло, которым полна наша жизнь»¹⁰⁰. Великий писатель указал Лидии на христианский идеал нагорной проповеди, с которым необходимо сличать свою жизнь (и

⁹⁸ Письмо Л. Ю. Трушевой Л. Н. Толстому. Цит. по: Бронникова Е. В. *Guarda e passa*. (О Лидии Бердяевой и ее рукописном наследии). // Бердяева Л. Ю. *Профессия: жена философа*. Сост., авт. предисл. и коммент. Е. В. Бронникова. – М.: Мол. гвардия, 2002. С. 6.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же. С. 6–7.

тогда работы над собой хватит навсегда!). Он невольно угадал со своими советами: Лидия представляла собой исключение в не слишком религиозной семье Трушевых, – вера всегда много значила в ее жизни. Поэтому обращение Толстого к Евангелию от Матфея сразу нашло отклик в ее душе. Она попыталась продолжить переписку, написала еще одно письмо, но на него Толстой уже не ответил. Вслед за Лидией Толстому написала и Евгения, но и на это письмо ответа не последовало.

Две сестры – Лидия и Евгения – были чрезвычайно близки. У них были общие увлечения, книги, знакомые, представления о будущей жизни. Неудивительно, что даже замуж они вышли за двух братьев Рапп: Лидия стала женой Виктора Ивановича – он был старше ее всего на год, служил в Харьковской контрольной палате и был совладельцем издательства, специализировавшегося на книгах для народа¹⁰¹. Евгения вышла за своего тезку – Евгения Ивановича, юриста, выпускника Харьковского университета. Все четверо были близкими друг другу людьми, – не только с точки зрения родственных связей, но и по духу, по революционным убеждениям. Они были вхожи в социал-демократические кружки, в частности, в Харьковский социал-демократический рабочий союз ремесленников. Результатом этого стал первый арест сестер в 1900 году. Лидия и Евгения провели в тюрьме 20 дней. В конце концов, удалось убедить следствие, что они занимались с рабочими просветительской деятельностью, никакой нелегальной литературы не распространяли, поэтому мать добилась их освобождения под залог в 2000 рублей за каждую. Муж Евгении тоже в этом же году попал в тюрьму по политическому обвинению.

Освободившись, сестры через несколько месяцев уехали в Париж, где брали уроки живописи и скульптуры и учились в Русской Высшей Школе общественных наук. История этого учебного заведения интересна: при Всемирной Парижской Выставке были учреждены национальные комитеты, которые организовывали лекции известных ученых о развитии науки, культуры, искусства в разных странах. Читали такие лекции и русские ученые: всего их было организовано 51, причем они пользовались большим интересом у публики. Особенно активны в посещении лекций были представители Русского студенческого общества, которое объединяло выходцев из России, обучавшихся во французских учебных заведениях. Члены этого общества и высказали пожелание сделать лекции постоянными. Идея получила поддержку, и в конце XIX века в крупных городах Европы (Стокгольме, Брюсселе, Милане, Лондоне и Париже) возникли так называемые «свободные» учебные заведения, где велось обучение различным общественным наукам. Эти учебные заведения существовали за счет добровольных денежных пожертвований и небольшой платы, вносимой за обучение слушателями. Прием в них был свободным – без каких-либо ограничений по возрасту, полу, социальному происхождению и без экзаменов. Высшая школа в Париже существовала в рамках французской Свободной Высшей школы общественных наук, на территории Сорбонны. На лекции иногда собиралось по 400-500 человек!

Это замечательное начинание имело и обратную сторону: невысокая плата за обучение, отсутствие каких-либо барьеров при поступлении, возможность получить легальное разрешение на проживание во Франции привели к тому, что, во-первых, интеллектуальный уровень слушателей не всегда был высок, а во-вторых, в школе оказалось очень много политизированной молодежи. Через два года после сестер Трушевых-Рапп здесь, например, выступал Ленин, занятия посещал Лев Троцкий и т. д. Политизированная обстановка школы не могла не сказаться на сестрах: вернувшись в Россию, они вновь активно занялись революционной деятельностью.

¹⁰¹ См.: Ольховик Н. Н. *Книгоиздательство «В. И. Рапп и В. И. Потапов» в 1900-1904 гг.* // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века: Сб. науч. тр. Вып. 6. (Сост. И. И. Фролова; Ред.: О. Н. Ансберг, И. И. Фролова). – Л. (СПб.): 1992.

В 1903 году сестры и их мужья сотрудничали с Харьковским комитетом РСДРП. Результатом стал второй арест в сентябре: все четверо оказались в тюрьме, и второе заключение было более продолжительным – несколько месяцев. Правда, нравы царских тюрем несколько отличались от того, что спустя несколько десятилетий ожидало «врагов народа» в советских пеницитарных заведениях. Приятельница Лидии и Евгении, Н. К. Исакович (ее муж был арестован вместе с сестрами), в одном из писем общей знакомой рассказывала, что передала Лидии и Евгении в тюрьму цветы (!), что сестры сохраняют элегантность и сделали «массу заказов, как то: кофточки, шелковые юбки и т. д.»¹⁰² В другом письме она писала, что передала арестантам около 100 книг. Вряд ли советские политзаключенные могли даже представить себе такую жизнь в тюрьмах...

Мать арестанток хлопотала об освобождении дочерей. Когда она уже почти потеряла надежду, в 1904 году их освободили по решению прокурора Харьковской судебной палаты. Но сестры должны были покинуть Харьков и переехать в любой другой город по их выбору. Лидия и Евгения выбрали Киев (что тоже поражает: они находились под секретным надзором полиции, но смогли переехать в более крупный университетский город!) В Киеве Виктор Иванович Рапп был вновь арестован и заключен уже в Киевскую тюрьму, Лидия же встретила Бердяева...

Судя по сохранившимся фотографиям, Лидия была хороша собой («редкостный профиль и по красоте редкостные глаза», – написал потом про нее известный писатель Борис Зайцев), да и собеседницей была живой. Ее многое сближало с Бердяевым – им нравились одни книги (Толстой, Достоевский, символисты), оба они прошли через увлечение революционными идеями, оба хотели реализовать себя в духе, оба искали родства душ, не удовлетворяясь чувственным, бытовым планом бытия. Интерес друг к другу возник практически сразу, роман развивался стремительно. Практически ежедневные прогулки по вечернему Киеву, катание на лодке по Днепру, бесконечные разговоры обо всем на свете, порожденные стремлением быть понятым, принятым, оцененным... Когда летом 1904 года Бердяев отправился в Европу (в Германию, Швейцарию, где он принял участие в философском конгрессе, затем в Италию), их отношения достигли той стадии определенности, когда будущую жизнь представляют только вместе. Об их общении до свадьбы помогают узнать 21 сохранившееся письмо Николая Александровича Лидии Трушевой из-за границы и из Киева (когда она уехала на дачу Бабаки в Люботин), но главное – эти письма приоткрывают тайну внутреннего мира самого Бердяева.

Первое письмо Лидии Бердяев написал еще на вокзале, перед своим отъездом из Киева. Оно дает представление не только о глубине переживаемого им чувства (он начал скучать о ней еще не выехав из родного города!), но и о том, насколько оно было неожиданным: «Мне все еще трудно привыкнуть к тому, что в моей жизни произошел такой огромный перелом, что теперь все уже будет иначе, лучше, чище и радостнее, вне мысли я ведь для себя ничего не ждал. И вдруг Ты (с большой буквы)... Раньше я был так одинок, а теперь с тобой, мое солнце, я буду с тобой, куда бы я ни ушел»¹⁰³. Но «быть с тобой» для Бердяева означало раскрыть перед Лидией свою душу, избавиться от возможных иллюзий с ее стороны. В этих письмах он писал ей о том, о чем трудно было сказать при личных встречах, – о своей раздражительности, нетерпимости, высокомерии, снобизме. Он не хотел иметь тайн от любимой и обнажал перед нею скрываемое в обычной жизни. «Я иногда не без горького чувства сознаю, до какой степени мне чужды демократические чувства и интересы, до какой страшной степени я аристократ не только во внутреннем, но и во внешнем смысле этого слова. Я люблю контрасты жизни, люблю яркие краски, люблю красоту во всем строе жизни, ненавижу плебейство, страдаю от грязных ногтей, от скверного запаха, от грубых манер, – признавался бывший марксист Бердяев. – Во

¹⁰² Цит. по: Бронникова Е. В. *Guarda e passa*. (О Лидии Бердяевой и ее рукописном наследии). // Бердяева Л. Ю. Профессия: жена философа. Сост., авт. предисл. и коммент. Е. В. Бронникова. – М.: Мол. гвардия, 2002. С. 10.

¹⁰³ Письма молодого Бердяева. Публикация Д. Барас. // Память. Исторический сборник. Вып. 4. – Москва-Париж: YMCA-Press, 1981. С. 221.

мне часто играет моя кавалергардская аристократическая кровь и влечет меня к шампанскому, к хорошим Hotel'ям, к первому классу... Спасает меня только ненависть к духовному плебейству сословной аристократии и безмерная любовь к свободе»¹⁰⁴. Он признавался Лидии даже в презрении к людям: «Я к людям и ко многому в жизни отношусь даже слишком «свысока»... это просто высокомерие и презрение, потому что люди кажутся мне дураками и плебеями, а дела их ничтожными и мелкими. Но я горю от постоянного внутреннего раздражения, и разрушительно на меня действует, что я внешне постоянно себя сдерживаю. Иногда мне кажется, что я кончу каким-нибудь уголовным преступлением, дуэлью или чем-нибудь подобным... Тебе не знакома еще моя необузданная ярость и моя способность к незаслуженному оскорблению близких. Я боюсь себя. Моя мягкость предательская, нет ничего хуже этих мягких эгоистов»¹⁰⁵.

Надо сказать, что знакомые Бердяева видели перед собой совсем иного человека, – интеллигентного, открытого для бесед и общения, заботливого к приятелям. Близкий друг Бердяева, Евгения Герцык, удивлялась, «насколько он умел быть терпимым, мириться с чужой правдой»¹⁰⁶, Андрей Белый отмечал, что «в личном общении он очень мягок, широк, понимающ»¹⁰⁷, что «в жизни он был терпеливый, терпимый, задумчивый, мягкий и грустно-веселый какой-то; словами вколачивал догмат, а из-под слов улыбался адогматической грустью шумящей и блекнувшей зелени парков, когда, золотая, она так прощально зардеет лучами склоненного солнца»¹⁰⁸. Сам Бердяев, писал позже о себе (уже для читателя, а не в исповедальных письмах), что для него нет ничего более чуждого, чем гордая манера себя держать и подчеркивать свое превосходство над «средними» людьми. Поэтому в письмах к Лидии, когда он признавался, что «самая страшная и самая глухая болезнь» его жизни – это гордыня¹⁰⁹, он действительно приоткрывал тщательно скрывааемые тайники собственной души, о которых мало кто знал.

Есть в этих письмах и нотки высокомерия, которые вряд ли могли прозвучать из уст автора в разговоре с менее близким человеком: «Всегда у меня была уверенность в своих огромных, выходящих из ряда вон умственных силах и дарованиях и всегда я сознавал свое превосходство над другими людьми»¹¹⁰, – писал Бердяев. Или – о том же, но другими словами: «всегда, всегда я считал себя человеком большого калибра, верил, что отмечен я перстом Божиим среди других людей, и этого сознания не могут уничтожить во мне никакие силы мира»¹¹¹. В одном из писем, уже из Киева, Николай признавался: «У меня часто бывали припадки болезненного раздражения и неистовства, когда я поклонялся себе, как богу (все-таки с маленькой буквы), а людей никогда не мог любить, не мог никого считать равным себе»¹¹². Он верил в свое «высокое предназначение в мире», в то, что многому может «научить людей», описывал интерес к себе со стороны участников философского конгресса в Женеве, и не случайно просил Лидию сохранить «для потомства» одно из своих «философских» писем. Конечно, такое самолюбование и не критическое отношение к себе можно объяснить молодостью: Бердяеву было 30 лет, а в эту пору многие склонны переоценивать свою уникальность, непохожесть на других и рисовать себе неординарную жизнь. Кто-то мечтает о Нобелевской премии,

¹⁰⁴ Там же. С. 222.

¹⁰⁵ Там же. С. 224.

¹⁰⁶ Е. К. Герцык. Н. А. Бердяев. // Бердяев: pro et contra. С. 49.

¹⁰⁷ А. Белый. Центральная станция. // Там же. С. 57.

¹⁰⁸ Там же. С. 59.

¹⁰⁹ Письма молодого Бердяева. Публикация Д. Барас. // Память. Исторический сборник. Вып. 4. – Москва-Париж: YMCA-Press, 1981. С. 238.

¹¹⁰ Письма молодого Бердяева. Публикация Д. Барас. // Память. Исторический сборник. Вып. 4. – Москва-Париж: YMCA-Press, 1981. С. 229.

¹¹¹ Там же. С. 239 – 240.

¹¹² Там же. С. 238.

кто-то – о кругосветных путешествиях, а Бердяев мечтал о философской славе, – в этом нет ничего необычного. Но, вместе с тем, в этих строках проявилась не только завышенная самооценка молодого человека, но и некоторые черты характера, не связанные с возрастом. Читая письма Бердяева, написанные уже пожилым человеком, его автобиографии, «Самопознание», можно заметить, что Николай Аолександрович всегда был склонен несколько переоценивать, преувеличивать свою роль в тех или иных событиях, интерпретировать произошедшее с наиболее приятной для себя точки зрения. Влюбленность в себя сохранилась у него на всю жизнь.

Из писем встает и тот образ будущих отношений с любимой, которых ждал Бердяев. С одной стороны, он, как и миллионы влюбленных мужчин до и после него, просил любимую прислать ему фотографическую карточку, говорил, что хочет взять ее на руки и унести далеко-далеко, беспокоился, почему долго не приходят ответные письма, выводил: «целую твои ножки», ревновал к Виктору Раппу («В Люботине ли твой муж (идиотское слово) и какие у тебя с ним отношения?»). Но, с другой стороны, – писал ей большие философские письма, в которых объяснял свое мирозерцание, говорил о «трансцендентности всякого бытия мышлению», предлагал найти себе «желанную и до известной степени удовлетворяющую работу» вместе с ним в петербургском журнале (это желание не сбылось, – Лидия Юдифовна никогда не работала), а главное – строил модель будущих отношений, свободных от власти обыденности. «Нужно... сбросить с себя эту кошмарную власть обыденности, какими бы добродетелями она ни прикрывалась, – обращался Бердяев к Лидии. – Мы должны создать для себя необыденный мир, наше собственное царство, и я верю, что мы это сделаем... Мы победим прозу жизни и не позволим обыденности нас засосать... У нас должно быть то, чего ни у кого нет»¹¹³.

В своих статьях того времени Бердяев вспоминал теорию Платона о двух типах любви – об «Афродите небесной» и «Афродите пошлой, простонародной». Любовь Афродиты пошлой, как писал Платон, – это как раз та любовь, которой любят люди ничтожные, они любят своих любимых больше ради их тела, чем ради души. Чувство же, вызываемое Афродитой небесной, – это духовный союз, предполагающий взаимное совершенствование, когда человек делает для возлюбленного все, что угодно, но и сам при этом станет лучше («а это прекрасней всего на свете», – замечал Платон). Платоновский миф о двух Афродитах явно оказал большое влияние на Бердяева. Для Бердяева разница между Афродитой небесной и Афродитой простонародной – это разница между любовью личной, ведущей к бессмертию индивидуальности, и любовью природной, безлично-родовой, цель которой – размножение. В его письмах к Лидии есть замечательный абзац, который помогает понять, что значило для Бердяева достигшее его чувство: «В жизни своей я любил только три вещи, – писал Бердяев из Цюриха, – любил неумело и беспредельно, философию, свободу, красоту. Теперь также люблю еще одну большую вещь, красивую, свободную и философскую, люблю тебя, хочу окружить тебя красотой, построить для тебя храм и поклоняться тебе, там самым поклоняясь и самому себе»¹¹⁴. Поклоняться любимой, – но и поклоняться самому себе: платоновский идеал взаимного совершенствования, утверждения индивидуальности, родства душ, а не тел.

Вместе с тем, телесный момент много значил для молодого Бердяева. Проблемы пола обсуждались им не только теоретически, но и применительно к будущей жизни с Лидией, ведь настоящая любовь в его представлении подразумевала гармоническое слияние духовного и плотского начал. Лидия, видимо, думала иначе, и он ей отвечал: «Я не верю в чистоту физических аскетов, аскеты обыкновенно или развратны в воображении или их добродетель есть продукт малокровия и худосочия», «аскетизм есть разврат бессилия». Сохранилось киевское письмо, написанное в октябре 1904 года, возможно, после какой-то знаменательной для

¹¹³ Там же. С. 237.

¹¹⁴ Письма молодого Бердяева. Публикация Д. Барас. //Память. Исторический сборник. Вып.4. – Москва-Париж: YMCA-Press, 1981.С. 222.

двоих встречи, отношение к которой у Бердяева было двояким: «мне бесконечно грустно и больно, что я был таким вчера, но может быть лучше, чтобы ты знала, с кем имеешь дело», – писал он Лидии. В этом письме была фраза, которую можно по-разному проинтерпретировать: «надо мной тяготеет проклятие половой ненормальности и вырождения». Имел в виду Бердяев какие-то стороны семейной истории или особенности своей сексуальности – неясно, но он откровенно признавался: «с ранних лет вопрос о поле казался мне страшным и важным, одним из самых важных в жизни. С этим связано у меня очень много переживаний, тяжелых и значительных для всего существования»¹¹⁵. Бердяева беспокоило и пугало, что в сексуальных вопросах его опыт и опыт Лидии «очень различный», что они по-разному относятся к этой стороне жизни. Их отношения были, по его собственному определению, «слишком дружескими и детскими, слишком бескровными и постными». Хотя Лидия уже была замужем, отсутствие сильного чувства к Виктору Раппу, полученное провинциальное воспитание, религиозность, характер и темперамент сыграли свою роль, – Бердяев буквально испугался того, что в ней «еще дремлет пол»: «ты как будто бы еще бесполое существо, и мне страшно от мысли, что я, может быть, не разбужу в тебе его (пол – О.В.)»¹¹⁶. Для него было чрезвычайно важно, чтобы не только он испытывал желание телесной близости с Лидией, но и она сама имела такие же чувства: «Ведь дело не в том, чтобы ты согласилась жить со мной в физической близости, этого страшно мало и этого нельзя принять, если ты согласна быть моей **женой** для меня, а не для себя, для того, чтобы я был удовлетворен, чтобы мне не было плохо, а не потому, что хочешь иметь меня своим **мужем**, для себя хочешь». И дальше: «На половую жизнь нельзя смотреть со стороны, она возможна только, когда обе стороны забываются, когда каждый хочет другого, не может без другого, когда два должны слиться в одно, не могут жить иначе. Я думаю, не только человеческая плоть, но и человеческий дух имеет пол...»¹¹⁷. Очевидно, что сексуальная сторона отношений с Лидией тогда много значила для Бердяева, он страстно хотел, чтобы она не была пассивной, чтобы не только он, но и она желала их близости. Гармонии телесного и духовного не получилось, – сохранились многие свидетельства о том, что их брак был духовным союзом, – во всяком случае, спустя несколько лет это наверняка было так. Сестра Лидии утверждала, что так было с самого начала их совместной жизни, – они жили как брат с сестрой, «как первые апостолы»¹¹⁸. Лидия писала в своем парижском дневнике в 1934 году, что их общение ценно тем, что было лишено «чего бы то ни было чувственного, телесного, к которому и я, и он относимся и всегда относились с одинаковым презрением, т. к. и он, и я считаем, что подлинный брак есть брак духовный»¹¹⁹. Судя по всему, в молодости Бердяев представлял себе их жизнь совсем иначе...

Читая бердяевские письма, я невольно удивлялась тому, что в них он говорил о философии, поле, духовном родстве, обретении полноты бытия, но в них почти не было «прозы жизни»: где они будут жить вдвоем, каковы будут источники их материального благополучия (хотя финансовое положение обоих нельзя было назвать устойчивым), как должна выглядеть их совместная жизнь в бытовом плане... Думаю, дело в том, что Бердяев представлял себе их любовь как возможность совершенного бытия, где дух и пол будут слиты, где индивидуальность одного будет дополняться (но не ограничиваться!) индивидуальностью другого, а для такого совершенного бытия абсолютно не важны бытовые рамки. Конечно, мечты о таком совершенстве были утопией – многие семейные лодки разбились о быт, но подобная установка Николая несомненно повлияла на характер его отношений с Лидией, в которых быт никогда не

¹¹⁵ Там же. С. 240.

¹¹⁶ Там же. С. 240.

¹¹⁷ Там же. С. 241.

¹¹⁸ См.: Lowrie, Donald A. *Rebellious Prophet: A Life of Nicolai Berdyaev*. – Harper & brothers: New-York, 1960. P. 73.

¹¹⁹ Бердяева Л. Ю. Профессия: жена философа. Сост., авт. предисл. и коммент. Е. В. Бронникова. – М.: Мол. гвардия, 2002. С. 61.

занимал главенствующего места. Не видел Бердяев себя и в роли отца; как отмечала Зинаида Гиппиус, – он «к детям был равнодушен». Николай Александрович даже теретическое обоснование давал такой позиции, считая, что «биология устанавливает обратную пропорциональность между рождаемостью и индивидуальностью. Если органические силы идут на продолжение рода, то они естественно убывают для создания совершенной индивидуальности»¹²⁰. Он воспринимал любовь как встречу двух личностей, где все остальное – не слишком важный фон, не более того.

Лидия отвечала Бердяеву реже, во многих письмах он описывал, как ждет от нее весточки, но не получает ее, волновался и раздражался, почему она молчит, не пишет. Первая встреча после разлуки в Киеве тоже показалась ему натянутой и не соответствующей тому образу совершенной любви, который он себе (и ей!) нарисовал. В конце октября 1904 года он написал Лидии из Варшавы (куда поехал по семейным делам майората): «Твои письма за границу не удовлетворили меня, а наша встреча после разлуки очень ранила меня... Скажи, я для тебя то же, что ты для меня? Когда это так и мы оба это будем чувствовать каждую секунду, тогда начнется совершенно новая жизнь. У нас должно быть то, чего ни у кого нет». Страстная вера в возможность высокой любви безо всяких изъянов, в существование Афродиты небесной, пронизывала все мысли Бердяева в тот период его жизни. Думаю, он заразил этой верой и Лидию.

Всего год назад, в 1903 году, Николай писал матери, что не предназначен для семейной жизни. Но, встретив Лидию Юдифовну, он изменил свое мнение. Они решили связать свои жизни. Судя по всему, вначале их брак был гражданским: в церковных метрических книгах Киева за 1904 год записи об их бракосочетании не содержится. Брак сына родители встретили доброжелательно. В своих дневниках Лидия многие годы спустя вспоминала семью Бердяевых, членом которой она стала: «Мать *Ни*... была очаровательна, изящна, приветлива, любила общество, развлечения, но главное – была очень добра. В ней чувствовалась подлинная духовная аристократичность в лучшем смысле этого слова... Алина (Александра) Сергеевна обожала *Ни*, так же, как отец. Старики очень любили друг друга, хотя часто ссорились из-за пустяков. Мать *Ни* относилась ко мне как к родной дочери, ласково и нежно»¹²¹.

В результате важных перемен в своей жизни Бердяев, получив разрешение на проживание в столице, приехал в конце 1904 года в Петербург уже не один, а с Лидией Юдифовной. Сначала они сняли квартиру неподалеку от журнала «Новый путь», но потом и вовсе переехали в помещение на Саперной улице, где размещалась редакция, последовав примеру некоторых других сотрудников. Борис Зайцев вспоминал огромную квартиру, занимаемую редакцией, «где обитал при редакции приятель мой Георгий Чулков – вроде редактора. Жил там и худенький Ремизов, в очках, уже тогда слегка горбившийся, волосы несколько взъерошенные – секретарь редакции (он появился в редакции позже Бердяева – *О.В.*). Издатель журнала – скромный меценат Жуковский. Главными тузами считались Булгаков... и Бердяев, только что начинавший, но сразу обративший на себя внимание»¹²².

¹²⁰ Бердяев Н. А. Эрос и личность. Философия пола и любви. – М.: Прометей, 1989. С. 23.

¹²¹ Бердяева Л. Ю. Профессия: жена философа. Сост., авт. предисл. и коммент. Е. В. Бронникова. – М.: Мол. гвардия, 2002. С. 136.

¹²² Зайцев Б. К. Бердяев. // Бердяев: pro et contra. С. 85.

6. Петербургский Серебряный век

Хочу не только понять смысл жизни, но и реализовать его в полноте жизни.

Н. Бердяев

Булгаков и Бердяев мечтали о своем собственном журнале давно. Но им, скомпрометированным в глазах властей своей революционной деятельностью, получить разрешение на издание журнала было практически невозможно. Поэтому еще в Киеве они обратились к известному философу Николаю Онуфриевичу Лосскому с просьбой согласиться взять на себя номинальное звание редактора. В результате, после вручения взятки какому-то крупному чиновнику в управлении по делам печати, разрешение на журнал «Вопросы жизни» было получено.

Предложение Чулкова заставило их на время отказаться от организации нового журнала. Они рассматривали «Новый путь» как компромисс: философскую и «общественную» линию журнала они надеялись определять сами, а Мережковским оставить литературно-художественную часть издания. Надо сказать, что суверенитет литературной части журнала не всегда выдерживался «новичками»: Сергей Булгаков резко высказывался против некоторых материалов (особенно не нравились ему стихи символистов), Бердяев, в отличие от него, стихи любил, но зато очень придирчиво оценивал «общественное» направление литературных произведений. Конфликт был неизбежен, но несколько номеров журнала в такой «обновленной» версии выпустить удалось. Бердяев окупился в водоворот дел: он писал по статье практически в каждый номер журнала, договаривался с интересными авторами, отбирал присланные материалы. Но чем активнее работали новые члены редакции, чем сильнее влияли они на направленность журнала, тем меньше журнального простора оставалось у Мережковских (а ведь раньше в «Новом пути» был их «диктат»!). Зинаида Николаевна описывала это позднее так: «В редакции «Нового пути»... повеяло иным воздухом, сказать по правде – как бы чужим, да и люди, которых привели с собой главные «идеалисты»... тоже казались нам чужими. Розанов совсем скис и в редакцию почти не приходил. А раньше – отовсюду забегал, хоть на минутку. Д.С. ... тоже перестал понимать проводимую в «Новом пути» реформу и очень охладел к журналу... Мы все, как новички, скромно отделились тогда от журнала в его «общественной» части. Нам была предоставлена область литературы и литературной критики. Но скоро и тут начались трения... Такие трения все умножались, и мы стали подумывать просто передать им журнал. У нас, кстати, уже назревали другие планы. И с «идеалистами» – видно было – нам пока что не по пути»¹²³.

Конечно, спустя годы Зинаида Николаевна описывала этот конфликт мудро и спокойно. Не думаю, что так же отстраненно она подходила к происходящему в начале 1905 года. К тому же, поводом для разрыва стала как раз ее собственная статья: ее отказались печатать (!) как слишком политизированную и реакционную. Чулков, Булгаков, Бердяев заняли в этом вопросе общую позицию, то есть, с точки зрения Мережковских, редакция окончательно вышла из повиновения. По сути, это был бунт против «литературных генералов»¹²⁴. Тогда Зинаида Николаевна и Дмитрий Сергеевич демонстративно вышли из состава редакции и потребовали закрытия журнала. В конце концов, было принято решение, что «Новый путь» станет «Вопросами жизни» – именно на такое издание удалось получить разрешение Бердяеву с Булгаковым еще в Киеве. Деньги на новый журнал великодушно и бескорыстно дал Д. Е. Жуковский,

¹²³ Гиппиус З. Н. Дмитрий Мережковский. // Бердяев: pro et contra. Сс. 32-33.

¹²⁴ Так назвал Мережковских в своих воспоминаниях Г. И. Чулков.

который издавал философские книги, – многие за свой счет. Политический и философский отделы были в руках Булгакова и Бердяева, отдел беллетристики, поэзии и критики возглавил Г. И. Чулков. Георгий Иванович, который стал своего рода «соединителем» двух журналов, так оценил произошедшие перемены: ««Вопросы жизни» не были тем боевым, своеобразным и нарушавшим все интеллигентские традиции журналом, каким был «Новый путь», но зато новый журнал был солиднее, умнее, убедительнее, внушительнее своего неосторожного предшественника»¹²⁵. Сам Чулков солиднее не стал: А. Белый с улыбкой вспоминал, что Георгий Иванович «бросался на все точки зрения; и – через них перемахивал; но от этих спортивных занятий прихрамывал он то на правую, то на левую ногу»¹²⁶. Он так описывал Чулкова времен «Вопросов жизни»: «...дверь распахнулась – влетел Чулков с дыбом взбитыми волосами, – худой, впалогрудый и бледный, поднявши сквозняк; резолюции, протоколы, бумажки, взвитые, уносятся в вентилятор; ...«несется» он с пачкой листков, иль размноженного протеста, торчащего из его фалды с платком носовым;... Георгий Иванович басит трубно: в нос; а клочок волос пляшет... Он всегда оголтелый: и это – от всех преодоленных позиций; недоумение в его широко открытых глазах; рот – полуоткрыт: через что перемахивать, когда все уже вымахано?»¹²⁷ Андрей Белый с симпатией описывал героическую попытку Георгия Ивановича «вздувать пламя из еле тлеющего пепелища «Вопросов жизни»¹²⁸, да и другие авторы и сотрудники журнала отмечали, что энергия и энтузиазм Чулкова были немаловажной причиной возникновения нового журнала.

Поскольку Чулков получил «повышение», став редактором литературно-художественного раздела, то секретарем пригласили недавно приехавшего из вологодской ссылки А. М. Ремизова. Поселился в редакционной квартире Ремизов вместе с женой, С. П. Ремизовой-Довгелло, полной и большой дамой, ставшей вскоре известной в литературных кругах благодаря исключительной прямооте своих суждений, а также из-за «почтительного восхищения», которым всегда окружал ее муж. Николай Александрович очень радовался приезду Ремизова, считая, что это сделает их с Лидией петербургскую жизнь гораздо интереснее. Это сбылось лишь отчасти: понимания и приязни между Лидией и женой Ремизова не возникло. Бердяев вспоминал людей, с которыми сотрудничал в то время, хотя и несколько преувеличивал роль «своего» журнала: «Журнал «Вопросы жизни» был местом встречи всех новых течений. Сотрудниками были люди, пришедшие из разных миров и потом разошедшиеся по разным мирам. Кроме редакторов, С. Булгакова и меня, в журнале участвовали: Д. Мережковский, В. Розанов, А. Карташев, Вяч. Иванов, Ф. Сологуб, А. Блок, А. Белый, В. Брюсов, А. Ремизов, Г. Чулков, Л. Шестов, М. Гершензон, С. Франк, П. Струве, князь Е. Трубецкой, П. Новгородцев, Ф. Зелинский, Б. Кистяковский, Волжский, В. Эрн; из политиков – радикалы-освободенцы и некоторые более свободомыслящие социал-демократы»¹²⁹.

Надо сказать, что разрыв с Мережковскими у Бердяева не носил окончательного характера. Они не только продолжали общаться, но и сотрудничали: Мережковские планировали издать сборник «Царь и революция» и предложили Бердяеву написать для него статью, да и в «Вопросах жизни» они публиковались. Зинаида Николаевна писала в мемуарах: «... с Н. Бердяевым мы лично очень подружились. Особенно я. Случалось, наши с ним разговоры затягивались «далеко за полночь». Разговоры больше метафизические, так как от всякой мистики и религии он был еще на порядочном расстоянии»¹³⁰.

¹²⁵ Чулков Г. И. «Вопросы жизни» // Чулков Г. И. Годы странствий. – М.: 1930. С. 66.

¹²⁶ Белый А. Между двух революций. Воспоминания. В 3-х кн. Кн. 3. – М.: Худож. лит., 1990. С. 59.

¹²⁷ Белый А. Между двух революций. Воспоминания. В 3-х кн. Кн. 3. – М.: Худож. лит., 1990. С. 59.

¹²⁸ Там же. С. 60.

¹²⁹ Бердяев Н. А. Самопознание. С. 132.

¹³⁰ Гиппиус З. Н. Дмитрий Мережковский. // Бердяев: pro et contra. С. 33.

Наверное, замечанию Зинаиды Николаевны можно поверить, – не только потому, что человеком она была наблюдательным и близко знала Бердяев, но и потому, что похожее впечатление складывалось и у других людей, общавшихся с Николаем Александровичем в то время. Например, Чулков считал, что именно в петербургский период происходил очередной перелом во взглядах философа: «В это время и Булгаков, и Бердяев переживали второй духовный кризис. Когда-то ревнители «диалектического материализма» – они, вкусив чашу с кантианским ядом, не могли уже вернуться в стан своих недавних единомышленников. Но теперь они были на пороге нового мирозерцания. Кантианский идеализм их не удовлетворял. . . . Оба они склонялись все более и более к «положительной религии».¹³¹ Именно в петербургский период своей жизни Николай Александрович перешел от «неоидеализма» к религиозной философии.

В эти же петербургские годы Бердяев впервые тесно соприкоснулся с литературно-художественным миром. Первыми его проводниками в этот мир стали, конечно, Мережковские. Зинаида Николаевна и Дмитрий Сергеевич были близки с кружком С. П. Дягилева, выразителем взглядов которого был журнал «Мир искусства». Организованные ими Религиозно-философские собрания имели самый широкий отклик в среде художественной интеллигенции. Их «Новый путь» активно участвовал в жизни столицы, оппонировав другому течению символистов, опиравшихся на московское издательство «Скорпион» и возглавляемых Брюсовым. Очевидно, что Мережковские занимали одно из самых видных мест в культурной жизни северной столицы. Да и сама их квартира, где Бердяев очень часто бывал, была чем-то вроде литературного салона. А. Белый говорил, что у Мережковских «воистину творили культуру». Особую роль в создании такого «культурного оазиса», конечно, играла Зинаида Николаевна – «Зинаида прекрасная», «декадентская мадонна», «мэтрисса» символизма. Ее рисовал Л. С. Бакст, ей посвящали стихи Брюсов и Белый, с ней спорили на философские темы Розанов и Бердяев. . . . Упомянувшийся уже П. П. Перцов писал о З. Н. Гиппиус: «Высокая, стройная блондинка с длинными золотистыми волосами и изумрудными глазами русалки, в очень шедшем к ней голубом платье, она бросалась в глаза своей наружностью. Эту наружность несколько лет спустя я назвал бы «боттичеллиевской» . . . Весь Петербург ее знал, благодаря этой внешности и благодаря частым ее выступлениям на литературных вечерах, где она читала свои столь преступные стихи с явной бравадой»¹³². «Соблазнительная, нарядная, особенная»¹³³, – вторила Перцову в своих воспоминаниях Б. Погорелова. «Она была очень красивая, – соглашалась и другая знакомая. – Высокая, тонкая, как юноша, гибкая. . . . Ей очень хотелось поражать, притягивать, очаровывать, покорять»¹³⁴. Зинаида Николаевна и Бердяева покорила, – он с нею особенно сблизился, спустя годы называл их отношения «настоящей дружбой» и писал: «Я считаю З.Н. очень замечательным человеком, но и очень мучительным. Меня всегда поражала ее змеиная холодность. В ней отсутствовала человеческая теплота. Явно была перемешанность женской природы с мужской, и трудно было определить, что сильнее. Было подлинное страдание. З.Н. по природе несчастный человек. Я очень ценил ее поэзию. Но она не была поэтическим существом, была даже существом антипоэтическим, как и многие поэты той эпохи. На меня всегда мучительно действовало отсутствие поэтичности в атмосфере русского ренессанса, хотя это была эпоха расцвета поэзии. . . . С самим Мережковским у меня не было личного общения, да и вряд ли оно возможно. Он никого не слушал и не замечал людей»¹³⁵. Несмотря на полный разрыв отношений, последовавший спустя несколько лет, несомненно влияние Мережковских на Бердяева в петербургский период его жизни как в личностном плане – благодаря

¹³¹ Чулков Г. И. Годы странствий. С. 62.

¹³² Перцов П. П. Литературные воспоминания. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. С.

¹³³ Погорелова Б. «Скорпион» и «Весы». // Воспоминания о серебряном веке. (Сост. И автор предисл. И коммент. В. Крейд). – М.: Республика, 1993. С.315.

¹³⁴ Тыркова-Вильямс А. Тени минувшего. Встречи с писателями. // Воспоминания о серебряном веке. С. 327.

¹³⁵ Бердяев Н. А. Самопознание. С. 133.

Мережковским Бердяев вошел в абсолютно для него новую среду, познакомился со многими интересными людьми, так и в теоретическом – в его творчество вошла проблематика «нового религиозного сознания». Известный историк русской культуры В. Вейдле отмечал, что время рубежа веков было временем не просто соприкосновения, но постоянного «обмена веществ» между философией – религиозной философией – и поэзией, литературой, живописью, музыкой, а через нее и всей духовной жизнью страны¹³⁶.

Петербургская жизнь тогда имела свои точки культурного притяжения: собрания в салоне Мережковских, «понедельники» у Дягилева, розановские воскресенья, «башенные среды»... Бердяев стал завсегдаем многих таких вечеров. Благодаря «Новому пути» Бердяев лично познакомился с Василием Васильевичем Розановым. Читая в Киеве розановские публикации, Бердяев заочно решил, что с их автором ему не по пути. Питерская же жизнь распорядилась иначе: несмотря на теоретические и политические разногласия, общение с Розановым продолжалось и вне редакции. По воскресеньям у Василия Васильевича часто собирались самые разные люди: А. Белый и Мережковские, Ф. Сологуб и Л. С. Бакст, Д. В. Философов и С. П. Дягилев. Бывал на «воскресеньях» и Бердяев, иногда с женой. Зинаида Гиппиус описывала внешнюю обстановку розановских «воскресений»: «Была в доме бедность. Такая невиданная, чистенькая бедность, недостача, стеснение»¹³⁷. Зато беседы в этой бедной обстановке за чаем с пирогами велись удивительные: про место церкви в российской истории, про образование, про религиозные истины и, конечно же, про значение пола в жизни человека. Позднее в своей философской автобиографии Бердяев так писал о Розанове: «В. В. Розанов один из самых необыкновенных, самых оригинальных людей, каких мне приходилось в жизни встречать. Это настоящий уникум. В нем были типические русские черты, и вместе с тем он был ни на кого не похож. Мне всегда казалось, что он зародился в воображении Достоевского и что в нем было что-то похожее на Федора Павловича Карамазова, ставшего гениальным писателем. По внешности, удивительной внешности, он походил на хитрого рыжего костромского мужичка. Говорил прищептывая и приплюывая. Самые поразительные мысли он иногда говорил вам на ухо, приплюывая. ... Читал я Розанова с наслаждением. Литературный дар его был изумителен, самый большой дар в русской прозе. Это настоящая магия слова. Мысли его очень теряли, когда вы их излагали своими словами. Ко мне лично Розанов относился очень хорошо, я думаю, что он меня любил. Он часто называл меня Адонисом, а иногда называл барином, при этом говорил мне «ты»»¹³⁸. В то же время, Бердяев отмечал, что его собственное мирозерцание и розановское «принадлежали к полярно противоположным типам». С этим можно было бы согласиться, если бы не аргументация, которую он приводил. «В остром столкновении Розанова с христианством я был на стороне христианства, потому что это значило для меня быть на стороне личности против рода, свободы духа против объективированной магии плоти, в которой тонет образ человека», – писал Николай Александрович. Действительно, зрелому Бердяеву философия плоти была чужда (хотя в своем раннем творчестве он отдал дань этой теме, – прежде всего, под влиянием Розанова), темы и стиль их философского творчества совсем не походили друг на друга. Но считать Розанова безоговорочно «сталкивающимся с христианством» вряд ли возможно: отношения с церковью у Василия Васильевича были намного сложнее, – в его творчестве можно расслышать не только критику исторического христианства, но и несвойственную деятелям Серебряного века любовь к Церкви и Христу. Думаю, Розанов был гораздо ближе к Церкви, чем Бердяев, в творчестве которого громко звучали нотки религиозного модернизма. Гиппиус назвала Розанова «усердным еретиком», имея

¹³⁶ См.: Вейдле В. Русская философия и русский «Серебряный век». // Русская религиозно-философская мысль XX века. Сб. статей под ред. Н. П. Полторацкого. – Univer. Of Pittsburgh: Pittsburgh, 1975. P. 71.

¹³⁷ Гиппиус З. Н. Задумчивый странник. О Розанове. // Розанов В. В.: pro et contra. – СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института (РГХИ), 1995. Кн. 1. С. 3.

¹³⁸ Бердяев Н. А. Самопознание. С. 138.

в виду, с одной стороны, его внешнее «безбожие», а с другой – погруженность Розанова в веру, его «религиозный вкус к миру». В книгах Розанова рассыпаны многочисленные признания в том, что религиозная вера определяет человека и его жизнь, что духовенство ему «всех сословий милее», а в «Уединенном» (одной из самых пронзительных розановских книг) он просто писал о себе: «Иду в Церковь! Иду! Иду!». Бердяев, только переживавший в петербургский период своей жизни поворот от неоидеализма к религиозной философии, вряд ли мог оппонировать Розанову «со стороны христианства».

Еще одним новым знакомым Бердяева из литературной среды стал «мистагог» русского символизма Вячеслав Иванович Иванов, вернувшийся весной 1905 года в Россию после многолетнего пребывания в Италии, Швейцарии и Греции. Поэт, философ, переводчик, тонкий знаток древней истории, Вячеслав Иванов и его жена, поэтесса Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал, сразу заняли заметное место в жизни столицы. Поселились Ивановы на последнем этаже здания напротив Таврического сада, где был угловой выступ, похожий на башню с куполом. Пространство выступа перегородили стенами, и получилась просторная квартира, в которой и жил со своей семьей Иванов. В летописи русской культуры начала прошлого века его квартира осталась под названием «башня». В своем письме Лидия Дмитриевна описывала свои первые впечатления от этой квартиры так: «Единственная квартира во всем Петербурге. Что-то дико фантастическое и прекрасное. 6-й этаж, из кухни ход на крышу и прогулка по крышам самого высокого дома города с видом на все четыре стороны города и боров в синих далах. Сама квартира: огромная передняя. Прямо вход в огромную, глубокую комнату, к концу ее обращенной в свод и с единственным суживающимся кнаружи окном. Что-то готическое. Из нее вход в большую, составляющей круглый угол дома (Тверской и Таврической). Она разделена перегородками (стенками внутренними) на три комнаты, и они представляют странную форму благодаря башне»¹³⁹. Именно здесь, начиная с осени 1905 года, проходили знаменитые ивановские «среды», на которых за несколько лет перебивали самые видные деятели культуры того времени: Александр Блок, Анна Ахматова, Михаил Кузмин, Борис Зайцев, Валерий Брюсов, Константин Бальмонт, Федор Сологуб, Константин Сомов, Лев Бакст, Василий Розанов, Поликсена Соловьева (сестра философа Владимира Соловьева, писавшая стихи под псевдонимом Allegro), Мстислав Добужинский, Максимилиан Волошин с Маргаритой Сабашниковой... «Кто только не сиживал у нас за столом! Крупные писатели, поэты, философы, художники, актеры, музыканты, профессора, студенты, начинающие поэты, оккультисты; люди полусумасшедшие на самом деле и другие, выкидывающие что-то для оригинальности; декаденты, экзальтированные дамы»¹⁴⁰, – вспоминала дочь Иванова Лидия. «Обыкновенно в «башне» читались самые свежие, еще не напечатанные стихи, и, разумеется, читались как было принято тогда, торжественно и нараспев, – рассказывал Добужинский. – После же чая кроме стихов часто читались доклады на одну из животрепещущих символических тем, и тогда возникал нередко весьма горячие прения»¹⁴¹. Завсегдаем «сред» стал и Бердяев. Он высоко отзывался о хозяине «башни»: «Вячеслав Иванов один из самых замечательных людей той, богатой талантами, эпохи. Было что-то неожиданное в том, что человек такой необыкновенной утонченности, такой универсальной культуры родился в России... В. Иванов – лучший русский эллинист. Он – человек универсальный: поэт, ученый филолог, специалист по греческой религии, мыслитель, теолог и теософ, публицист, вмешивающийся в политику. С каждым он мог говорить по его специальности»¹⁴².

¹³⁹ РГБ (Архив Российской государственной библиотеки). Ф. 109. Карг. 23. Ед. хр. 14. Л. 21об-23.

¹⁴⁰ Иванова Л. Вяч. Воспоминания: Книга об отце. – М.: 1992. С. 32.

¹⁴¹ Добужинский М. Встречи с писателями и поэтами. // Воспоминания о серебряном веке. С. 356.

¹⁴² Бердяев Н. А. Самопознание. С. 144–145.

Надо сказать, что, как и в салоне Мережковских, душой и музой собраний стала женщина – жена Иванова, «многоцветная» (по определению Б. Зайцева) Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал, приходившаяся родственницей Пушкину. Посетители «башни» нередко называли ее «Диотимой» – по имени мудрой героини платоновского диалога «Пир». Лидия Дмитриевна была красива, чрезвычайно умна, свободолюбива, эксцентрична, обладала уникальным даром притяжения. Маргарита Сабашникова описывала ее оклееную оранжевыми обоями комнату, при входе в которую стоял странной формы пестро-окрашенный сосуд, – в нем Лидия Дмитриевна хранила свои произведения, свернутые в виде свитков. При этом, несмотря на свой литературный талант, она вела все хозяйство «башни» – у нее не было кухарки или служанки, она все делала сама, несмотря на огромное количество гостей, бывавших на «башне» ежедневно. Вместе с Вячеславом Ивановым она пыталась создать новый, «незамкнутый», тип семьи, которая могла бы стать началом нового человеческого общежития. Роль «третьего» в супружеском союзе Ивановых попеременно играли то поэт Сергей Городецкий, то художница Маргарита Сабашникова (жена Максимилиана Волошина, с которой он расстался – в том числе, и из-за этой истории). Но семейный «эксперимент» вряд ли можно было считать удавшимся, потому что тройственный союз каждый раз оказывался непрочным. Маргарита Сабашникова написала великолепный портрет Лидии Дмитриевны, где она была похожа на Сивиллу. Недаром в одном из своих стихотворений, посвященных жене, Иванов писал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.